

№ 1(12)/2014

Российская академия наук
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЙ журнал

Москва
2014

Научно-теоретический журнал

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год
ISSN 2072–0726

Редакционная коллегия:

академик РАН *А.А. Гусейнов* (главный редактор),
проф., доктор *Эвандро Агацци* (Италия),
доктор филос. наук *Р.Г. Апресян*, доктор филос. наук *В.И. Аршинов*,
доктор филос. наук *В.Д. Губин*, доктор филос. наук *А.А. Кара-Мурза*,
чл.-корр. РАН *И.Т. Касавин*, чл.-корр. РАН *Н.И. Латин*,
академик РАН *В.А. Лекторский*, проф., доктор *Ханс Ленк* (Германия),
чл.-корр. РАН *В.В. Миронов*, доктор филос. наук *В.И. Маркин*,
доктор филос. наук *Н.В. Мотрошилова*,
доктор филос. наук *С.А. Никольский*, проф., доктор *Том Рокмор* (США),
чл.-корр. РАН *А.В. Смирнов* (зам. главного редактора),
доктор филос. наук *Ю.Н. Солонин*,
кандидат филос. наук *Н.Н. Сосна* (ответственный секретарь),
академик РАН *В.С. Стёпин*, доктор полит. наук *М.М. Федорова*,
доктор филос. наук *В.Г. Федотова*,
проф., доктор *Чжан Байчунь* (Китай),
чл.-корр. РАН *Б.Г. Юдин*, кандидат полит. наук *А.Ф. Яковлева*

Зав. редакцией – *Ю.Г. Россиус*

В НОМЕРЕ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ В ИНСТИТУТЕ

В.Н. Шевченко. Зачем нужна обществу публичная философия? 5

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Брайан Массуми. Воображая виртуальное 19

А.В. Смирнов. Сознание как смыслополагание 35

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Ю.В. Синеокая. Путешествие как философский проект 58

МОРАЛЬ И ОБЩЕСТВО

Р.Г. Апресян. К базовому определению морали 78

Памяти Вадима Николаевича Садовского (1934–2012)
К 80-летию со дня рождения 92

Н.И. Лапин. Смена парадигм системного мышления и антропо-
деятельностное понимание неравновесных социокультурных систем 93

О НОВЫХ ИЗДАНИЯХ

Н.В. Мотрошилова. Мир мудрых мыслей Т.И.Ойзермана 107

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ

С.Н. Корсаков, М.Г. Деборин. Борьба академика А.М.Деборина за научную
и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах 117

Аннотации 140

Summary 143

Об авторах 146

TABLE OF CONTENTS

PAPERS DELIVERED IN THE INSTITUTE

V.N. Shevcenko. Why does a society need public philosophy?..... 5

IN SEARCH OF A NEW LANGUAGE FOR PHILOSOPHY

Brian Massumi. Envisioning the Virtual..... 19

A.V. Smirnov. Mind as a sense generating vehicle 35

HISTORY AND THEORY OF CULTURE

J.V. Sineokaya. Travel as a philosophical project 58

MORALITY AND SOCIETY

R.G. Apressyan. Towards a core understanding of morality 78

In the memory of Vadim Nikolaevič Sadovsky. On the occasion of his 80th birthday..... 92

N.I. Lapin. The change of paradigms of system thinking
and the anthropic understanding of non-equilibrium sociocultural systems 93

RECENT BOOKS ON PHILOSOPHY

N.V. Motroshilova. The world of Theodor Oisermann's wise thoughts 107

THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY: PAGES OF HISTORY

S.N. Korsakov, M.G. Deborin. The struggle of A.M. Deborin, FRAS, for scientific
and social rehabilitation: the story told via documents and testimonies..... 117

Summary 143

About authors 146

ЗАЧЕМ НУЖНА ОБЩЕСТВУ ПУБЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ?*

В ходе серии обсуждений темы «Философия в публичном пространстве», состоявшихся в последнее время в Институте философии РАН¹, в центре внимания неизменно оказывались вопросы политического характера. Это, конечно, не случайно и требует пристального рассмотрения. Почему если говорят, что академическая (профессиональная) философия плохо представлена в публичном пространстве российского общества, с чем в основном все участники дискуссий были согласны, то имеется в виду прежде всего политическая тематика, жизненно значимая для самых различных слоев российского общества? Как в реальной ситуации академическая философия может более активно и целенаправленно включаться в публичную жизнь? А, с другой стороны, кому нужна сегодня академическая философия, кто к ней проявляет интерес, что в ней ищет публика и почему академическая философия не имеет возможностей удовлетворить запросы тех, кто хотел бы получить от нее глубокие и исчерпывающие ответы на все, как они полагают, острые и болезненные вопросы сегодняшнего дня?

Старое и новое в интересе публики (общественности) к социально-гуманитарным наукам и философии

Публичный интерес к философии проявляется по-разному. Одно из проявлений подобного интереса – прагматистско-вопросительное. Общество вправе знать, зачем нужна академическая (профессиональная) философия, почему на нее нужно тратить деньги налогоплательщика. Но в целом публика всегда испытывала и испытывает постоянное любопытство к тому, о чем пишут и спорят философы. В недавнем прошлом этот интерес в значительной степени удовлетворялся публичными лекциями известных философов, изданием многочисленных популярных книг и брошюр. Высоко ценились и ценятся авторы, которые умеют рассказывать о профессиональных занятиях философов доступно и занимательно.

В последнее время в ответ на критику со стороны общества философия заметно расширила формы своей активности в обществе. Философы стали искать и находить новые публичные площадки для открытых дискуссий, устраивать пиар-акции, выступать в больших аудиториях и отвечать на вопросы со стороны не всегда доброжелательной публики.

* Статья написана на основе доклада, сделанного на семинаре «Философия в публичном пространстве» в Институте философии 26 марта 2013 г.

¹ См.: статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: Филос. журн. 2012. № 2. *Межуев В.М.* Кому и зачем нужна сегодня философия? С. 5–16; *Федорова М.М.* Философия и политика. С. 17–26; *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. С. 27–44.

Общество, кажется, привыкло к сугубо прагматистскому использованию понятия философии. Постмодернистская культура особенно преуспела в создании целого ряда микрофилософий. Появились философии обуви, автомобиля, шопинга, еды и много чего другого. Дорогая обувь ручной работы от Маноло Банник, как свидетельствует реклама, есть философия высокого стиля. В последнее время практически к любой профессии, тем более к повседневным социальным практикам, дизайнеры способны придумать красивую философскую виньетку. Мода на философию стала знаковой приметой времени. Но самая главная особенность последних десятилетий состоит в том, что претерпевают фундаментальные изменения взаимоотношения между публичной сферой жизни и социально-гуманитарными науками, в том числе и философией.

Новые формы общественной, публичной активности социально-гуманитарных наук: публичная социология, публичная история и публичная политология

В.М.Межуев в своем выступлении при обсуждении проблем философии в публичном пространстве говорил о резком возрастании интереса публики к гуманитарному знанию и привел в качестве примера такое новое явление в общественной мысли, как публичная социология. Интересно, что помимо публичной социологии в последние десятилетия появились публичная история, публичная медицина, целый ряд других «публичных» дисциплин, не говоря уже про публичную политику, с появления которой, кажется, и начался этот процесс.

В чем же заключается смысл публичной социологии? Ответ на этот вопрос весьма поучителен для решения поставленной в статье проблемы. Профессор Калифорнийского университета М.Буравой в своей ставшей широко известной статье «За публичную социологию» высказался за разделение социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию². В самом общем смысле публичная социология появляется, когда социология вступает в диалог с группами общест-венности.

Традиционная публичная социология существует давно. Например, когда социологи высказывают свое мнение на страницах влиятельных газет и журналов, комментируют вопросы общественной значимости. Многие работы социологов на актуальные темы вызывают оживленные дискуссии – о характере общества, его болезнях и тенденциях, о разрыве между обещаниями и реальностями. Что касается прикладной социологии, то она служит достижению цели, обозначенной клиентом или заказчиком. Смысл прикладной социологии заключается в решении поставленной перед социологами конкретной задачи или легитимации, оправданию в глазах общества уже принятых решений. Современная публичная социология, как пишет автор, носит органический характер. Публичная социология взаимодействует с конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой. Нуж-

² Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П.Романова и Е.Ярской-Смирновой. М., 2008. С. 18.

но научиться и быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог, свободное и равное участие, когда нет единой нормативной системы ценностей. Другими словами, вести диалог в рамках социологически поставленной проблемы и при помощи социологии. Более того, социолог может создавать активно действующие группы общественности, направленные на решение той или иной социальной проблемы. Так что «коммуникативное действие» Ю.Хабермаса, подчеркивает М.Буравой, не есть нечто задаваемое обществом изначально, т. к. его порой очень сложно организовать и поддерживать. В этих рассуждениях можно усмотреть прямую связь между растущим многообразием деятельности институтов гражданского общества и развитием публичной социологии.

Профессиональная социология не является врагом публичной или прикладной социологии, а *sine qua non* – неперенным условием их существования, она выступает в качестве источника легитимности и экспертизы для публичной и прикладной социологии. М.Буравой пишет, что один из главных вопросов, который ставит критическая социология, звучит следующим образом: «Социология для чего? Действительно ли нам нужно заботиться о конечных целях общества или только о способах достижения уже поставленных целей? Это именно то отличие, которое подчеркивает дискуссия Макса Вебера о технической и ценностной рациональности»³.

Один тип знания М.Буравой называет *инструментальным знанием*, будь то решение задач в профессиональной социологии или решение задачи прикладных социологических исследований. Другой тип – *рефлексивное знание*, оно связано с диалогом о конечных целях, будь то диалог внутри академического сообщества об основах его исследовательских программ или между академическим сообществом и различными общественными и политическими группами о направлении, в котором движется общество. Рефлексивное знание задает вопросы о ценностных ориентирах общества и профессии социолога. Публичная социология является именно таким знанием.

Важно отметить, что в дискуссии отечественных социологов по поводу позиции М.Буравого идея четкого отделения публичной социологии от прикладной не получила должного внимания и дальнейшего развития⁴. Граница между ними остается размытой и неотрефлексированной.

Вывод, который можно сделать из весьма краткого рассмотрения публичной социологии, состоит в следующем. Социологи изучают созданные людьми самодеятельные организации с тем, чтобы не просто показать обществу цели, задачи, формы и способы их деятельности. Рассматривая особенности включения организаций в социальные процессы, они постоянно сотрудничают с ними и, если удастся, конечно, установить контакт, обозначают для них угрозы, создают конкретное динамически меняющееся социологическое знание применительно к сложившейся ситуации. Таким образом, становятся публичными социологами. Это знание помогает руководителям, активным участникам организаций расширять горизонты восприятия окружающей среды, многообразие ценностей и интересов, учит их действовать эффективно и творчески. Научившись мыслить социологически рефлексивно, они не отказываются от своих целей и задач, но могут стать способными при изменении конкретных обстоятельств пересматри-

³ Буравой М. За публичную социологию. С. 21.

⁴ Один из участников дискуссии А.Алексеев подчеркнул, что «постановка вопроса о публичной социологии представляется весьма актуальной и своевременной для российской социальной науки» (Там же. С. 60).

вать их. Можно сказать, что этот пример с публичной социологией наглядно демонстрирует, как возникает публичная форма конкретного социально-гуманитарного знания, когда оно вступает во взаимодействие с общественными организациями в публичном пространстве. Это заключение, однако, требует дополнительных обоснований.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг публичной истории. Понимание целей и задач публичной истории трактуется в ином ключе. Обращает на себя внимание программная статья «Прикладная история или публичное измерение прошлого», опубликованная недавно группой немецких ученых. Публичная история – сравнительно новая отрасль знания, которая занята переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т. е. знания, предназначенного для понимания и дальнейшего употребления широкой аудиторией. Другими словами, публичная история – это курс истории для неспециалистов, которым нужны сведения для выполнения коммерческих или просветительских программ. Например, для оформления выставок, музеев и т. д. Публичная история появилась в начале XX века в Германии и во второй половине XX века получила широкое распространение во всем мире. К примеру, созданное в Университете Гейдельберга в 2010 году направление «Public History» занимается выпуском историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например в издательском деле, СМИ, музеях. В России также созданы в некоторых учебных заведениях учебные курсы по «public history». Проблема четкого разграничения публичной истории и прикладной истории становится все более значимой, и она решается немецкими авторами следующим образом: «Хотя *public history* и прикладная история, без сомнения, пересекаются как в своей ориентированности на практику, так и в исследовательском интересе, плодотворной может оказаться попытка разграничить их. ...В отличие от *public history*, которая в основном занимается изложением исторических тем в публичной сфере, в случае прикладной истории следует обратить внимание на субъекты и возможности их сотрудничества»⁵. Прикладная история, по мнению авторов, выступает как диалог между обществом и академической наукой, как точка пересечения между ними. Речь идет о специфическом субъектноцентричном подходе к историческому знанию.

В этом случае получается так, что именно прикладная, а не публичная история должна осуществлять функцию связи между общественным интересом к прошлому, академическим воспроизводством исторического знания и политически мотивированным созданием коллективной истории. Авторы считают, что существует необходимость вовлекать в процесс формирования исторического знания самые различные общественные группы с их собственными интересами, компетенциями и перспективами. Более того, и, пожалуй, это самое главное в их позиции, «через работу различных субъектов непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется история»⁶. Это означает, что академическая наука должна в большей степени ориентироваться на настоящие потребности общества и приобщать к истории активных субъектов гражданского общества. Новизна ситуации несомненна, и она в некоторой степени опасна для академической науки. «В этом случае ученые не должны в качестве экспертов возвышаться

⁵ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3(83). С. 234.

⁶ Там же. С. 242.

ся над историями других. Следовательно, они должны не рассказывать, “как было на самом деле” (Леопольд фон Ранке), а скорее предлагать научную экспертизу, делать ее применимой для неспециалистов»⁷.

Другими словами, конкретные практики, как политические, так и коммерческие, не только формируют задачи, которые подлежат решению в рамках академической науки, но и выражают свое нежелание находиться под академической наукой.

Ситуация в исторической сфере знания изложена в другой терминологии, но дело здесь не столько в терминологии. Сложившаяся ситуация заметно отлична от предыдущей. Настойчивые желания организаций гражданского общества влиять на формирование исторического знания приобретают зримый оттенок конфронтации между академической наукой и претензиями этих организаций, что нередко становится темой публичных дискуссий и ожесточенных споров. Должны ли профессиональные историки обучать активистов исторических организаций или нет? Даже при написании истории коммерческой компании, родного края, области или села нужны ли профессиональные знания или достаточно честности и аккуратности в работе с документами и артефактами? Не слишком ли далеко идут претензии самодеятельных активистов? Вряд ли стоит поддерживать идею закрытости профессионального знания историков. Но необходимо видеть различие между требованиями коррекции этого знания, идущими от публичных самодеятельных организаций, и необходимостью тех изменений в знании, масштаб которых задается характером происходящих сдвигов в самосознании общества, т. е. в его культуре, научной сфере, философии.

Интересная ситуация сложилась в сфере политического знания. Общепринято разделение на фундаментальную, теоретическую и прикладную политологию, но обращает на себя внимание отсутствие выделения на этом фоне публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, несомненно, можно найти то, что можно было бы отнести к сфере проявления публичной политологии.

Теоретическая политология изучает политическую сферу жизни общества во всем ее многообразии, создает целостную систему знания, которое дает описание, объяснение и понимание процессов политического развития, разрабатывает с этой целью понятийный аппарат, методологию и методы политологического исследования. Что касается прикладной политологии, то она прежде всего занята поиском решений конкретных вопросов, встающих перед отдельными субъектами политических процессов в определенных временных рамках. Прикладная политология анализирует конкретные политические процессы и события, формулирует свои предложения и рекомендации тем или иным субъектам для принятия ими политических решений. Другими словами, прикладная политология всегда проблемно ориентирована на заказчика в широком смысле этого слова.

Такова вкратце ситуация в прикладной политологии, в которой можно выявить конкретные формы деятельности, похожие на формы публичной политологии. Известно, что в России развитие и укрепление государства и власти далеко не всегда сопровождалось расширением публичного пространства политики. Вместо проведения широкой публичной политики власть в России постоянно стремится к тому, чтобы представлять наиболее важные вопросы общественной жизни не как политические, а как вопросы госу-

⁷ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого. С. 234.

дарственно-административного характера. Это имело место в имперские и советские времена, и сегодня наблюдается тот же самый тренд. Например, Госдума сегодня успешно выступает в роли приводного ремня президентско-правительственной вертикали власти. Постоянное стремление власти свести публичную политику к ментальному и информационному инструменту действующей власти, дополнив ее дозированным участием системных оппозиционных политиков, т. е. политиков, допущенных играть роль оппозиции, выглядит для нек заманчиво простым делом. Элементы публичной политики становятся надежным прикрытием для непрозрачности самой власти. С одной стороны, власть постоянно формирует наиболее резонансные и выигрышные для нее дела. В то время как многие ее действия намеренно ведут к вытеснению из общественного сознания тех решений, которые непопулярны или оказались провальными. Как правило, это ей удается. Но в целом такое поведение позволяет власти доказывать, что она умеет решать конкретные дела лучше своих политических соперников. На посту мэра Москвы должен быть крепкий хозяйственник – в этом видела смысл недавно состоявшихся выборов мэра федеральная власть. Недаром победивший на выборах кандидат был самовыдвиженцем, который делал упор на свои способности и умение решать хозяйственные проблемы, стоящие перед Москвой. И никакой «высокой» политики.

Несмотря на стремление власти минимизировать политическую жизнь, в обществе постоянно происходит сложное политическое брожение, возникают и распадаются разные политические и политизированные движения вплоть до тех, которые выступают за смену власти и, более того, за свержение власти. Парламентская оппозиция довольствуется навязанными ей жесткими рамками публичного выражения своей позиции. Несистемная оппозиция, как и положено, пребывает на задворках политического процесса. Такая ситуация отнюдь не способствует отделению публичной политологии от прикладной политологии. Рассмотрим подробнее теоретическую сторону вопроса о публичной политологии.

Несколько слов о работе У.Липмана «Публичная философия»

Вопреки очевидной потребности в публичной политологии, оказалось, что ее роль с успехом может выполнять (и реально выполняет), с нашей точки зрения, публичная философия. Этот несколько неожиданный вывод требует, конечно, обстоятельной аргументации. Интерес вызывает в этой связи давняя работа американского политического и морального мыслителя У.Липмана «Публичная философия», написанная им полвека назад в середине 50-х гг. XX столетия. Особенных открытий мы в ней не найдем, но есть ряд важных положений, на которые следует обратить внимание, когда мы анализируем сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и пытаемся найти подходы к ее решению. Прежде всего, что он имеет в виду под публичной философией и какими функциями он ее наделяет? западных странах в последние столетия было широко распространено такое социальное явление, которое У.Липман называет *публичной философией*. Она является базой и оплотом политических институтов западного общества, и ее наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII–XVIII веков были сторонниками определенной публичной философии – учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и

суверенного народа... выше всего сообщества смертных»⁸. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие закона и порядка (cosmos). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII века обосновали свою государственно-властную конструкцию. Публичная философия включает в себя конкретный набор ценностей, безусловно определяющих суть западной цивилизации, начиная с римской империи. И эти ценности, «я полагаю, – пишет У.Липман, – не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии»⁹.

У.Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического западного государства. Публичная жизнь граждан – это открытое и свободное взаимодействие между гражданами и взаимное признание ими важности диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было формой организации публичной жизни в античном полисе. По мнению Х.Арендт, идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, другими словами, городская площадь, где собираются свободные граждане полиса, которые обсуждают проблемы жизни города, ведут философские дискуссии, ищут согласия. Между прочим, жителей полиса посвящали в граждан на торжественной публичной церемонии. Публичные дискуссии становятся нормой и приводят к обязывающим решениям только в рамках принятой системы правовых норм, ценностей, т. е. при наличии объединяющего начала. У.Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьез озабочен падением публичного интереса к политике. Раньше все охотно занимались политикой в Америке, а теперь нет. Но это американский и к тому же довольно односторонний взгляд на то, что происходило тогда в самой Америке. С 20-х годов прошлого столетия в Европе все складывалось по-иному, ее сотрясали социальные конфликты и революции, все виды тогдашней классовый борьбы. О наличии некоего объединяющего философско-идеологического начала здесь вряд ли приходится говорить.

У.Липман в этом контексте как раз и пишет о разрушительной деятельности контрреволюционных движений, которые враждебны либеральной демократии, и они подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона – это вопрос целесообразности практического разума.

У.Липман отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами государства принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

Таким образом, основной смысл публичной философии, по У.Липману, состоит в том, что она играет роль, с нашей точки зрения, своеобразной идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику как на активных граждан. Более того, «публичная философия в деле сохранения жизне-

⁸ Липман У. Публичная философия. М., 2004. С. 90.

⁹ Там же. С. 93.

способности общества играет роль нити, связующей воедино его отдельные части»¹⁰. И она довольно жестко определяет границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь в том смысле, что возникают разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии становится излишним всякое сомнение в безусловности объединяющего всех консенсуса. С помощью самых различных, в том числе и репрессивных, мер все различные массовые и политические движения, в том числе и европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Европейская социал-демократия была принуждена вписаться в жесткие рамки политического дискурса, и У.Липман, конечно, позитивно относится к этому явлению. Вся западная политическая практика XX века говорит о том, что рамки публичной философии оказались слишком тесными, поэтому появлялись и появляются новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение. У.Липман уверен, что можно восстановить и сохранить целостность традиций цивилизованной жизни западного общества. Ход последующего развития европейского общества показал, что эта целостность удерживается с немалыми трудностями. Но здесь есть одна проблема, которая остается у него не поставленной.

Публичная философия в эпоху античности и даже классического капитализма раскрывает свое содержание далеко не в полной мере. Она еще не отделилась и по предмету, и по субъекту от профессиональной философии. В жизни античного полиса это особенно наглядно видно. Сегодня естественно возникает вопрос: если есть публичная философия, тогда кто же выступает ее субъектом? Ведь она не сама по себе складывается, но она и не тождественна профессиональной философии. У.Липман заявляет, что публичная философия постоянно нуждается в оживлении и обновлении. Так кто должен этим заниматься: философ-профессионал или публичный философ? Вопрос не в том, может ли это делать с успехом один человек, предметы занятий тут достаточно разные, к примеру, наличие публичного социолога в разобранный выше примере не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что современный рост массовых политических движений делает крайне необходимой и полезной такую профессию, как публичный философ. Можно сказать, что решением подобного рода задач ранее занимались профессиональные идеологи. Но сегодня понятие идеологии и прежде всего общенациональной идеологии приобретает новые смыслы. Идеология начинает все более пониматься и в России, и на Западе как многоплановое идейное образование, которое реально обеспечивает единство, интегративный характер современного государства. Для современной России это особенно актуально. И, видимо, вместо идеологического функционера на ведущие роли в обществе постепенно выдвигается новая фигура – публичный философ.

¹⁰ Липман У. Публичная философия. С. 121.

К вопросу о специфике академической (профессиональной) философии

Сказанного выше достаточно, мы полагаем, чтобы поставить вопрос о том, что публичная философия как явление объективное существует независимо от того, как оно до сих пор обозначалось. А.А.Гусейнов в статье «О назначении философии» подчеркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык: «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить тексты с одного языка на другой, и может ли это делать один и тот же человек – особый вопрос»¹¹.

Введение понятия публичная философия позволяет дать более ясное понимание сути этого «переходника» между профессиональной философией и различными политическими группами, которые обращаются к текстам профессиональной философии в поисках ответов на волнующие их проблемы. Но сначала о назначении философии. Присутствие профессиональной философии в своем содержательном смысле как текстов в культуре общества абсолютно необходимо и жизненно важно для существования общества. Самая важная черта профессиональной философии – это плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития»¹².

Особая потребность в новых философских системах появляется в условиях длительного общественного кризиса, распада существующих социальных и моральных устоев жизни, нарастающих в обществе противоречий между реальностями жизни и настоятельными стремлениями общества найти новые цели и направления развития, новые жизненные смыслы. Философия стремится создать идеальный духовный универсум, представляющий собой определенный этико-политический проект совершенного устройства общества и совершенного человека. Создание такой особого рода философской утопии есть способ существования самой философии в истории общества и культуры. Каждая из таких создаваемых философских систем носит авторский характер, и ее автор твердо уверен в том, что он смог выразить некоторую абсолютную истину, которая до сих пор оставалась невыявленной. Без такой уверенности ни один выдающийся философ не смог бы заниматься десятилетиями созиданием своей системы. Основой такого рода философского утопического проекта выступает метафизика, обращение к первоосновам, к всеобщему. Каждая отдельная философская система, будучи сложнейшим теоретическим образованием, представляет собой некоторую двуединую целостность. Название последнего XXIII Всемирного философского конгресса (Афины, август 2013) точно отразило эту ее особенность: «Философия как исследование и как образ жизни».

¹¹ Гусейнов А.А. О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию акад. Т.И.Ойзермана. М., 2005. С. 94.

¹² Там же. С. 96.

В.А.Подорога заметил в докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН, что возвращение философии к самой себе, к метафизике оснований «как ни странно, смыкается с политикой, но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция... а как индивидуальное дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, который интерпретируется как политический выбор»¹³. Политика есть условие и способ существования любого социума. Выступая в дискуссии по докладу В.А.Подороги, А.А.Гусейнов подчеркнул, что «философия, оставаясь философией и в качестве философии, самим своим способом мысли должна быть политикой. Мы не можем отдавать политику парламентским демагогам и циничным политехнологам»¹⁴. В философской системе обращение к метафизике не самоцель, оно служит в конечном счете обоснованию этико-политического проекта.

Сегодня в российском обществе сложилась такая ситуация, когда создание по-настоящему публичной философии становится императивной необходимостью. В обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-идеологических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить «переходник» – философия публичная.

Достаточно указать на конкретные и непримиримые идейные позиции *сегодняшних* политических сил в стране, каждая из которых опирается на сконструированное ею отношение к государству и власти (мировоззрение), чтобы убедиться в императивной необходимости достижения с помощью публичной философии общенационального согласия.

В философии и научной литературе выделяют следующие точки зрения, получившие широкое распространение в российском обществе: 1) либерально-западническая точка зрения, или радикальный либерализм, согласно которому Россия может сохраниться в будущем, только если станет частью западной цивилизации и сменит цивилизационный код; 2) русский этнический национализм, основу которого составляет противопоставление Руси и России; 3) различные сепаратистские движения, направленные на превращение России в лучшем случае в слабую конфедерацию; 4) точка зрения коммунистов, которые видят спасение Отечества в возрождении советского строя и в возвращении на путь социализма; 5) общественные и партийные движения, выступающие за возвращение страны к имперскому, православно-монархическому строю жизни; 6) имперская позиция А.Проханова и созданного им Изборского клуба, предполагающая создание так называемой пятой российской империи и необходимость исторического примирения белых и красных; 7) идеология российского (либерального) консерватизма правящей партии «Единая Россия»¹⁵.

¹³ Подорога В.А. О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия» // Филос. журн. 2009. № 1(2). С. 10.

¹⁴ Гусейнов А.А. Выступление в дискуссии // Филос. журн. 2009. № 1(2). С. 17.

¹⁵ Шевченко В.Н. Российское государство: современные дискуссии в науке и за ее пределами // Филос. науки. 2013. № 7. С. 5–22.

Указанные точки зрения или абсолютно несовместимы, или совмещаются только по некоторым аспектам. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Каждая политическая сила убеждена в том, что ее позиция единственно правильная, и она обещает решение всех назревших и перезревших в стране проблем. Об этом свидетельствует вся практика их политической борьбы – от политических текстов до лозунгов и баннеров.

Можно сказать, что достижение согласия между политическими силами является важной задачей профессиональной философии. Но ее выполнение окажется на деле созданием еще одной, уже самой современной философской системы, тем более, что ее нельзя создать по заказу, даже по срочному, а тем более поручить выполнение заказа одному или группе опытных профессиональных философов. Такая задача может быть поставлена перед профессиональным сообществом философов, или, точнее говоря, она осознается как задача всем профессиональным сообществом или его значительной частью. Именно по той причине, что имеет место огромный идейно-духовный кризис в стране и в мире. И фактически такие попытки уже предпринимаются. Но вся история философии свидетельствует, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, каждая по-своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса. А для решения практических задач и нужно создавать некий паллиатив в виде публичной философии как общей идеологии практической деятельности. Если в современном Китае идет процесс соединения марксизма с конфуцианством, то в России достаточной популярностью пользуется сегодня идея синтеза марксизма с православием. Интересный процесс наблюдается и в рамках официальной идеологии, которая пытается соединить либеральные и консервативные (импероподобные) идеи. Философия как духовный центр выступает в обществе как некое объединительное начало, стягивая вокруг себя все идущие в обществе дискуссии, и она способна в принципе если не выработать такое знание, то, по крайней мере, предложить дискурс, который сможет помочь преодолению кризисной ситуации, позволит решать проблемы кризиса как в пределах государственных границ, так и на мировом уровне. Напомню, идеология У.Липмана однозначно связана с базовыми характеристиками западной цивилизации. Следовательно, применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже должна быть как-то тесно связана с цивилизационной характеристикой российского общества, если, конечно, мы признаем существование российской цивилизации как особой цивилизации.

Философия в публичном пространстве как публичная философия

«Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению академических поисков и достижений с поиском оптимального вектора развития страны через постоянный дискурс с различными политическими силами. Проведение такого рода публичных дискуссий отнюдь не простая задача, установление коммуникативных связей в нынешнем российском обществе встречает огромные трудности. В этом смысле можно говорить о необходимости диагностирования и ле-

чения в сфере общественной коммуникации общественной патологии, которую Ю.Хабермас понимал как формы «систематически нарушаемой коммуникации». Для лечения отечественных патологий важен именно диагноз, указание причин разрушения коммуникаций в публичной сфере политики и за ее пределами.

В стране есть немало блестящих, талантливых философов. Публичный философ – это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисс в ходе обсуждения весьма острых политических проблем. Но при работе с «публикой» нужны не просто доводы логического характера. Как свидетельствует исторический опыт, на нее могут произвести сильное впечатление, могут поразить ее воображение лишь те, кого называют властителями дум. Таких властителей дум нет или почти нет сегодня как среди философов, так и среди писателей, художественной интеллигенции. На эту особенность современной интеллектуальной жизни в Германии обратил внимание Н.С.Плотников¹⁶. Причин здесь несколько. Это наличие огромной информационной лавины, которая обрушивается ежедневно и ежечасно на головы миллионов людей, когда кумиры создаются исключительно посредством СМИ и они как быстро надуваются, так и быстро исчезают и уходят в небытие. Другая причина – определенная политика власти, особенно по отношению к СМИ, куда не допускаются деятели, способные действительно стать властителями дум. И, наконец, общая атмосфера культуры постмодернистской эпохи, когда в ней отрицается всякая потребность в объединяющей людей идентичности, когда всячески воспевается и возводится в культ идея различия. Если к микроскопическим различиям нужно относиться как к величайшим ценностям, то достижение национального согласия, которое во все времена вынуждало чем-то поступиться всем политическим силам, рассматривается как недопустимое проявление репрессивного отношения к людям, к их свободе самовыражения.

Хотя со времен античности, с момента зарождения философии факт постоянного контакта профессиональных философов с публикой всегда имел место, и античные философы и в те времена сами нередко занимались переводом философских суждений на естественный повседневный язык. И все же здесь, скорее всего, должна идти речь о доминировании практической философии, во все последующие времена «пытавшейся объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов»¹⁷. Эта традиция, которая названа традицией «сверхдетерминацией политики философией»¹⁸, активно способствует тому, что превращает в конкретной реальности политическое, политическую сферу жизни в неполитическое по своей природе явление. Публичная философия имеет свою особую природу, которая сегодня раскрывает в полной мере свою подлинную сущность.

¹⁶ «Сама фигура глобально мыслящего интеллектуала сходит на нет, она становится все более приземленной. Сегодня публичный интеллектуал – это скорее именно профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение» (Плотников Н.С. Реконфигурация публичного пространства // Рус. журн. 27.10.2011. http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija_publichnogo_prostranstva_2011-11-25.htm).

¹⁷ Алексеева Т.А. Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин // Философия политики и права: Сб. научн. работ. Вып. 2 / Под общ. ред. Е.Н.Мошелкова. М., 2011. С. 123.

¹⁸ Федорова М.М. Цит. соч. С. 20.

Действительно, в разрыве между профессиональной философией и многочисленными политическими практиками формируется поле применения особого рода публичной философии, «заточенной», как говорят сегодня, на постоянное ведение дискурса между всеми участвующими в ней политическими субъектами. Дискурс может и не складываться, поскольку возникает проблема: как быть с теми, кто не желает участвовать в открытых обсуждениях или тем более идти на какие-то компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в стране строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами, публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. И сегодня властная политика вновь идет скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. И по этой причине постоянно пересматриваются законы, регулирующие публичную политическую сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как особого рода сложное в своей сути идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в разработке объединительной идеологии первичным по отношению к конкретным формам государства. И это дает основания говорить о возможности достижения национального согласия в стране. По выражению В.М.Межуева, необходимо стремиться не стать частью европейской цивилизации, а совместно строить общечеловеческую цивилизацию, способную объединить человечество в планетарном масштабе¹⁹. Добавлю, что нужно знать свою специфику, чтобы принимать участие в этом строительстве, а отечественная мысль никак не может «договориться» о том, каковы эти цивилизационные основы российского общества.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет еще и другую сторону, которая связана с преподаванием философии. Что касается преподавания, то здесь всегда есть стремление создать некоторую единую систему философского знания. Иначе как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в том числе и методические вопросы.

Но такое требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получать ответы на волнующие их вопросы. А им предлагают разные философские точки зрения и предлагают выбрать ту, которая им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит основным целям образования.

Эту философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Ее назначение также состоит в том, что она обязана учащимся и всем читателям предлагать какие-то определенные решения тех реальных проблем, которые стоят перед ними. Поэтому создание целостной системы философского знания есть помимо всего прочего и особое искусство, оно заключается в том, что выбрать из огромного объема знания, накопленного академической профессиональной философией, какую философскую основу взять для ее грамотного и правильного создания.

¹⁹ См.: *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. СПб., 2011. С. 385.

Публичная философия и академическая философия – это две стороны одной медали. Академическая философия – предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без ее новых выдающихся достижений, расширения границ человеческой свободы, обретения человеком все более сложных смысложизненных ценностей человечество рано или поздно обречено на вырождение.

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Брайан Массуми

ВООБРАЖАЯ ВИРТУАЛЬНОЕ*

Слово «виртуальное» вошло в обиход в 1990-х годах в качестве довеска к «реальности». Довесок перевесил: коннотацией была *нереальность*. В выражении «виртуальная реальность» прилагательное «виртуальный» выступало синонимом «искусственного». «Искусственный» означало в этом контексте «иллюзорный». Контекстом, конечно же, было драматичное преломление в массовом воображаемом того, что с приходом цифровой эпохи грядут огромные перемены. Первые осторожные шаги к созданию интерактивных, иммерсивных сред привели к преувеличенным опасениям – или, может быть, надеждам, – что сказочное «киберпространство» из футуристических романов 1980-х вот-вот вытеснит «настоящую» реальность. Мир поглотило бы его собственное хитроумное изобретение. Синтетическое воображаемое, одушевленное с помощью смоделированных событий, превратилось бы во всеохватную виртуальную среду обитания, сомнамбулическую Матрицу иллюзии жизни.

У слова «виртуальный», когда случилось его апокалипсическое пришествие в обыденный язык, уже была предыстория. Оно долгое время существовало как специальный термин в философии, где преобладала субстантивированная форма: *виртуальное*. Почти одновременно с внезапной популяризацией этого слова, в облике прилагательного, начались попытки доказать философскую силу виртуального. Эти попытки основывались в первую очередь на переоткрытии данного понятия в конце XX века Жилем Делёзом, работавшим в русле наследия Анри Бергсона¹. Как философское понятие «виртуальное» имеет самое прямое отношение к силе. Оно происходит от латинского слова, означающего силу или потенцию, и базовое определение виртуального в философии – это «потенциальная возможность» (*potentiality*). То, что есть потенциально, может возникнуть; а то, что произошло, до этого уже было в потенции. Тем самым, виртуальное следует понимать как *измерение* реальности, а не как ее иллюзорную противоположность или рукотворное преодоление. Виртуальное, будучи тесно связано с потенциальным, от-

* Печатается с любезного разрешения автора. – *Примеч. ред.*

¹ В менее отдаленном прошлом этот бергсоновский/делёзовский способ размышлять о виртуальном был скрещен с построениями Альфреда Норта Уайтхеда, в частности, с его понятием «чистой потенциальности» (См.: *Massumi B. Semblance and Event: Activist Philosophy and the Occurrent Arts. Cambridge (MA), 2011*). Все сказанное ниже несет на себе глубокую печать этого столкновения. Эпизодический соавтор Делёза Феликс Гваттари в своих сольных работах разрабатывает собственный взгляд на виртуальное, влияние которого здесь тоже весьма ощутимо, особенно в заключительных разделах. Основные работы по этой теме: *Bergson H. Matter and Memory / Transl. by Nancy Margaret Paul and W. Scott Palmer. N.Y., 2004*; *Deleuze G. Difference and Repetition. Translated by Paul Patton. N.Y., 1994*; *Deleuze G. Bergsonism / Transl. by Hugh Tomlinson and Barbara Habberjam. N.Y., 1990*; *Deleuze G. Cinema 2. The Time-Image / Transl. by Hugh Tomlinson and Robert Galeta. Minneapolis, 1989*; *Deleuze G. Cinema 1. The Movement-Image / Transl. by Hugh Tomlinson and Barbara Habberjam. Minneapolis, 1986*.

носится сугубо к *формообразующему* измерению реального. Оно относится к потенции в том, что есть, благодаря которой оно действительно начинает существовать. Другими словами, оно подразумевает *силу* существования: давление грядущего, претворение в жизнь. Виртуальное принадлежит к способности быть, подталкивая ко все новым формам, переходя в них и в них разрешаясь в веренице явлений. Для Делёза поэтому стоит вопрос не о «виртуальной реальности», а о *реальности виртуального*. Виртуальное вовсе не означает стерильную копию реального, напротив, оно есть ни много ни мало двигатель его непрерывного становления. Когда мы приписываем эту силу, движущую реальностью, виртуальному, это порождает головоломку, но, кроме того, открывает новую возможность.

Головоломка в том, что потенциальное никогда не появляется как таковое. Что появляется, так это то, чему потенциальное дает начало, т. е. именно то, что само не потенциально: его осуществление. Осуществление потенциального не похоже на само потенциальное: оно только что возникло, но полностью детерминировано, закрытое дело. Открытость претворения потенциального в жизнь перетекает в законченность претворенного. Потенциальное фактически исчезает в том, что детерминированным образом возникает из его движения. Оно отступает. И оно вновь возникает: оно исчезает в своем собственном осуществлении не раньше, чем вновь дает себя почувствовать в подталкивании к грядущему. Потенциальное абстрактно: никогда не присутствует как таковое. Оно в той же мере ускользает от настоящего, в какой содействует его формированию. Вопрос о реальности виртуального есть вопрос о *реальности абстрактного* как силы существования, которая сама по себе никогда не *есть*; как формирующего движения, лишённого собственной характерной формы. Но в каком тогда смысле можно говорить, что оно «дает себя почувствовать»? Делёз не случайно переоткрывает понятие виртуального, отталкиваясь от Бергсона, чья философия концентрировалась вокруг переосмысления восприятия. Виртуальное нельзя отделить от вопроса о восприятии. Если виртуальное реально по всем пунктам, тогда оно должно каким-то образом свидетельствовать о собственной силе. Ведь «реальное» как раз и определяется как то, что действительно меняет дело. То, что реально, реально *на деле*. Случившаяся перемена не может не быть явной, где-то, каким-то образом, в реальности, фактически. Но как некая абстрактная реальность появляется фактически? Как нечто, что по природе не может появиться, тем не менее на деле появляется? Каким путем недоступная восприятию сила виртуального все-таки действительно воспринимается?

Открывающаяся возможность состоит в том, что вопрос о виртуальном, когда он подобным образом соединяется с вопросом о восприятии, побуждает переосмыслить место абстракции в нашей жизни. Выходит, что нельзя попросту противопоставить абстрактное конкретности опыта или механически встроить его в рамки альтернативы искусственного и настоящего (реального), – как если бы у искусственного не было собственного модуса реальности. Непосредственным предметом становится не эпохальная битва между искусственным и настоящим, но скорее формирующие отношения между виртуальным и тем, что появляется на самом деле (*actually*). Проблемой становится отношение виртуального к *актуальному* как тому, что принадлежит восприятию. Этот вопрос адресуется естественному восприятию в той же мере, в какой и синтетическим образам и смоделированным событиям в рукотворной области, такой как цифровое пространство. Он заставляет задуматься о том, что в «естественном» восприятии мы, возможно, могли бы

найти не меньше искусственного, чем в реальности на дисплее. Отныне проблема восприятия уже не в том, как отличить истину от иллюзии, а в том, чтобы провести различия между модусами реальности в движении возникновения, посредством которого появляются формы опыта.

Ответ на вопрос о реальности виртуального – о том, как то, что абстрактно, появляется в действительности, – неизбежно останется таким же парадоксальным, как и сам вопрос. Если потенциальное – это то, что «вот-вот будет» или «уже осуществилось», «еще только грядет» или «только что прошло», то, как бы оно ни проявилось, оно всегда приходит *слишком рано* либо *слишком поздно* (возможно, даже то и другое сразу). По причине этой несвоевременности оно всегда попадает на пути как *слишком мало* или *слишком много*: избыточное по отношению к бытию актуального, чьей силой существования оно всегда будет продолжать оставаться.

Единственный способ продолжить рассуждение – привести пример, схватить виртуальное в действии, затем пристально посмотреть, как оно работает и, уже отталкиваясь от этого, заставить его парадокс работать в понятийном аппарате, чтобы понять, какие возможны изменения в том, как мы мыслим восприятие. Другими словами: реализовать виртуальное в мысли, исходя из опыта и ради такового, через пояснение примером.

Можно ли придумать лучшую отправную точку, чем такой тип примера, который выглядит наименее удобным: «оптические иллюзии». Уже само название не позволяет принимать то, что проявляется при данных условиях восприятия, за реальное. Возьмите классический случай треугольника Каннижа. В самом простом виде он состоит из трех черных кругов, в каждом из которых отсутствует сектор, превращая его в нечто похожее на фигурку Пакмана². Но не Пакманы приковывают ваше внимание. Способ, каким вырезанные секторы расположены друг относительно друга, подразумевает, что это три вершины треугольника. Что приковывает ваше внимание, так это то, что, хотя треугольник не очерчен никакими линиями, вы видите его так же ясно, как и Пакманов. Было бы недооценкой сказать, что треугольник «подразумевается». Вы не просто видите его – вы не можете его не видеть. Он столь ярко бросается в глаза, что отодвигает на задний план те фигуры, которые «действительно» изображены. Своим мерцанием он выделяется из их взаиморасположения и в итоге занимает центральное место. Вот в чем суть этого случая восприятия. Вот что придает этому опыту его неоспоримый характер.

Казалось бы, когда видят что-то, чего на самом деле нет, это можно справедливо назвать иллюзией. Но как вы назовете иллюзию, которую не можете *не* увидеть? И не только вы, но и любой, кто потрудится взглянуть? Как назвать иллюзию, которая упорно отказывается *не* появиться? Нечто такое, что бросается в глаза безоговорочно, определенно демонстрирует некую фактичность. По существу, треугольник появляется. И он меняет дело. Этим его фактическим появлением определяется наше восприятие и понимание данного опыта. Эта «иллюзия» твердо удовлетворяет всем критериям реального. Вопрос в том, что это за модус реальности, который мы, свидетели треугольников, которых нет, принимаем без оговорок?

Немедленный ответ: реальность *отношений*. Треугольник возникает из того, каким образом сходятся фигурки Пакманов, отделенные друг от друга именно так. Если бы фигурки были слишком близко или слишком далеко друг от друга, эффекта не получилось бы. Не был бы он достигнут и в том

² Распан – культовая японская видеоигра 1979 года. Игрок управляет существом, похожим на круг сыра с вырезанной долькой. – *Примеч. пер.*

случае, если бы фигурки были расположены относительно друг друга под другим уклоном. Таковы условия: критическое расстояние и необходимое взаиморасположение. Когда все три фигуры появляются с выполнением этих условий, появляется и треугольник, заполняя *расстояние* между ними.

В действительности фигуры разделены и остаются разделены. Никакие реальные линии ни в один момент их не соединяют. Они отделены друг от друга и таковыми остаются: их можно пересчитать по одной, но ни одна не подотчетна никакой другой. Они суть дизъюнктивная множественность, что у них общего, так это разделенность в их безразличности друг другу, они просто есть то, что они и есть, и там, где они есть в их индивидуальной пакманности. Все меняется, когда треугольник делает уголки их открытых ртов своими собственными углами. Фигуры незамедлительно образуют связь поверх своей разделенности, поскольку их *разделенность* выполнила определенные условия. Треугольник *вбирает* их все вместе в их отделенности в свою способность проявиться. Пакманы теперь совместно выступают как элементы, необходимые для возникновения треугольника. Они имеют значение для треугольника сообща. Но все так же на расстоянии. Благодаря тому, что они совместно имеют отношение к треугольнику, они удаленно (но на деле) имеют отношение друг к другу. Они имеют отношение друг к другу *через* него, *поверх* своей разделенности, и это – эффект их дизъюнктивной множественности. Получающийся треугольник *и есть* их отношение друг к другу. Он есть возникновение отношения между ними в видимой форме.

Треугольник есть становление возникающего отношения видимым – *бытие отношения*, выливающееся в нечто воспринимаемое. Фактическое видение этого бытия отношения не устраняет дизъюнктивной множественности элементов, обеспечивающей условия для того, чтобы оно появилось, и не противоречит ей. Оно добавляется к их множественности. Единство треугольника надстраивается над тем, что Пакманы представляют собой по отдельности, один за другим, каждый в своем отдельном углу. Итоговый треугольник – это единство, возникающее *из* многообразия его необходимых элементов. Он унитарно занимает их дизъюнктивный промежуток, делая расстояние между ними собственным местоположением.

Разумеется, было бы слишком искусственным представлять дело так, будто сначала были Пакманы, а затем, во второй момент, их разделенностью воспользовался треугольник, чтобы добавить к ним свое чужеродное единство. Треугольник и элементы, обуславливающие его появление, строго одновременны. Они одинаково безотлагательны. Они одинаково упорно не позволяют себя не увидеть. Но, разумеется, есть различие. Компанию Пакманов мы видим «на самом деле»: они соответствуют покрытым чернилами областям на странице или совокупности пикселей на экране, чье присутствие бьет в глаза отраженными лучами света³. Однако треугольник *per se* не соответствует никаким подобным приходящим чувственным сиг-

³ Хотя в оптике черное определяется как поглощение всех лучей света, в условиях реального мира полного поглощения не бывает. Если быть точным, «черного нечто цвета или белого, зависит от контраста в интенсивности света между смежными областями. ... Увеличение яркости окружения может сделать белую область серой или черной» (Thompson E. Colour Vision: A Study in Cognitive Science and the Philosophy of Perception. L., 2005. P. 46–47). Этот факт относительности восприятия имеет фундаментальное значение, но на данной стадии нашего рассмотрения он не столь существенен, ведь здесь наше рабочее различие – это различие между теми эффектами восприятия, которые объективно можно привязать к оптической совокупности [пикселей], и тем, которые нельзя (ниже оно доведено до различия между «чувственным» и «нечувственным» восприятием).

налам. Как таковой он не соответствует никакому материальному присутствию. И все-таки он мерцает. Мы действительно видим треугольник, но видим его не «на самом деле». Он явлен нечувственно, избыточен по отношению к фактическим условиям своего появления. Он есть оптически реальный, виртуальный треугольник.

Подобный способ выражать различие между треугольником и его материальными условиями создает проблему со словарем. Если мы зовем что-то, что мы действительно видим, хотя и не «на самом деле», виртуальным, это звучит так, словно мы определяем виртуальное как *противоположность* актуального (фактического), тогда как мы только что установили, что в данном случае виртуальный эффект и фактические элементы, обуславливающие его появление, доходят до восприятия в один и тот же момент, в равной мере незамедлительно и с равным упорством дают увидеть себя в действительности. Изменение словаря решает эту проблему. Если использовать различие между *чувственным* и *нечувственным*⁴, становится проще сформулировать то, каким образом Пакманы и треугольник, посредством которого они соотносятся, в равной мере реальны в различных *модусах*. Соответствующим образом меняется и различие между актуальным и виртуальным.

У нас уже есть фундамент, на котором можно выстроить понимание того, чем различаются их модусы реальности: отдельные Пакманы как таковые фигурируют как дизъюнктивная множественность. Это означает, что мы можем брать их в расчет по одному, брать каждый отдельно от следующих в очереди, и это не скажется на том, чем мы их считаем. Каждый по-прежнему остается Пакманом. Дизъюнктивная множественность – это набор, собранный из отдельных членов, которые можно сосчитать один за другим. Они принимаются в расчет по одному. Вместе они скопление единиц. Треугольник же появляется как унитарная фигура, совершенно незамедлительно. Его нельзя сосчитать по частям. Он со всей безотлагательностью принимается в расчет как единое целое. Он есть *единичность*. Поскольку эта единичность не соответствует ничему вне ее самой на материальной плоскости, где элементы множеств могут рассматриваться как фигурирующие по отдельности, она, строго говоря, *не имеет частей*. Она *добавляется* как единство к многообразию обуславливающих ее элементов. Она есть целое вне этого многообразия, неповторимо занимающее дистанцию между элементами. Она уворачивается от их множественности, находя себе место именно там, где их *нет*. Да, у треугольника три стороны. Это неоспоримо. Просто пересчитайте их. Но: пересчитывая, вы уже не имеете дело напрямую с треугольником как унитарной фигурой во всей ее непосредственности. Вы имеете дело с набором линий, взятых по отдельности одна за другой. Вы не можете расчленить единство треугольника на составные части, не *изменив его природы*: не разложив его на множество, которого он не представляет в своей единичности и в безотлагательности своего фактического появления.

Есть модус реальности того, что исчислимо один за другим, а есть модус реальности того, что *числится как единое целое*. Эти модусы приходят вместе как совпадающие измерения одного и того же события опыта, с одинаковой незамедлительностью и упорством. Это упорное совпадение и есть наш *актуальный* опыт. А что мы на самом деле видим, так это связывание различных относящихся друг к другу модусов, выражающееся на деле в появлении унитарной формы, оказывающей единичное воздействие в качестве видимого бытия отношения. Это отношение и есть вбирание отделенных друг от друга

⁴ Ср.: Whitehead A.N. Adventures of Ideas. N.Y., 1967. P. 180–183.

элементов в возникающую форму. Что мы видим наиболее выпукло, так это итоговую форму. Выпуклость формы – результат совпадения различных модусов. Вместе с тем, это *их* отношение, сделанное видимым. Возникающий треугольник – это то, что неповторимым образом возникает из модального различия между дизъюнктивной множественностью и единичностью.

Теперь мы можем взять слово «актуальный» в его этимологическом значении: «в *действии*». Выпуклое единство треугольника и дизъюнктивная множественность условий его появления участвуют в акте восприятия. Они – конститутивные условия его протекания. Они в равной степени принадлежат к событию, которым является этот конкретный опыт. С этой точки зрения они – измерения актуального.

Такой ход может показаться контрпродуктивным. Теперь все выглядит так, будто виртуальное оказалось поглощено актуальным, тогда как задача была в том, чтобы отдать должное реальности различия между ними. Но все-таки есть прогресс. Теперь мы можем понять разницу между ними иначе, вернувшись к различию между чувственным и нечувственным. А именно, мы можем понять ее модально. Не как разницу между противоположными «пространствами». Не как разницу реального и нереального. Но как разные способы действительно принадлежать к одному и тому же *событию*: как разные способы быть в действии, между которыми на деле имеется отношение, приводящее к появлению выпуклой фигуры.

Разумеется, чувственные элементы события необходимо отсылают к пространству. То, что они исчислимы, означает, что на них можно указывать рукой по одному: «вон там». Последовательность счета соответствует последовательной прогрессии указывания на одно «вон там», потом на другое и т. д. Показательное «вон-там» исчисляемых элементов характеризует их как *проективное* пространство. Важно понимать, что не пространство проецируется, а скорее наш *счет* проецирует сам себя. Наша *деятельность* проецирует сама себя. Она осуществляется здесь, чтобы сосчитать то, что вон там. Протягиваясь отсюда туда, она есть *самодистанцирование*. Путем этого протяжения деятельности *образуется* «пространство» нашего опыта. «Пространство» взято в кавычки, потому что такое «пространство» конституировано не только простым-вон-там. Оно конституировано еще и последовательной *прогрессией*, которая требует времени. Другими словами, пространство опыта включает в себя фактор времени. Оно есть пространство-время опыта. То, что чувственно реально (т. е. реальность чего соответствует физическим соударениям с нашим телом, например – и это лишь один пример – попаданию света на сетчатку), принадлежит к некому проективному пространству-времени опыта, активно образуемому путем подсчета – или, если обобщить и подчеркнуть главное, *учитывания* – множественности разобщенных элементов⁵.

Сравните это с треугольником. Он бросается в глаза, минуя какое бы то ни было соответствующее физическое соударение с нашим глазом. Он умрачивается от множественности вовлеченных чувственных элементов, энер-

⁵ О счете, пространстве и опыте пространства-времени, а также отношении между множественностью и объединением см. *Bergson H. Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness* / Transl. by F.L. Pogman. Mineola (N.Y.), 2001. P. 73–87. См. перевод на русский язык: *Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. / Пер. с фр. М., 1992. Т. 1. С. 81–88.* Бергсон схватывает «протяжение» проективного пространства-времени фразой «предмет находится в том месте, где он воспринимается» (*Bergson H. Matter and Memory... P. 311*). См. перевод на русский язык: *Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 652.*

гично и совершенно незамедлительно предъявляя свое собственное неразложимое единство. Если мы попытаемся относиться к нему, как если бы он был «вон там» и имел тот же модус, что и Пакманы, и предпримем какие-то действия, чтобы его схватить, единичность его явления испарится. Например, если мы проследим его нечувственную форму, проведя пальцами вдоль одной стороны, а затем другой, мы заменим единичность треугольника набором линий, исчисляемых одна за другой. Мы приняли его в расчет, перенеся в другой модус существования, переведа его на язык фигур, которыми он не является. Обласкайте его взвешенными мыслями – и вы сделаете то же самое. Изучите его геометрию – тот же эффект.

Треугольник появляется исключительно как единичная фигура, которую он представляет собой как унитарный эффект выступления наружу – мгновенное ответвление от дизъюнктивной множественности обуславливающих его элементов. Чтобы переживать его таким, какой он есть, принимать его за то, что он есть, мы должны просто оставить все как есть. Что бы мы с ним ни сделали, это изменит его природу. В своей простоте он обладает какой-то удивительно захватывающей, мерцающей стерильностью. Он просто дан, *сверх* той дизъюнктивной множественности, которая чувственно обуславливает его появление, – как любого активно конституируемого пространства-времени учитывания этой множественности в опыте. То предстающее взору бытие отношения, которое он собой представляет, есть уклонение от чувственного опыта. Это целиком и полностью нечувственное явление – и ничто иное. Не имея чувственных коррелятов, оно подобно призраку. Это *чистое явление*. Но опять же слово «явление» используется здесь в сильном смысле: как то, что фактически является, несмотря ни на что. Треугольник является фактически, в изворотливом, безоговорочно нечувственном модусе ответвившейся, выступающей наружу реальности. Модус реальности треугольника – не проективный, а *суперъективный*, в этимологическом смысле слова: «наброшенный сверху», «выходящий за пределы», «превышающий», «избыточный». Виртуальное – это выступающее наружу измерение актуальности, посредством чего оно действительно, явственно себя превышает. Виртуальное – это избыточное измерение пребывания-в-действии, поскольку оно ввязывается в опыт поверх чувственных условий такового. Это изворотливый, дополняющий способ, каким актуальное, похоже, на деле включает в себя *больше, чем* можно объяснить с позиций чувственности: реальность абстрактного. (По)явление абстрактного места, нечувственно заполненного призрачным бытием отношения.

Время есть фактор в куда более исконном смысле, чем можно заключить из рассуждений о счете. Нам не нужно начинать считать Пакманов, чтобы конституировать то пространство проективного опыта, к которому они принадлежат. Слишком поздно – интуиция об их числе и модусе их пространственно-временного существования есть у нас еще до того, как нам хотя бы приходит в голову посчитать их или спросить себя об их статусе. Это потому что в прошлом мы уже сталкивались со многими наборами чувственных элементов, сосчитали немало элементов, активно учли немало взаиморасположений. Наша «интуиция» о том, что можно сделать с их множественностью и пространственностью-временностью, есть приобретенная нами привычка. Опыт, о котором шла речь, приходит с *потенциальной способностью* дизъюнктивно принимать их во внимание тем же способом, каким мы делали это прежде бесчисленное количество раз. Этот потенциальный опыт предъявляет себя с безотлагательностью опыта, на одной волне с этим событием виденья.

Мы уже *видим потенциальное*, не нуждаясь в том, чтобы активно проникать в его содержание, *как если бы мы уже* проделали движения, – для этого оно пришло слишком рано. *Раскрытие чувственного опыта предшествует само себе в потенции как напрямую проживаемая гипотеза* – как «как если бы», напрямую переживаемое в незамедлительности виденья, слишком рано для того, чтобы гипотетическое суждение действительно было вынесено. Вот почему в нашем объяснении был определенный круг. Мы начали с того, что отметили расстояние, разделяющее Пакманов как *данное*, тогда как, если пользоваться теоретическими понятиями, введенными нами теперь, это расстояние может выступать исключительно как *конституированное* деятельностью в пространственно-временной гуще опыта, наступающего слишком рано и слишком поздно. Круг реален: что дано, так это *рекурсивность* фактического опыта, в соответствии с чем он предшествует самому себе в потенции, уже отдавая себя для будущего.

По существу, что дано, так это толща потенциального. Потенциальное, которое дано и которым наполнено событие, это прошлая деятельность, предъявляющая себя наглядно во имя будущего. Ни будущее, ни прошлое, утолщающее для него настоящее, не чувственны. Вовлеченные чувственные элементы *обертывают нечувственное* прошлое и будущее в материальность своих ударов о тело. Они – передний фронт формирующегося события, они сводят прошлое с будущим в настоящем своих телесных ударов⁶. В самый первый миг восприятия, с первым его приливом, мы уже обнаруживаем себя, слишком рано и слишком поздно, в бытии отношения, в котором чувственная и нечувственная, материальная и нематериальная реальности, прошлое и будущее в данном момент совпадают *в действии*.

Когда мы говорим, что наличие Пакманов «чувственно», мы в действительности имеем в виду, что нечувственное измерение рекурсивности будущего и прошлого *отступает*. Оно обернуто материальным действием соударения, которое поражает в качестве переднего фронта начинающегося события. Событие в конечном счете характеризуется на втором нечувственном уровне: на уровне добавленного появления некоей абстрактной и нематериальной реальности-выступления наружу, в данном случае – даже слишком наличной формы треугольника. То, что в процессе действия отступает, обернутое самим его свершением, находится «под» (*infra*) ним. Обернутая нечувственная реальность прошлого и будущего инфрацептивна (в этимологическом смысле «захвачена внутри»). Таким образом, чувственное лежит, как в сэндвиче, между двумя виртуальностями, двумя способами, какими чувственный опыт выходит за свои пределы. Один отступает, другой выступает наружу. Один инфрацептивен, другой суперъективен. Один бьет настоящим своего появления, рекурсивно захваченного внутри; другой удваивает это воздействие на чувства, эффектно бросаясь в глаза. Один обернут, другой дополняет. Один наполнен потенциальным, другой избыточно мерцает бесстрастной стерильностью. Обе стороны виртуальности «имманентны» (активности; событию возникновения восприятия). Они сходятся в рекурсивности этого события, преодолевая свое различие: разницу между «сверх» и «под» (*infra-super difference*).

Все это подталкивает к тому, чтобы ввести еще один термин. Имеется *напряжение* между безоговорочным простым вон-там Пакманов, с одной стороны, и их появлением со всей безотлагательностью в качестве исчислимой множественности (хотя на деле не посчитанных), с другой. Имеется напря-

⁶ Ср.: Whitehead A.N. Adventures of Ideas... P. 189.

жение между дизъюнктивной множественностью элементов, исчисляемых один за другим, и неразложимостью возникающей фигуры, которая вопреки им числится как целое. Имеется напряжение между единственным и единичным. Имеется напряжение между отодвинутым на задний план воздействием чувственного соударения и невозмутимостью нечувственной выпуклости. Имеется напряжение между расширением пространства, данным «вон там», и конститутивным для него динамическим протяжением пространства-времени опыта. Имеется напряжение между инфрацепцией и дополнением.

Все эти напряжения возникают между модусами существования, предлагающими себя опыту. Напряжения появляются одновременно с контрастом между чувственным и нечувственным (Пакманы/треугольник, совмещающиеся в зрительном акте). И они рекурсивно появляются между аспектами нечувственного, которое контрастирует само с собой (инфрацептивное/суперъективное в разных временах, будущем-прошлом и настоящем). Из модусов не возникает формы. Они различаются по времени и несоизмеримы. Их несоизмеримость создает разность давлений. Давление неустойчиво. Что-то должно уступить. Уступает треугольник. Явление треугольника разрешает напряжения его собственным возникновением. И это *на самом деле* «возникновение», пусть даже в хронологическом времени мы не можем поместить появление треугольника после появления обуславливающих его элементов. Это логический порядок, а не хронологический⁷. Суперъективная фигура треугольника выступает наружу из поля напряжения, отказываясь ограничивать себя его чувственными измерениями. Изворотливый суперъект «нов» по отношению к вовлеченным чувственным элементам в том смысле, что он выходит за пределы их данности, превышает ее, неповторимым образом добавляется поверх их множественности. С точки зрения их чувственной логики, он есть дополнительное чуждое бытие (бытие такого отношения, которое относится к ним не по отдельности, но лишь постольку, поскольку они *берутся* вместе, похищаются, в новых интересах добавленного явления, «наброшенного сверху» их дизъюнктивной множественности).

Если мы спросим, в чем «причина» этого опыта, ответ будет такой: форма разности напряжений между модусами. Пусть и не имея формы, это не ничто. Давление значительно. Это поле интенсивности, в котором нечто уступает давлению. Давление, толкающее к разрешению, есть формообразующая *сила*. «Причиной» является силовое поле возникновения, разрешающееся появлением суперъекта⁸. Взаиморасположение Пакманов не становится *причиной* этого события ни в каком линейном смысле: суперъективное явление нечувственной фигуры треугольника изворотливо *стартует* с этого взаиморасположения, подобно ракете. Явление треугольника скорее набрасывает себя поверх дистанции между Пакманами, чем следует за ними по пятам. Оно вовсе не соответствует и не уподобляется им, как бы перенимая их модус существования. Оно дополняет их, мгновенно обретая собствен-

⁷ См. у Делёза о «статичном логическом генезисе» (*Deleuze G. Logic of Sense / Transl. by Mark Lester with Charles Stivale; Ed. by Constantin V. Boundas. N. Y., 1990. P. 118–126*).

⁸ Именно интенсивность поля чувственно воспринимаемой совокупности – то, что ее природа основана на отношениях, как было описано в сноске 3, – связывает уровень физической причинности с возникающими стартами, которые он обуславливает. *Интенсивность* – единственный общий множитель чувственного и нечувственного. Ее трансверсальность – то, что ею характеризуются оба измерения, – связывает их как относящиеся к одному и тому же событию. Разумеется, оба измерения характеризуются интенсивностью по-разному. Это различие указывает на напряжение, которое фиксирует их разность. Рассуждения ниже показывают, что сама эта разность является условием возникновения ценности.

ный модус как нечто единичное. В то же время Пакманы необходимы, чтобы треугольник мог появиться. Без них этого бы не произошло. Они обеспечивают благоприятствующие ему условия. Именно это и представляют собой эти чувственные элементы: не причины, а *условия*. Условия – передние фронты события, которое их превышает.

Причины подчиняют (то-что-может-произойти своему модусу, утверждая себя в форме императива). Условия – это стартовые площадки (для возникновения нового). Причины велят соответствовать их собственному модусу: они *конформны*. Можно привести классический ньютоновский пример: если движущая сила приводит к столкновению, каузальный эффект будет определять такое же, хотя и противонаправленное движение, исчисляемое в тех же величинах. Условия не велят соответствовать. Они благоприятствуют старту. Движущей силой является дизъюнктивная множественность, а что уступает давлению, так это добавленное единство, которое незамедлительно начинает считаться единым целым своим особым неповторимым образом. Условия не конформны. Они есть формирующие факторы поля, дающие новому очертания. Формирование, понятое в этом смысле, т. е. как возникновение, есть обусловленный феномен поля, энергией которому служит разность напряжений. «Энергия» относится здесь не только к материи. Она относится к напряжению между чувственной реальностью, ассоциируемой нами с материальностью, и нечувственной реальностью абстрактного, которую чувственная реальность обертывает и которая столь же незамедлительно за ней следует⁹.

Есть еще один термин, который следует добавить к напряжению: *тенденция*. Прежде уже рассматривали роль приобретенной привычки в непосредственности опыта. Привычка привнесла будущее-прошлое потенциального инфрацептивно в событие опыта, словно «суждение» восприятия, возникающее на одной волне с событием. «Суждение» приходит «как если бы» – как если бы акт суждения, такой как подсчет, действительно был осуществлен при том, что знание приходит столь внезапно, что этот никак не могло произойти. Суждения восприятия не являются ни дедукциями, ни умозаключениями, они заслуживают собственной логической категории: они – «абдукции»¹⁰. В дополнение к приобретенным привычкам имеются, возможно, врожденные «привычки», в силу которых восприятие предрасположено выделять платоновские формы, такие как треугольник. Независимо от того, как и в насколько далеком прошлом приобретены привычки, они – векторы формирования: они оказывают давление к формированию в определенном направлении, к определенному итогу. Они – один из векторов формирования, дающих опыту *цель*¹¹. Разумеется, условия поля много чего на этот счет могут сказать. Если они благоприятны, следование цели увенчается «новым» возникновением в привычном русле. Какие-то условия могут сбить с цели, и она никогда не будет достигнута. А бывают и такие условия, при которых поле может разрешиться в направлении возникновения, которое будет «новым» в более сильном смысле этого слова: не очередным повторением в старом русле, но дополнительным появлением чего-то непредвиденного, чего-то, чего прежде никогда не было.

⁹ Ср.: Whitehead A.N. Adventures of Ideas... P. 182–183.

¹⁰ См.: Peirce C.S. Pragmatism as a Principle and Method of Right Thinking. The 1903 Lectures on Pragmatism. Albany (N.Y.), 1997. P. 93–94, 242–247.

¹¹ Ср.: Whitehead A.N. Process and Reality. N.Y., 1978. P. 25, 27, 69.

Это вопрос *техники*. Техническая составляющая здесь в том, как относящийся к опыту передний фронт – чувственные элементы – предрасполагается к нечувственному итогу; в том, как условия располагаются относительно друг друга. Может случиться, что это диспозициональное взаиморасположение условий примет такой вид, который мы склонны называть «естественным». Или же они могут быть «искусственными», как в случае, когда создаются условия для того, чтобы появилась «оптическая иллюзия». На самом деле, они всегда и такие, и такие. Получение оптической иллюзии в той же мере зависит от «естественных» свойств человеческого тела (его врожденных предрасположенностей), что и от искусства (например, от приобретенных предрасположенностей тела и умения расположить Пакманов). Вполне можно представить, что при определенных условиях выступающий наружу нечувственный треугольник мог бы получиться совершенно «естественным» образом. Нет никаких оснований утверждать, что какой-нибудь нечувственный треугольник не мог бы выступить наружу из дизъюнктивной множественности, встреченной в лесу, с тем же успехом, что и из листа бумаги или экрана компьютера. Все, что относится к виртуальному, – вопрос техники. Но вопрос техники не ставит границы в смысле ограниченности некой данной сферой деятельности. Не является он и категориальным в смысле принадлежности к искусственному в противоположность естественному. Техники, пригодные для возникновения нечувственного, *трансдуцируемы* в разные сферы деятельности¹², где их функционирование дает в итоге новые эффекты. Независимо от сферы деятельности, они всегда включают смешанный набор факторов, которые можно отнести к естественным и искусственным.

Если все именно так, нечувственная «искусственная составляющая» должна обнаруживаться даже в самом «естественном» опыте. Возьмем опыт глубины в повседневной жизни. Имеется дизъюнктивная множественность, встроенная в человеческое тело: наши два глаза-ответвления. Ответвление создает напряжение: бинокулярное рассогласование двух несовпадающих изображений. Напряжение неустойчиво. Что-то должно уступить. Чтобы разрешить напряжение, из разности двух изображений возникает единичное изображение. Возникает не только новое изображение сверх тех двух, что запечатлены нашими телесными органами чувств. Возникает совершенно новое качество опыта: глубина. Глубина – это возникающее свойство, которым не обладает ни одно из изображений, обуславливающих его появление. Новое, третье измерение набрасывается на бинокулярную рассогласованность. Люди, утратившие, а затем восстановившие восприятие глубины, описывают невероятное ощущение новизны, когда видишь, как предметы «выдвигаются» в мерцающе выпуклый стереоскопический рельеф¹³. Предметы нашего опыта в том виде, в каком для нас «естественно» их воспринимать, в их 3D-величии, есть оптическая «иллюзия», появляющаяся в действительности: реально абстрактное, суперъективное возникновение, обусловленное врожденной «привычкой» нашего тела формировать два ответвленных глаза.

Приобретенные предрасположенности тоже играют существенную роль. Хорошо известно, что даже при исправной работе органов зрения восприятие глубины не может выработаться, если не двигаться. Движение помечает протягивание наших рук за вещами, которые «вон там», соотнося его с нашим визуальным фиксированием их «здесь». Равным образом оно соотносит со всем этим опыт шагов, которые мы можем сделать, чтобы добраться до них.

¹² См.: *Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information.* Grenoble, 2005.

¹³ Cp.: *Sacks O. Stereo Sue. The Mind's Eye.* N.Y., 2011. P. 130.

Мы видим так, «как если бы» мы двигались. Видеть предмет в трех измерениях значит видеть движение, которого на самом деле не произошло. Мы видим «как если бы» движения. Другими словами, мы видим потенциальное протяжение нашего опыта со всей незамедлительностью события виденья. Мы видим протяжение нашего телесного потенциала в выступающей наружу форме данного предмета. Разность напряжений между виденьем, осязанием и проприоцепцией¹⁴ (дизъюнктивная множественность наших разделенных чувственных каналов) разрешается суперъективным единством предмета¹⁵. Такова тенденция нашего восприятия: стремиться добавлять в нашу жизнь новые предметы.

Естественные предметы нашего восприятия суть виртуальные явления¹⁶. Их возникновение обусловлено совместным функционированием отдельных чувств, а также врожденных и приобретенных предрасположенностей, наводящих прицел. Телесный механизм по созданию бинокулярной рассогласованности, – это лишь ближайший из обуславливающих факторов (он прямо у нас перед носом). Другие техники, участвующие в появлении предметов, могут быть художественными, ремесленными или технологическими. Когда нововведения в искусстве, ремесле или технике обогащают наши «естественные» таланты восприятия предметов, чтобы получить в опыте новые, невиданные прежде эффекты, они не «расширяют» наши тела за пределы естественных условий в область искусственного (теория «протезов», унаследованная от Маршалла Маклюэна). Наш опыт есть протяжение самого себя. Он сам себе протез. Что делают искусство и технология, так это расширяют существующую у тела систему естественных и приобретенных *устройств*, уже давно активно выполняющую задачу производства «виртуальной реальности» в наших повседневных жизнях. Жизнь тела искусна по природе.

В возникновении 3D-виденья имеется странность, которая служит еще одним важным уроком того, как нам понимать понятие виртуального. Если бы мы *на самом деле* видели два изображения обоих наших ответвленных глаз, никакого стереоскопического виденья не было бы. Рассогласованность изображений помешала бы возникновению разрешающего изображения. В своей множественности они сговорились бы против его единства, соревнуясь с ним. Мы снова в плоскости как-если-бы: дело обстоит так, *как если бы* изображения были получены, тогда как этого не могло быть. Возникновение 3D-виденья не просто разрешает рассогласованность отдельных изображений. Оно делает все так, как если бы их никогда и не было. Оно выдвигает собственное возникновение вместо них. Оно делает их месторасположение собственной территорией, набрасывая себя поверх обуславливающей их разности. Новое восприятие глубины *виртуализирует* образы, которые ему содействуют. Они рекурсивно детерминируются возникновением нового изображения, которого на самом деле никогда не было.

Но в то же время рассогласованные образы не могли не возникнуть и не стать помехой, ведь они – условия, требуемые для опыта, который случился-таки на деле. Если изображения не могли не быть получены, однако же и правда не были, остается только один вариант – они были получены

¹⁴ Проприоцепция – чувство положения частей собственного тела относительно друг друга. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Интерпретацию стереоскопического зрения, подобную интерпретации, предложенной в этом рассмотрении (в духе интегративного возникновения, разрешающего конститутивное напряжение поля разностей), см. в : *Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information.* P. 208–209, 223–224).

¹⁶ *Noë A. Action in Perception.* Cambridge (MA), 2004.

виртуально. Своим потенциальным вмешательством они поспособствовали 3D-изображению¹⁷. Возникновение 3D-изображения разрешило *потенциальный* конфликт собственным фактическим появлением. Вмешательство двух изображений, которые поспособствовали трехмерному результату, хотя и не были получены, фигурирует как *виртуальное событие*.

Странность в том, что события, которые фактически не происходят, могут быть условиями того, что сбывается на самом деле. Если перевести этот пример обратно на язык различия между чувственным и нечувственным, в этом случае чувственные элементы (изображения, соответствующие рассогласованным физическим ударам лучей света о две сетчатки) суперъективным опытом преобразуются в виртуальные. Они, по сути дела, становятся нечувственными. Они *инфрацептируются*. Это случается рекурсивно. Суперъективное появление чего-то задним числом превращает такое преобразование в императив, требующий изменения своих же собственных условий. (В качестве отступления заметим, что это могло бы стать основой для суперъективной теории *воли*: фактическое разрешение без отделения субъекта от его выступающего наружу действия, проявляющееся как суперъект; воля как появляющаяся в действительности «оптическая иллюзия» абстрактного действия; если использовать выработанные здесь понятия, это равносильно формирующему развертыванию воли *в поле*¹⁸.)

Любая теория виртуального должна, помимо прочего, иметь в виду *становление чувственного нечувственным*, т. е. инфрацепцию чувственных элементов. Реальность виртуального охватывает не только потенциальное протяжение и суперъективное разрешение наших жизней. Факторы, формирующие эту реальность, варьируются широчайшим и даже жесточайшим образом. Не существует окончательного описания их роли, такого, которое можно было бы применять универсально. Они мобилизуются вновь и вновь, непрерывно изменяясь. Их роль существенно варьируется, особенно по мере

¹⁷ Другими словами, ответвленные «изображения» внесли свою *разность* – свою рассогласованность – как потенциал. Это пример того, почему обсуждаемое ниже переплетение чувственного и нечувственного необходимо для теории восприятия. Это переплетение можно перенести на тот уровень чувственного восприятия, который предшествует восприятию глазами как целым. Сетчатка, составленная из разобщенной множественности колбочек и палочек, пронизана собственными рассогласованностями. Именно бесконечные бреши и лакуны в перцептивном аппарате подтолкнули ученого-когнитивиста Алью Нё (*Noë A. Action in Perception, 2004*) к тому, **чтобы утверждать, что в действительности все, что видит зрение, виртуально**. См. также: *Massumi B. Semblance and Event... P. 94–97. О порождающей силе чистых дифференциалов см.: Deleuze G. Difference and Repetition... P. 170–182.*

¹⁸ Для этого требуется тщательно переосмыслить, чем конституируется субъект опыта. По знаменитому утверждению Ницше, нет действующего [субъекта] отдельно от действия (*Nietzsche F. On the Genealogy of Morals / Transl. by Walter Kaufmann and R.J.Hollingdale. N.Y., 1967. P. 45*). Есть мультимодальное развертывание (*fielding*) деятельности, кульминацией которого становится появление суперъекта. Сектор поля этого развертывания, разрешающийся в суперъект, и есть субъект опыта (*Whitehead A.N. Process and Reality... P. 27–28, 166*). В примере с треугольником в конечном счете треугольник и есть субъект опыта. «Мы», приходящие заявить о своих правах на него, – т. е. наши тела, органы чувств, привычки, наша наследственность, наклонности – есть множественно-дизъюнктивный набор формообразующих элементов в разности напряжений, чья роль не слишком существенно отличается от роли Пакманов. Языковые конвенции таковы, что трудно говорить так, чтобы не замаять этот факт: «Мы» – это суперъективная перспектива кульминации события, рекурсивно набрасывающая себя обратно на острие своего начала, притязая, что именно благодаря ней событие и произошло. Сказать «я» – большая натяжка, чем обычно признают. Чувство самости есть возникающий нечувственный эффект, и его воспроизведение в ходе опыта есть возобновляющееся достижение, предполагающее искусность и изощренные навыки. Только потому, что мы привыкли говорить «я», нам кажется, что это естественно.

того, как техники возникновения виртуальных реальностей трансдуцируются из одного поля в другое. Они, эти факторы, не просто могут варьироваться. Как видно на примере становления нечувственным, они могут претерпевать *превращение*, изменяя саму свою природу, как если бы речь шла о некой алхимии опыта. Это означает, что объяснение виртуального и роль, которую оно само по себе играет, надо постоянно пересматривать для каждого конкретного примера. Виртуальное целиком завязано на творчестве: на потенциальном и возникновении нового. Его понятийное истолкование не может не быть столь же творческим, пусть из-за этого оно и не может быть адекватным постоянно меняющейся реальности искусного в природе (и природе самого искусственного).

В ходе этого рассмотрения мы «видели» возникновение виртуальных *фигур*, чьим примером усердно служил теперь уже изрядно замученный треугольник. Мы показали, более кратко, но и на более выразительном примере, что и сами предметы – такие же возникающие виртуальные формы¹⁹. Мы также видели, что имеются виртуальные *события*, от которых зависит восприятие (никакого отношения к киберпространственному понятию смоделированных событий; или, вернее, отношение есть, но такое, что по настоящему его можно понять, только если на примерах переосмыслить искусственное и абстракцию с точки зрения нечувственной реальности и ее чувственных условий).

Наконец, чтобы отдать должное всему спектру виртуальной реальности, надо упомянуть еще одну форму виртуальности: *ценность*. Ползущий младенец, чья предрасположенность продолжать существование пока еще плохо отточена, словно червячок, приближается к обрыву²⁰. Его недостаточное восприятие глубины, отсутствие у него способности «судить» со всей безотлагательностью, на одной волне с восприятием, когда гипотетический исход зависит от локомоторного опыта, – все вместе ставит его жизнь под угрозу. Еще не искушенный в перцептивных суждения о «как если бы», он оказывается не в состоянии засечь «что если» своего ползка. Другое дело отвлекшийся родитель. Только лишь родитель снова обратил внимание на ребенка, как уже пустился в действия, ни на миг не остановившись для раздумий, слишком быстро, чтобы даже определить размер опасности. «Что если» пришло незамедлительно, в один миг, и было напрямую трансдуцировано в действие. Родитель «увидел» не просто ползущего ребенка. Он/а увидел/а набор разностей: гравитационную разность между краем и подножьем обрыва, согласующуюся с экзистенциальной разностью между жизнью и смертью. Способ взаимного наложения этих разностей породил неустойчивое напряжение, которое разрешилось немедленным действием.

Здесь относимый к опыту эффект выступления наружу представляет собой не фигуру и не предмет, хотя они тоже появились (передвижение ребенка воспринимается нечувственно, в качестве абстрактной линии²¹ будущности-прошлости; поле населяют 3D-предметы всех сортов). Эффект перехода к действию может быть обусловлен виртуальными событиями (включая обычные проделки наших двух не всегда достаточно бдительных глаз), но все они отодвинулись на задний план. Что неповторимым образом бросилось в глаза,

¹⁹ См.: *Massumi B. Semblance and Event...* P. 6, 41–43.

²⁰ Должен заметить, что не я придумал этот садистский пример (только червячка). Он взят у Рейнольда Райера: *Ruyer R. Le relief axiologique et le sentiment de profondeur // Revue de métaphysique et de la morale. 1956. № (3–4). P. 242–258.*

²¹ См.: *Massumi B. Semblance and Event...* P. 17, 106.

наброшенное поверх множественности образных, объективных и событийных факторов, обозначая, что же это, собственно, за опыт, так это *ценность*. Ценность жизни. Экзистенциальная ценность. В мгновение формирующегося опыта родитель увидел не что иное, как ценность жизни: ценность продолжения существования его ребенка. Это максимально абстрактная виртуальная реальность. «Вон там» нет ничего, чему она бы соответствовала. Великому «там» предельно безразлично, одним ребенком больше или меньше. Этот единичный опыт ценности существования возникает исключительно из поля напряжений родительской любви и желаний, протягивающих свой спасательный потенциал к незрячему моторному передвижению ребенка, принимая в это протяжение заряжающую энергией движущую силу разности между верхом и низом, жизнью и смертью. Экзистенциальная ценность есть виртуально осуществляемая добавленная ценность: прибавочная ценность восприятия (это же касается фигур и предметов, их собственным, виртуальным образом). Она есть появляющаяся в действительности, абстрактно реальная прибавка опыта и прибавка к опыту. В отличие от виртуальной фигуры треугольника и виртуальных форм предметов, ценность невидима. Она по природе недоступна восприятию²². И тем не менее ее добавление, как и они, *по-настоящему меняет дело*. Это то, что превращает безразличие мира в озабоченность этим событием. Составные элементы события, независимо от его природы, целиком и полностью связаны друг с другом в форме возникающей заботы (т. е. отношения). Обуславливающие разности и дизъюнктивные множественности вовлечены в эту ценностную интеграцию (почти так же, как наши Пакманы установили отношения между собой в фигуре треугольника, которая в качестве отношения принимается во внимание как единое целое и тем самым преодолевает их разделенность как исчисляемых один за другим). Ценность – это предельный способ, каким реальный мир включает то, что превосходит простое-вон-там дизъюнктивной множественности его элементов.

Виртуальная реальность добавленной ценности немедленно удваивается маршрутом действия. Восприятие ценности и маршрут действия находятся в наиболее тесной событийной связке, но осуществляются параллельными путями. Восприятие ценности нечувственно и бесстрастно в том смысле, что оно фигурирует как нечто такое, что не изменится и не может измениться, если ему действительно предстоит быть тем, что оно есть (ценность однажды – ценность навсегда). Восприятие ценности неразложимо. Отныне и навек это экзистенциальная ценность, обертывающая любовь и желание. Его неразложимое раз-и-навсегда не делает его простым. Оно неповторимо, однако обусловлено сложным, комплексным образом: оно не простое, а *симплексное*²³. Другой путь, каузальный маршрут действия, тоже сложен, но в другом отношении. Он чувственен, нагружен физическим и разложим на отдельные

²² По-настоящему невоспринимаемо-абстрактное – самый важный модус реальности. Все виртуальности, которые проявляются, как бы зрительно или в иных модусах чувственности, будь то фигуры, предметы или события (те, которые не рецессивны, а воспринимаются нами по нашим собственным ощущениям напрямую), захвачены *отношением* (как в случае с виртуальными фигурами треугольников и других предметов). Отношение по природе невоспринимаемо. Это предельный по-настоящему абстрактный модус реальности. Он инфрацептивно присутствует во всем опыте. Ценность – это невоспринимаемое отношение с рельефным элементом заботы, отмеченной выпуклой эмоциональной тональностью, которая делает себя тем, в чем суть ситуации.

²³ В радиоэлектронике симплексной называется такая схема связи, при которой информация может быть передана только в одном направлении. – *Примеч. пер.*

этапы: он *составной*, с акцентом на базовой для этого слова коннотации с дизъюнктивной множественностью («составленный из различных частей»). В более насыщенных примерах, где виртуальные фигуры, объекты и события появляются совместно, ситуация всегда отмечена этой двойственностью обуславливания и причинности (обусловленного нечувственного возникновения и конформной физической/чувственной причинности). Чувственное и нечувственное, симплексное и комплексное, актуальное и его различные способы себя превышать с их прибавочными ценностями всегда сцепляются и переплетаются друг с другом самым тесным образом²⁴. Даже бег к краю пропасти свершается в своем выступании наружу: как динамическое единство стремительного броска сквозь череду шагов он заполняет расстояние между ними, преодолевая их разделенность.

Реальность такова: виртуальные формы (фигуры, предметы), события и ценности *всегда* появляются совместно. Жизнь приходит в виде ситуаций, а ситуации комплексны – а значит, и симплексны. Разные виды виртуальности всегда появляются вместе как часть *виртуальной экологии* чувственных и нечувственных связей и переплетений²⁵.

Суть этого последнего примера, с которым наше рассмотрение подползает к завершению, в том, что нельзя должным образом описать *аксиологическое измерение* нашего непосредственного опыта – его ценностное измерение, – не обратившись к теории виртуального. В самом общем виде, как напоминает Феликс Гваттари, значение виртуального заключается в конечном счете в «ценностных вселенных», которые по природе «бестелесны» (реальны в нечувственном плане). В этом аксиологическом измерении, в связи с ценностными вселенными, теория виртуального прямо имеет *этический* вид: она непосредственно относится к направлениям действия, имеющим динамическое значение в жизни. Что делает действие этическим, так это удвоение его каузальной силы виртуальным превращением в реальную озабоченность событием. Превращение происходит параллельно действию, в другом модусе бытия, по сути, по другой дорожке. Оно обусловлено неповторимым образом и творится как симплексность непосредственного опыта, охватывающего в виде дополнения-итога соединение разных причин. К чему мы приходим, так это к ситуационной этике – определенной по-новому как аксиологическая алхимия виртуального.

Перевод с английского Даниила Аронсона

²⁴ Ср.: *Deleuze G.* The Actual and the Virtual. Translated by Eliot // *Dialogues II*, Gilles Deleuze and Claire Parnet, 148–152. N.Y., 2002; *Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham, 2002. P. 133–143.

²⁵ См.: *Guattari F.* Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm... P. 88–97, 109–110, также см.: *Guattari F.* Cartographies schizoanalytiques. Paris, 1989.

СОЗНАНИЕ КАК СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ

Эта статья – попытка поставить вопрос о том, *как возможно сознание*. Сознание не может быть понято пред-посылочно; я хочу сказать, что его пониманию не может быть предпослано нечто уже сформулированное: тогда оказалось бы, что сознание предшествует самому себе, потому что любая формулировка предполагает осознанность и осмысленность. Понимание сознания должно вырастать как будто *из ничего* – но при этом *быть всем*, потому что наше сознание – это то самое *Все*, чем мы владеем и что нам дано. Старая проблема совпадения крайних противоположностей, послание великого Кузанца; самое интересное из всего, с чем можно иметь дело, и совсем не чуждое философскому предприятию, а скорее даже составляющее его дух и сердцевину: попытка дойти до предельных оснований, парадоксальная в самой своей сути, – ведь основание, схваченное мыслью, тем самым уже, кажется, перестает быть предельным.

Но решение есть, более того, оно лежит почти на поверхности; во всяком случае, сказанного в истории мысли достаточно, чтобы его найти. Попробуем сделать это.

Культура

О культуре нередко говорят как о способе осмысления мира. Это очень близко к тому, как термин «культура» будет пониматься здесь. Скажем в первом приближении так: культура – это *способность разворачивать смыслы*.

Термин «смысл» будем трактовать просто и незамысловато: это не нечто трансцендентное, не что-то открываемое *за* чем-то, как когда говорят: «В чем смысл этого?». Смысл – это то, что делает возможным наше сознание: осмысленность – среда сознания, и о сознании можно говорить как о работе с осмысленностью. «Смысл» и «осмысленность» – не одно и то же, но их различие мы сможем увидеть лишь во второй половине нашего исследования. Сейчас же главное заключается в том, что культура и сознание, как они понимаются здесь, не просто близки, а внутренне связаны, переплетены порой до неразличимости. Ведь культуру мы будем понимать как способность смыслополагания, а значит – как проявление работы сознания, как некую, если угодно, его функцию.

Однако культура – не просто способность разворачивать смыслы, а значит, не просто способность смыслополагания. Культура – попытка *последовательного*, в идеале «бесшовного» осмысления мира. Конечно, этот идеал никогда не достигается, но от этого он не перестает быть идеалом. Он не теряет своей власти, поскольку его власть укоренена в нашей внутренней убежденности в единстве и устойчивости мира, в его законосообразности. Будь иначе, мы просто не смогли бы прожить и дня: мы можем сомневаться в чем угодно, но только не в том, что наше *Я* сегодня – то же самое, что было вчера и будет завтра. Речь, конечно, о психологической, глубинной, чаще всего не осознаваемой убежденности, определяющей наше поведение, а не о религиозных или философских учениях. Устойчивость и неизменность *Я* коррелирует с нашей убежденностью в устойчивости и глубинной (конечно же, не поверхностной)

неизменности мира: будь иначе, никто не стал бы строить планы на будущее и не мог бы ощущать ответственности за прошлое. Вся пестрота и мозаичность мира, который мы видим вокруг, вся карнавальность и диалогичность культуры возможны только и именно потому, что предполагают некий общий стержень, некую устойчивость, некое пространство, в котором они могут располагаться и заявлять о себе. Это *пространство культуры* поддерживает диалог и удерживает его от рассыпания на серию монологов. Схожим образом наше сознание не дает мозаике мира распасться, образовав хаотичную грудку цветных обломков. Пространство культуры задано ее глубинной логикой, точно так же мы видим мир единым, придавая ему фундаментальную логику. И то и другое, конечно, не формальная логика в ее современном понимании; речь о логике мышления, а значит, о смысловой логике, о логике смысла.

Связность мира и связность речи

Бесшовное, плавное осмысление мира никогда не удастся нам; попытка представить мир как единый сразу же сталкивается с непреодолимыми препятствиями. Первое из них мы встречаем в языке. Слова, которыми мы пользуемся, разнесены по категориям. Категории – как будто ящички, в которые ссыпаны разные ярлычки; эти ярлычки мы наклеиваем на ту текучесть многообразия, которая предстает для нашего сознания. Мы знаем по опыту своего языка, что бывают имена существительные и имена прилагательные, что бывают глаголы и наречия, числительные и местоимения. Границы между ними как таковыми непреодолимы: существительное, например, не может стать прилагательным, не перестав быть собой, а числительное никак не превратится в местоимение.

Это с одной стороны. А с другой, мы не менее точно знаем, что слова можно *связывать*, получая предложения. С этим удивительным свойством *связности* мы встречаемся ежедневно по многу раз, совершенно не обращая на него внимания, как будто связность естественна и неизбежна. Между тем это совсем не так, и из того, что существует слово, никак не вытекает, что должно существовать и связное предложение. Верно, что слова также являются нам связность, иначе невозможны были бы ни словоизменение, ни словообразование. И все же связность предложения – это нечто совсем иное, нежели связность слова.

В чем разница? Разница в том, что слова еще не погружены в *связность мира*. Мир, предстающий нашему сознанию как сырой материал, *текуч*; не случайно говорят о потоке сознания как о неконтролируемом и необработанном. Слова выхватывают отдельные моменты этой текучести, фиксируя их: капельки потока застывают, как смола, своей прозрачностью намекая на континуальность породившего их потока, а отвердевшей поверхностью – на собственную ограниченность. Так текучесть схватывается как ограниченность отдельного; так отдельное выхватывается из континуального потока. Это отдельное – именно отдельно, то есть отделено: неназванная текучесть прерывается как *названность несвязного*; только так и возможно *слово*.

Несвязность, таким образом – отрицание текучести; наш первый шаг фиксации осмысленности. Этот шаг необходим, как любой первый шаг. Но чтобы стать первым, он должен повлечь за собой следующие.

Предложение погружает ярлычки слов в расплавленную магму времени, возвращая застывшие капельки в породивший их поток. Но они теперь не растворяются в нем, не возвращаются в текучесть. Предложение – это то,

благодаря чему возможна связность. Связность – попытка возродить континуальность, перелив смысла, – но уже для того, что названо; для того, что схвачено словом.

Глагольная фраза, которая возможна в русском, английском, французском, арабском (и многих других) языках, делает это удивительным образом. Она идеально соответствует той *естественной связности*, которую мы замечаем в нашем спонтанном восприятии мира, как он представлен в нашем сознании и в естественном речевом потоке. Здесь *одно* перетекает в *другое*: здесь одно не совпадает с другим, не растворяется в другом, но и не отделено от него. «Одно» и «другое» *связаны*: например, дерево растет в земле, а его ветви колыхает ветер, на них садятся птицы и клюют ягоды, вспархивая и улета. И т. д.

Когда я люблю такую картину или наблюдаю великолепный закат солнца, медленно садящегося за лес и окрашивающего бегущие по небу облака в целый сонм перетекающих один в другой цветов от ярко красного до темно-фиолетового, мне нет никакого дела до того, что глагол (например, «летать», «закатываться» или «сидеть») относится к другой категории, нежели имя существительное («солнце» и «птица») и что они – по идее формальной логики (этой апостериорной, отрефлектированной попытки найти единство) – должны были бы быть связаны связкой «есть»: «птица *есть* садящаяся на ветку» или «солнце *есть* закатывающееся за лес» с субстанциализацией картины мира; в естественной речи я прекрасно обхожусь без связки и говорю «птица садится на ветку» или «солнце заходит», окунаясь в связность, для которой нет никаких категориальных границ. Такое использование глаголов *исключает* связку¹: ее тут некуда вставить, потому что в такой естественной речи мы имеем дело с естественной, стихийной связностью, а не с теоретически конструируемым единством, восстанавливающим связность после осознания ее невозможности. Естественная речь, как будто не замечающая категориальных границ, не обязана и преодолевать их с помощью искусственных приемов (в приведенном примере – приемов субстанциализации; такими же могут быть и приемы процессуализации²).

¹ А как же *The sun is setting down*, что здесь? Во-первых, можно сказать *The sun sets down*, получив тот же эффект, что в русской фразе: здесь нет места для связки «есть». Форма *The sun is setting down* уже дает субстанциализацию: «Солнце *есть* закатывающееся», где предугадана – в английских естественно-языковых формах – субстанциальность субъекта и понимание предиката как признака, присущего ему или случайно приписываемого. Мы можем сделать интересное наблюдение: то, что неорганично для русской литературной речи (хотя и может быть сформулировано с использованием русских языковых средств и, как мы увидим, характерно для народного говора), вполне органично для речи на английском, французском и других схожих языках, а именно – предугаданность логической формы «S есть P».

² Первый заключается в том, чтобы увидеть все многообразие красок мира как многообразие *качеств*, прилепляющихся к некоторой *основе*, которая и служит *субстанцией*; второй – в том, чтобы видеть его как многообразие *процессов*, зафиксированных между *действителем* и *претерпевающим*. В первом случае происходит фиксация агрегата качеств в субстанции; во втором – фиксация процессуальной связки «действитель-претерпевающее». И то, и другое является логико-смысловой очевидностью. Ведь несомненно, что (1) «белое» может быть помыслено только как *что-то белое*, а не «белизна как таковая» (белизна как таковая была бы идеей, недостижимой для мысли, но никак не предметом мысли; чтобы мыслить, мы должны стать аристотелианцами, правда, побыв для этого прежде, хотя бы недолго, платониками, иначе как бы мы отрицали белизну как таковую, прежде не обладая ею?); точно так же очевидно, что (2) процесс не может иметься сам по себе, он непременно требует двух сторон, активной и претерпевающей: нельзя помыслить «говoreние» как таковое, а только «проговаривание-проговариваемого-проговаривающим».

Под естественной связностью я понимаю текучесть названного: того, что названо словом, а значит, как-то зафиксировано для нашего сознания, но вместе с тем не потеряло изначальной смысловой континуальности. Это потом слова будут собраны в словари, для каждого указано какое-то «значение»; они будут разделены грамматиками по категориям, и для каждого определены правила синтаксиса. Но это все потом, когда наука начнет вырабатывать понятие языка как системы формальных средств. Пока же, в своей речи, для которой нет никаких формальных средств, а значит, нет и языка в этом значении термина, я не обязан задумываться обо всем этом: об определенных значениях каждого слова, о его категориальной принадлежности и синтаксических обязательствах. Для меня все это не важно, коль скоро моя речь – естественна и следует текучести естественного восприятия мира, отражая ее как естественную связность. Ее удивительное свойство – сохранять континуальность, стирать границы наряду с названием, а значит, и с приданием какой-то смысловой определенности, гнездящейся в слове.

Можем ли мы мыслить естественную связность, а не только выражать ее в повседневной речи? Поднимается ли наша *мысль* до уровня нашей *речи*?

Как отвечать на этот вопрос и имеет ли он право на то, чтобы быть заданным? Ведь читатель наверняка привык к тому, что мысль ставят выше языка, считая последний простым средством, орудием ее выражения; любые *игры с языком* ведутся лишь для того, чтобы, вынырнув из языковой стихии, подчинить ее формально-отточенной мысли философа. – Но все дело в том, что это мое рассуждение – не о соотношении мысли и языка, а о соотношении мысли и речи. Это – совсем другая постановка вопроса, что ясно хотя бы из следующего.

Если мы говорим о мысли и языке, нам нетрудно поставить мысль на первое место, истолковав язык как ее средство, тем более если он понимается как система формальных средств. Тогда мысль мыслится как нечто изначально невысказанное – и лишь затем обретающее некую форму в высказывании. Тогда можно искать форму, наиболее адекватную мысли, оттачивать язык с тем, чтобы он эффективно играл свою роль удобного средства выражения мысли.

Однако делать это можно лишь потому, что мысль каким-то образом дана нам до того, как она обрела свою языковую форму, причем дана настолько настоятельно, что мы можем сверять с ней, с этой еще-не-оформленной мыслью, формальное языковое выражение. Будь иначе, мы были бы абсолютными пленниками языка, связанные по рукам и ногам путами сепир-уорфовской гипотезы и способные мыслить лишь в формах языка. Поскольку это не так, мы должны спросить себя: как же дана нам мысль до того, как она обрела свою языковую форму?

Связность мысли

Мысль дана нам как связность. Эта связность мысли, которая уже – мысль, но еще не влита в языковую форму, и составляет собственно мысль. Мы не случайно говорим «связная мысль» и «связная речь», но никак не «связный язык»: связность мысли разворачивается в речи, и речь превышает язык ровно на связность. Можно сказать и так: в речи нет ничего, чего не было бы в языке, кроме связности. Это примерно то же, что сказать: в физическом теле человека можно обнаружить все, что будет найдено в живом человеке, кроме жизни.

Язык имеет средства выражения связности, но это не то же самое, что сама связность; точно так же тело человека оснащено всеми органами для поддержания жизни, но эти органы – отнюдь не то же самое, что жизнь.

Мы ощущаем мысль еще до того, как она высказана: мы ощущаем ее как связность, как то, что имеет внутреннюю логику и что способно раскрыться, развернуться в предложение или последовательность предложений. Высказанную мысль мы сверяем с этим изначальным ощущением связности, как будто задавая себе вопрос: в самом ли деле высказано все то, что предугадано в мысли как связность? Отвечая на него, мы чувствуем власть чего-то, что подсказывает нам, как можно строить мысль, а как нельзя: мы ощущаем власть законов мысли, или законов смыслополагания, которые незримо управляют разворачиванием мысли в речь (но исчезают в языке).

Дело вот в чем: речь становится осмысленной, только если «сработали» законы смыслополагания, – иначе осмысленности нет. Эти законы объективны, а не субъективны; они, иначе говоря, работают в любом случае, неважно, знаем мы о них или нет. Можно говорить об осмысленном и бессмысленном: в первом случае эти законы выполнены, во втором нет. Уже на поле осмысленного задается истина и ложь, противоречие и т. д. – также в соответствии с логико-смысловыми законами, так что формальная логика оказывается усеченным случаем логики смысла.

Вернемся к нашему вопросу о мысли и речи как глагольном предложении. Мы можем теперь сформулировать его точнее. В глагольном предложении есть и названность, и текучесть: определенность, порождаемая названностью (использованием слова), не становится здесь ограниченностью. Формальным показателем этого служит тот факт, что связку «есть» в глагольной фразе просто некуда вставить: в ней нет *зазора*, нет *щели* между словами, которые плавно и без видимых усилий перетекают друг в друга. Такое состояние назовем континуальностью: здесь смысловое богатство играет всеми своими красками, здесь любая фраза как будто содержит в себе любую другую, предполагая – в конечном счете – и ее как момент своего разворачивания. В глагольной фразе, иначе говоря, связность дана нам непосредственно – почти столь же непосредственно, как в еще-не-высказанной мысли, в мысли, представляющей собой чистую связность. Вопрос, следовательно, в том, можем ли мы не только предчувствовать эту *чистую связность* в нашей невысказанной мысли, не только окунаться в нее в глагольной речи, – но и работать с ней формально, т. е. мыслить ее как уже-высказанную? Можем ли мы, иными словами, работать с ней теоретически, т. е. не только иметь ее как предчувствие, но и мыслить ее как развернутость? Можем ли мы выстроить развернутую, отрефлектированную мысль, которая являла бы континуальность смысла так же, как ее являет глагольная фраза, соединяя названность с перетеканием через категориальные границы?

Отвечая на этот вопрос, мы увидим, что существуют законы, заставляющие нас мыслить так, а не иначе, выстраивая смысл по определенной логике. Эта логика – не формальная; формальная логика возможна как освобождение от власти содержательности (хотя такое освобождение никогда не может быть полным), а у нас речь идет о тех законах, которые вытекают из строения смысла. Это, таким образом, логика смысла, и мы будем говорить о логико-смысловых законах.

Изменение

Называние, осуществляемое благодаря слову, достигает удивительного результата: оно приостанавливает текучесть. Но не любое слово: речь о назывании именем. Адам в присутствии Бога называет все вещи по их именам; а в коранической версии этой ветхозаветной истории Бог передает первочеловеку совершенное знание, уча его именам: почему именно именам? а не местоимениям или глаголам? почему не частицам или союзам? и как Адам обходился с таким странным средством выражения своего всеведения, не зная, как сочетать и соединять эти имена, как связывать их в речь; не зная законов связности? Ему как будто было достаточно только имен вещей, чтобы иметь полное знание; как если бы он был чистой воды платоником, обретшим благодаря именам абсолютное знание чистых идей, которые и в самом деле постигаются именем. А «имя Бога», ставшее для еврейских и исламских мистиков не просто обозначением абсолютного знания, но и самим таким знанием, тем более притягательным, чем менее оно достижимо? Наука стремится найти термины, точно схватывающий предмет ее исследования: это, конечно же, имена. Философия строит категориальный каркас своего здания, раскрывая смысл имен, а не чего-нибудь иного. Имя обладает неизбывной притягательностью для всех, кто хочет обрести высказанное, раскрытое знание; вот только наша речь не удовлетворяется именем, и если и позволяет высказываться назывными предложениями – такими, которые лишь называют, то есть именуют, свой предмет, – то в качестве какой-то уступки, расценивая подобные предложения как всего лишь усеченную форму полного, «настоящего» предложения, подлинность и настоящность которого заключены в связности, которую имя как раз обрывает.

Почему же именно имя? Только потому, что имя изымает названное из потока времени. Только оно способно и назвать, и отвлечь от временных перемен: остальные слова либо не называют (как частицы, союзы и т. п.), либо погружают во время, а не отвлекают от него (как глаголы). Притягательность имени для мысли заключается в этой его двойной функции, точнее даже двуединой: назвать-и-изъять из времени.

Для еще-свернутой мысли естественной и спонтанно-избираемой формой выражения в речи служит глагольная фраза: «чашка кофе стоит на столе», «компьютер работает», «слова складываются в предложения», «по улице идут люди». Предметы вокруг нас действуют: они погружены в поток времени, в глагольной фразе они уже названы, но еще не изъяты из своей изначальной стихии: из текучести смыслового потока, в котором границы, если и намечены называющими словами, то еще не затвердели, не прервали связности целой фразы, встав выше ее и диктуя ей свою волю.

Но границы должны затвердеть, чтобы мысль развернулась, перестала быть спонтанной и осмыслила саму себя – свое содержание. Почему? Потому что мы не умеем мыслить *текучесть*; мы не можем мыслить даже естественную (в речи – глагольную) связность; мы можем мыслить только *изменение*.

Текучесть смыслового потока, как он дан нам в спонтанном восприятии, не имеет отношения к нашему волевому усилию, к проявлению нашей воли. «Объективный мир», как он дан нам в нашем восприятии, потому и «объективен», что никак не зависит от нас: он дан нам помимо нашего желания. Точно так же и мысль, спонтанно рождающаяся у нас, мысль как чистая связность, рождается как будто спонтанно: мы не контролируем непосредственно ее рождение. Но вот возможность мыслить (или, если угод-

но, с-мыслить: рождать смысл), то есть способность нашего *волевого* разворачивания смысла (а не спонтанности его предощущения как свернутости и не спонтанного его разворачивания в глагольной фразе), – эта способность, безусловно, имеет отношение к нашей воле, к нашему сознательному усилию. Мы как будто вмешиваемся во временной поток спонтанной текучести, останавливая его, как будто выхватывая из него то, что нам заблагорассудится, чтобы затем это выхваченное заставить затвердеть и стать *вещью*, представленной на наше рассмотрение.

Такое выхватывание, такое останавливание временного потока – акт мысли; но он невозможен без акта называния. Только названное, причем названное именно именем, может быть остановлено и взято в рассмотрение. Мысль и речь идут тут рука об руку, одно помогает другому и невозможно без него.

Чем же отличается изменение от текучести? Чем, таким образом, мысль как подчиненное нашему волевому усилию разворачивание смысла отличается от естественной континуальности смыслового потока, как он дан нам в нашем спонтанном (не потревоженном) сознании или спонтанной глагольной речи?

Только одним: изменение имеет дело с *одной и той же вещью*, тогда как текучесть еще не фиксирует *вещь*. В текучести, пожалуй, можно говорить об *одном и другом*, но там нельзя говорить об одной *вещи* и другой *вещи*. Понятие «вещь» – это то, что схватывает устойчивость наряду с текучестью, что выхвачено из потока текучести, – но тем не менее сохранило память об этом потоке. Вещь, доведенная до абсолютности, превращенная в идею, совершенно исключаящую какую-либо текучесть, – это то, в чем задан предел для всякой нашей мысли, способной мыслить фиксированность только *наряду* с текучестью; но не одно или другое по отдельности.

Это подводит нас к крайне важному наблюдению. Мы не можем мыслить то, в чем нет фиксированности, схваченности; но точно так же мы не можем мыслить то, в чем нет текучести. Это не значит, что абсолютно текучее или абсолютно неизменное не могут быть нам даны. Вовсе нет: мы вскоре увидим, что и то, и другое составляют условие нашего сознания. Мы можем, возвращаясь к нашему опыту открытости сознания, как будто вернуть это ощущение чистой текучести, удерживая его как память. Мы можем представить себе чистую идею. Но чтобы начать мыслить, мы должны прервать текучесть чистого, континуального потока сознания, выхватив из него неизменность при помощи имени; мы должны заставить чистую идею двигаться, теряя свою фиксированность и растворяясь в текучести. Мысль оказывается *между* абсолютной неназванностью и спонтанностью, с одной стороны, и абсолютной фиксированностью именем, с другой.

Почему *изменение* – предмет мысли; почему она вынуждена располагать себя между совершенной текучестью и совершенной фиксированностью?

Текучесть

Текучесть *дана* нам. Она дана как *абсолютный фон*. Абсолютный фон того полотна осмысленности, которое разворачивает для нас наше сознание.

Текучесть – сырой материал. Мы можем представить себе, что это такое, если сознательным усилием отвлечемся ото всех форм, что привыкли воспринимать как сами собой разумеющиеся; отвлечемся ото всего, к чему мы привыкли привязывать великолепное многообразие цветов, вкусов, запахов, звуков, которое окружает нас. Это все равно что приблизиться вплотную к картине, написанной в манере импрессионистов: что мы увидим,

кроме многообразия, пестрого полотна *бессмысленных* красок? Но отойдем чуть назад, отодвинемся на нужное расстояние – и все встанет на свои места: как по волшебству, возникнут *предметы*, как будто ниоткуда; картина обретет *смысл*. Каждый знает, что в темноте еда и питье никак не могут найти свой вкус; они меняют или даже теряют его, иногда полностью: терпкость вина или сладкая горечь шоколада обесмысливаются без восприятия *предмета*. Как трудно в такой ситуации осмыслить свои ощущения, имеющиеся как чистый фон; как трудно из них сделать что-то осмысленное! Этот сырой материал ощущений, видимо, не производится нашим сознанием; но этот сырой фон – вовсе не *мир*; чтобы превратиться в окружающий мир, он должен быть подвергнут работе нашего сознания. Должно произойти то, что испытывали все мы, когда, разглядывая хаотичное нагромождение пятен и линий в лесу или в углу захламленной комнаты, никак не могли понять, *что* перед нами – и вдруг все вставало на свои места; вдруг мы понимали, *что это*. Сырой материал ощущений, бессмысленный сам по себе, обретал смысл; он становился *чем-то*.

Попробуем разобраться, как это происходит; что именно совершает наше сознание, когда добивается того же, чего добиваемся мы, отступая на пару шагов от картины импрессиониста.

Предметы – то, к чему привязано текучее многообразие красок, – не даны нам изначально, помимо деятельности нашего сознания. Напротив, есть все основания полагать, что упорядочение этого многообразия – функция нашего сознания; что возникновение *связной* картины мира – результат его работы. И о «мире», и о «картине мира» часто говорят так, как будто они даны нам, а не произведены нами. Но это, конечно, не так; сохранять веру в *данность* мира – веру, вполне возможную еще сотню лет назад, – сегодня вряд ли удастся. То, что мы называем «миром», *сделано* нашим сознанием; вопрос в том, как именно.

Работа с собственным сознанием – это работа с самим собой, а значит, нечто парадоксальное по самой своей сути. Претендовать на исключительное владение некой волшебной техникой такой работы значит неоправданно отрицать право любого другого на владение тем же самым. В этой области не может быть привилегированных владельцев, запатентовавших свои открытия: сознание открыто любому из нас и закрыто от любого из нас, а потому каждый может выступить здесь в качестве эксперта. Единственное, на что я могу претендовать, – это на то, что предложенный мной путь покажется кому-то небесмысленным; на то, что кто-то, пройдя по нему, увидит, как делается смысл.

Назовем для краткости чистую текучесть красок (т. е. цветов, запахов, черт, ощущений и т. п.), данную до и вне всякого волевого усилия нашего сознания и составляющую его вечный фон, «полотном импрессиониста». Полотно импрессиониста составляет *чистую данность сознания*, т. е. такую данность, которая не может быть устранена или сведена к чему-то другому. Я не способен придумать ни одного нового цвета, запаха или вкуса: все это будет лишь перегруппировкой красок, которые я найду на этом полотне. И напротив, никаким волевым усилием, никакой активностью сознания невозможно устранить ни одну из красок полотна импрессиониста: я не могу сделать эту палитру беднее, как бы ни старался. (Точно так же невозможно перестать понимать речь на языке, который нам известен; дальше мы увидим, какой смысл имеет эта параллель.)

Чистое Я

Однако чистая данность сознания не ограничивается полотном импрессиониста. Мое сознание невозможно без данности совсем другого рода – данности *Я*. Как и полотно импрессиониста, *Я* дано мне до и вне какой-либо активности моего сознания; оно – такое же неперемное условие моего сознания. Замечательный мысленный эксперимент Ибн Сины установил это со всей определенностью. Смысл его состоит в том, что Авиценна предлагает читателю последовательно отказаться от всех источников знания, которые признает традиционная философия. Одно за другим мы выводим за скобки всю нашу память (представь себе, говорит Ибн Сина, что ты только что сотворен), внешний мир (ты распростерт в «чистом воздухе», что для Авицены, не признававшего, вслед за Аристотелем, пустоту, равнозначно «чистому ничто») и собственное тело (одни части твоего тела не касаются других).

Когда мы не воспринимаем ничего телесного, а значит, не можем отвлечь от него никаких форм, и когда мы лишены всей памяти как хранилища форм, которые были получены когда-либо раньше, – что остается? Если что-то останется после такой кардинальной редукции, это «что-то» никак не будет зависеть, во-первых, ни от каких традиционно признаваемых источников познания и, во-вторых, от мира, включающего наше собственное тело. Такой остаток – *Я*; не помня и не воспринимая ничего, говорит Ибн Сина, ты *непрерывно* воспринимаешь собственное *Я*.

Суть этого мысленного эксперимента – в том, чтобы выяснить, (1) зависит ли восприятие *Я* от восприятия чего-либо другого и (2) познается ли *Я* так же, теми же путями (органами и силами познания), как и все прочее. На оба вопроса Ибн Сина дает отрицательный ответ. Наше *Я*, сообщает нам его мысленный эксперимент, дано совершенно независимо ни от чего другого; и наше *Я* дано нам иначе, нежели дан весь телесный мир, составленный из материи и формы. Чтобы отличить этот способ схватывания *Я* от всех прочих способов схватывания и познания, которые приложимы к миру (но не к *Я*), Ибн Сина использует термин *хадс* – прямое усмотрение, интуиция.

Как термин теории познания *хадс* парадоксален: ведь по-знание не может не предполагать получения чего-то, чего у нас нет, перехода от какого-то исходного состояния к последующему. Но *хадс* именно это и исключает: здесь нет и не может быть никакого *приращения* знания. Более того, Ибн Сина настаивает на том, что *хадс* не может бездействовать: если *Я* открыто прямому схватыванию, оно не может не схватываться. Иначе говоря, мы не можем волевым усилием отказаться от схватывания *Я*: его открытость нам не зависит от нас.

Не зависит потому, добавлю я от себя, что такая открытость *Я* составляет *условие* нашего сознания, а вовсе не его содержание. Ибн Сина не говорит об этом; его внимание направлено на другое – на то, чтобы исследовать применимость *хадс* к другим «предметам познания» (приходится брать в кавычки: для интуиции, прямого схватывания, когда отсутствует субъект-объектная разделенность, нет и не может быть «предмета» в собственном смысле слова), таким как Бог или вообще любая вещь мира. Здесь путь Ибн Сины отклоняется от того, которым хочу следовать я. Я думаю, что Ибн Сина увлекся, пытаюсь распространить свое замечательное, великое открытие – открытие *безусловной явленности Я* – на все прочие «предметы» познания.

А между тем это открытие в самом деле было эпохальным по своей сути, хотя, к сожалению, не по своим последствиям и не по своему влиянию: об этом мысленном эксперименте Ибн Сины вспоминают сегодня в учебниках и

специальных исламоведческих работах, но не в трудах по философии сознания. Нередко этот мысленный эксперимент Ибн Сины сравнивают с декартовским *cogito*, конечно же, оговариваясь, что между ними имеются различия, но хронологическое предшествование Ибн Сины должно быть зачтено ему в плюс и таким образом сделать ему честь, хотя никакого абсолютного и непреходящего значения в мысленном эксперименте Ибн Сины обычно не усматривают, как если бы он имел исключительно исторический интерес, тогда как декартовское открытие снимало бы авиценновское и представляло собой более зрелую форму все той же мысли. Однако между тем и другим – такое различие, что скорее следовало бы говорить о полном несходстве двух позиций, нежели о каких-то параллелях между ними. Для Ибн Сины вовсе не стоит вопрос о бытии, и он никоим образом не стремится найти абсолютное обоснование, позволяющее отринуть какие-либо сомнения относительно бытия. Речь вовсе не об этом; речь не о сомнении и не о его устранении, речь о том, что я могу знать *до* и *независимо* ото всего остального, то есть о том, что имеет абсолютное основание в самом себе. Иначе говоря, речь о том, зависит ли познание *Я* от познания чего-либо другого или же *Я* дано нам принципиально иначе, нежели все прочее. Эта данность *Я*, эта его открытость – вовсе не его бытие; говорить о бытии *Я* в авиценновском контексте значило бы с самого начала допустить существеннейшее искажение. Весь контекст декартовской мысли – другой: для Декарта важно установить несомненность бытия; а что именно *Я* обладает такой несомненностью – вопрос второй, хотя и немаловажный и приводящий на следующем шаге к разведению интенциональности, сжатости (термин, по иронии историко-философской судьбы берущий начало в латинских переводах Ибн Сины – это его *ma'nan* «смысл») и экстенсинальности, протяженности. Если бы (как ни трудно представить себе условия этого «бы») несомненность бытия оказалась сопряжена не с *Я* и его мыслью (заметим – вовсе не с чистым *Я*), а с чем-то другим, от этого декартовское утверждение не изменило бы своей логики и своей сути, хотя поменяло бы свое содержание. А вот авиценновское рассуждение изначально нацелено на *Я* и его абсолютность – а вовсе не на то, несомненность чего стремится установить Картезий.

Итак, мысленный эксперимент Ибн Сины абсолютен в том смысле, что, во-первых, не может быть опровергнут, а, напротив, должен быть признан любым, кто возьмется его провести, и, во-вторых, его выводы имеют собственную, не сводящуюся к чему-либо иному ценность. Мы можем и должны заключить, что Ибн Сина с несомненностью доказал *независимость* данности нашего *Я* от каких-либо источников познания и его *пред-посланность* любому познанию мира. Это – именно то, что я называю условием сознания. Если под сознанием понимать ту деятельность, благодаря которой мы имеем возможность располагать себя в поле осмысленности, тогда сознание возможно (в том числе, но не исключительно) благодаря пред-данности *Я*. Такая пред-данность *Я* составляет второе из двух условий смыслополагающей деятельности, которую мы называем сознанием.

Однако условие сознания следует ясно отличать от его деятельности и от его содержания. Если бы Ибн Сина и те, кто последовали за ним, прежде всего основатель ишракизма ас-Сухраварди, были правы, оказалось бы, что все содержание нашего сознания стало бы его условием; или, напротив, его условие оказалось бы неотличимым от его содержания. В «озаренческой сопряженности» (*идафа ишракиййа*) они хотели достичь столь же абсолютной данности и явленности Первоначала и мира, сколь абсолютна данность *Я*;

но, поскольку такая открытость *Я* составляет условие нашего сознания, получилось бы, что в число условий сознания включено все то, что мы считаем его содержанием. Собственно, мы тогда парадоксальным образом имели бы условие без обусловленного; вся деятельность нашего сознания была бы уже завершена, ибо все ее результаты (содержание сознания) переместились бы в область абсолютно достигнутого, превратившись в условие, т. е. пред-данность сознания. Возможно такое или нет – вопрос другой; его можно изучать отдельно, исследуя под этим углом зрения состояние сознания мистика. Однако очевидно, что это – не общий, не наш с тобой, дорогой читатель, случай: вряд ли эти заметки привлекли бы внимание того, кто сумел (если, конечно, это вообще достижимо) превратить содержание своего сознания в его условие, достигнув абсолютной явленности любого смысла. Для всех нас, обычных людей, верно другое: абсолютна и ни от чего не зависит пред-данность нашего *Я*, тогда как содержание нашего сознания представляет собой непрестанное *изменение*.

Интенциональность

Интенциональность нашего сознания; его постоянная направленность на *что-то*. – Но откуда берется это *что-то*, чтобы сознание стало деятельностью, направленной на это?

Условие сознания не может стать его содержанием. Любой может провести простой эксперимент: сосредоточиться на собственном *Я*, попробовав откинуть все остальное, забыть все прочее, оставив для своего созерцания только свое *Я*. Сделав это всерьез, почувствуем, как земля уходит из-под ног; собственно, почувствуем, что и уходить-то нечему, потому что ничего не остается. Сосредоточенность на собственном *Я*, проведенная по-настоящему, попросту «выключает» все содержание сознания, оставляя только его условие; но условие не может стать содержанием. Так мы теряем осмысленность, мы оказываемся в поле *бес-смысл-енного* – там, где смысла нет, потому что *Я* – не смысл, а только его условие. Эта бессмысленность угнетает нас; оказаться без смысла значит для нас потерять все, поскольку все, чем мы владеем, все, чем обладаем, – это осмысленность. Но то поле осмысленности, которое мы имеем благодаря деятельности нашего сознания, – это не *Я* и не чистая текучесть (полотно импрессиониста). Как бессмысленно чистое *Я*, так же бессмысленна чистая текучесть, и если мы попробуем вывести за скобки все, включая собственное *Я*, оставив только текучее полотно красок, мы окажемся в той же бес-смыслице, в какой оказались, оставляя для созерцания только собственное *Я*. Если *Я* затягивает нас как будто в черную дыру, где в абсолютной точке исчезает всякая осмысленность (поскольку осмысленность – это развернутость, это *изменение*), то полотно импрессиониста, напротив, лишает нас всякой точки опоры: растекаясь в чистой текучести, мы теряем и собственное *Я*, и все, что составляет для нас осмысленность.

Итак, мы можем сосредоточиться и на *Я*, и на текучести, сделав и то и другое единственным предметом мысли, – и получим бессмыслицу, отсутствие смысла и мысли. Здесь невозможно изменение и невозможна интенциональность. На *Я* невозможно *направить* наше внимание, потому что нет расстояния между тем, кто направляет, и тем, куда оно направляется; собственно, нет и этих двух, потому что их различие исключено чистым *Я*.

Но и текучесть исключает *то*, на *что* можно было бы направить внимание, что можно было бы сделать предметом мысли. Ни *Я*, ни чистая текучесть не представляют собой «что-то».

Интенциональность – это направленность на вещь, на что-то; но откуда берется эта вещьность, это «*что-то-чность*»?

Ее нет в «мире» как таковом; собственно, мир – будь он собранием вещей, состояний дел или просто моим окружением – возможен только как *встреча* чистой текучести и чистого *Я*. То, что не является смыслом, но что составляет условие всякого смысла, в своем взаимном движении дает нам *осмысленность*. Мир дан как осмысленность; я могу, конечно, говорить о нем как об окружающем, как о задающем мой горизонт, как о собрании фактов или собрании вещей – но только после того, как он окажется дан мне как смысл. Иначе говоря, *Я* должно быть вброшено на полотно импрессиониста, чтобы возникла *картина*. Уже потом мы назовем ее картиной мира; потом, после того, как встреча этих двух условий нашего сознания породит смысл и развернет осмысленность.

Смысл

Только когда чистая текучесть и пред-данность *Я* загадочным образом *встречаются* – только тогда возникает смысл. Мы можем определить смысл как место встречи абсолютной неразличенной содержательности (наше полотно импрессиониста) и абсолютной субъектности.

Смысл – это сжатая пружина, способная развернуться и развернуть осмысленность. Смысл – чистая встреча *тождественного, но абсолютно различного*; в этой способности *без-различной различности* – бесконечная потенция разворачивания осмысленности.

Эти формулировки только кажутся неожиданными; на самом же деле они подготовлены всем ходом нашего рассуждения, и то, что в них сказано, уже было высказано другими словами. Если *Я* и чистая текучесть – условия нашего сознания, то этих условий – два, или же оно одно?

Конечно, *Я* и чистую текучесть, *Я* и полотно импрессиониста невозможно спутать, и любой подтвердит это, сославшись на свой внутренний опыт, подтвердит совершенно безошибочно. Но можем ли мы их различить?

Можно ли указать на некий признак, который мы могли бы приписать нашему интуитивному, непосредственному ощущению своего *Я*, с одной стороны, и столь же непосредственному обладанию полотном импрессиониста, с другой, – могли ли бы мы приписать такой признак или признаки, наличие и отсутствие которых отличало бы одно от другого?

На этот вопрос возможен только отрицательный ответ. Ведь любой признак был бы неким содержанием, а значит, вводил бы *Я* или чистую текучесть в область содержания нашего сознания. Но тогда они утеряли бы свою функцию условия – того, что делает возможным содержание сознания, но что не служит частью этого содержания и над чем сознание не властно. И *Я*, и чистая текучесть интуитивны, к их непосредственной схваченности невозможно ничего прибавить. – Но это значит, что мы не можем их различить.

Без-различная различенность

Именно это я и подразумеваю под без-различной различенностью, или различенностью, которая не создает никаких различий. *Я* и полотно импрессиониста – не одно и то же, и в этом нет никакого сомнения; но столь же несомненно, что они – не два различных, что одно – то же, что и другое, при том, что имеется «одно» и имеется «другое». Мы иногда слышим намек на это, когда вдруг ощутим свою причастность всему; или даже свою тождественность всему. Мы как будто равны всему миру; и это тем более удивительно и невозможно, что наше *Я* никогда не бывает не только равно чему-то другому, но и не бывает открыто самому себе иначе, нежели как чистое *Я*. Это парадоксальное равенство совершенно неравного, более того, неприравниваемого имеет своим основанием неразличенность несовпадающего, *Я* и чистой текучести: когда *мир* редуцируется до полотна импрессиониста, когда он сбрасывает свои формы и обнажает свою основу, тогда к нашему *Я* возвращается это ощущение изначальной слитости и нераздельности того, что не сливается и не совпадает.

Эта неразличенность абсолютной субъектности и абсолютного начала содержательности, которые вместе с тем бесконечно разведены и несмешиваемы, эта без-различность различного служит источником всех различений и любых определенностей, которые мы встречаем в мире; а точнее, которые мы встречаем как мир.

Неразличенность различного, безразличная различенность – изначальный парадокс. Источник любых приравниваний неравного; источник бесконечного разнообразия. Именно здесь тождественность нетождественного не просто встречаются, а становятся отличимы-и-неотличимы друг от друга. *Я* и непрестанная текучесть красок полотна импрессиониста неразличимы, но бесконечно различны; в этой возможности различить-не-различное – изначальная сила бесконечного различения. Тождество безусловно, наитвердейше верно; но тождество бесплодно, оно совершенно ни о чем не говорит. Даже аналитическое суждение бесплодно – постольку, поскольку оно стекается все в то же твердокаменное тождество. Нам бы хотелось узнать, как возможны синтетические суждения; как можно узнавать *новое* – и вместе с тем узнавать его *истинно*? Новое прорывает рамки тождества, оно выводит туда, куда тождество не простирает свою власть; но нам бы хотелось, прорвав эти рамки, сохранить всю ту *уверенность*, которую они дают; иначе говоря, сохранить уверенность тождественного. Очень старая проблема; и вот – тождественность нетождественного. Тождество нетождественного – вот искомое; вот что *интересно*.

Встреча *Я* и текучести как изменение

Взаимное движение *Я* и полотна импрессиониста навстречу друг другу; их встреча, которая и оказывается тождеством нетождественного. Они не могут не встретиться, поскольку неразличимы; и где бы они ни встретились, их встреча будет *истинной*, поскольку они не могут не совпасть. Но вот, собственно, вопрос: что значит, что *Я* и текучесть «встречаются» – как если бы они могли встречаться в разных местах или встречаться по-разному? Что есть такого в самом *Я* и в самом полотне импрессиониста, что дает возможность этого различия; почему *Я* может быть вброшено в *разные* «места» полотна импрессиониста и почему вбросы эти могут *повторяться*?

Значит ли это, что здесь мы предугадываем что-то вроде пространственной и временной координат? Или, скорее, так: то, что дает возможность различия «вбросов» субъектности в бессубъектную текучесть красок абсолютного полотна – не будет ли это осмыслено как пространство, поскольку пространство – это возможность *сразу-наличия*, т. е. сразу-различения; а то, что дает возможность повторения *Я*-вбросов на бесконечное полотно текучих красок – не будет ли это осмыслено как время, поскольку время – это возможность *смены*, т. е. различения, основанного на повторении?

Время столь же сжато и неуловимо, как *Я*; и в этой своей сжатости оно столь же бесконечно богато. И вместе с тем время – ничто: у нас только настоящее, но это настоящее всегда уже *исчезло* или *еще не наступило*. Времени никогда нет; и в то же время оно есть всегда, потому что «никогда» и «всегда» – абсолютные отрицание и утверждение того же самого времени. Точно так же и *Я*: стоит прикоснуться к нему, как его уже нет; *Я* рассыпается в бесконечное множество маленьких *я*, всех этих состояний *меня*, которые я не могу не отождествлять с самим собой, т. е. со своим *Я*, хотя всегда отличаю их от него. Эти *я* преходящи и текучи, они никогда не остаются сами собой; но они всегда отнесены к моему *Я*, и только потому они возникают как *я*.

Я рассыпается множеством *я* только благодаря повторению, т. е. благодаря *смене* одного *я* другим. Ни одно *я* не может сосуществовать с другим, оно непременно его сменяет. Если у меня много социальных ролей, я никогда не играю их *сразу*, они непременно *сменяют* одна другую; пусть и на самое малое мгновение, но между ними всегда есть зазор, который позволяет *различить* их благодаря *смене*, оставив и сохранив единственность моего *Я*. *Я* рассыпается во множественность во времени, не в пространстве; в пространстве если что и рассыпается, то отстраненная от *Я* субъектность. Это она может быть множественна *сразу*, и чуть ниже мы поговорим о том, что можно понимать под этим термином.

Но пока остановимся на минуту, чтобы подвести итог сказанному. Мы увидели два принципа различения: *смена* и *сразу*. *Смена* необходима лишь потому, что различается *то же*, т. е. само-тождественное: *Я* как начало абсолютного тождества может быть различено, может рассыпаться во множество *я* (а такое рассыпание – несомненный факт внутреннего опыта, открытый любому) только благодаря их *смене* друг другом. *Сразу* необходимо лишь потому, что полотно импрессиониста как начало абсолютного различия требует одного вместе с другим, так сказать, бок о бок, чтобы различие состоялось. И *сразу*, и *смена* – способы различения; но само различие здесь устроено по-разному, и мы встречаемся здесь с различием самого различия. Различие различия берет начало в различности (хотя и неразличности) *Я* и полотна импрессиониста, и оно столько же без-различно, сколь без-различна различенность этих двух условий сознания, которые не образуют двойцу.

Я рассыпается множеством *я*, т. е. различается: начало абсолютной тождественности подвергается различению. Напротив, полотно импрессиониста, это начало абсолютного различия, фиксируется благодаря *сразу* в само-тождественности как то, что может быть подвергнуто *смене*. *Сразу* и *смена* (которые могут быть осмыслены как принципы пространства и времени) встречаются, чтобы своей встречей породить определенность: определенность как зыбкая уравновешенность *сразу* и *смены*, уравновешенность, которая будет тут же нарушена. Эта определенность как задание *границы* сама определена тем, как именно встретятся *сразу* и *смена*, каким будет конкретное сочетание этих принципов различения.

Сразу и смена будут осмыслены как пространство и время; но это не значит, что мы должны поддаться соблазну начать с этих двух. Пространство и время нельзя мыслить как априорные формы или как абсолютные вместилища, их вообще нельзя мыслить как *предельное*. Предельным служит принцип различения, обнаруженный и найденный нами благодаря открытию безразличной различенности двух условий сознания, *Я* и абсолютной текучести. Ни одно из различений, которые мы сделали до сих пор, не было произвольным, каждое из них стало не более чем разворачиванием этого абсолютного источника любого различения, неотличимого вместе с тем от тождественности и восходящего к тождественности. Ни одно из понятий, введенных до сих пор, не возникло ниоткуда, не взялось, как по мановению волшебной палочки, просто потому, что понадобилось автору, чтобы сделать еще один шаг по его пути. Нет, любое из них возникло как необходимое, как неизбежное *сгущение* тех линий различения-без-различия, которое мы обнаружили как неизбежное, как необходимое движение, вызванное к жизни совершенным совпадением и бесконечным различием двух условий сознания. Если и может быть найден вечный двигатель, то только в этом неисчерпаемо парадоксальном и удивительном совпадении несовпадающего, поскольку оно не может не требовать безграничного движения вперед.

Граница

Абсолютная субъектность не может встретиться и совпасть с абсолютной содержательностью, не утратив своей абсолютности; то же относится и к другой стороне, к чистой содержательности. Субъектность в этой встрече утрачивает свою точечность, растекается, наполняясь содержательностью; содержательность же теряет изначальную неуловимость, беспредельную размазанность и замыкается, привязанная к субъектности. Такова логика этой встречи, этого совпадения двух несовпадающих условий нашего сознания, совпадения, порождающего – в своей бесконечной флуктуации – все его столь же бесконечное содержание. Но как могут совпасть несовпадающие, да к тому же абсолютные, ничем не ограниченные и потому и не могущие совпасть, условия сознания – абсолютная субъектность и абсолютная содержательность?

Абсолютная субъектность *Я* – это вечное напряжение, направленное внутрь: ин-тенс-ивность, внутренняя напряженность; пружина, сжатая до конца, абсолютная потенциальность, ждущая возможности *броска*, возможности растрагить и воплотить вовне свою энергию. Абсолютная содержательность, напротив, – это экс-тенс-ивность, внешняя разжатость; пружина, уже распрямившаяся до конца и полностью себя раскрывшая, променявшая потенциальность на совершенную актуальность, *размазанность* по полотну без всяких границ. Ни то, ни другое не ограничено: *Я*, потому что оно еще не вошло ни в какую границу; абсолютная текучесть – потому, что она уже утратила всякую границу. Абсолютность того и другого имеет разный смысл: одно – до всякой границы, другое – уже после. Потому ни то, ни другое не достижимы для нашего сознания, которое умеет двигаться только в том, для чего задана граница; в *изменяющемся*, в том, в чем схвачена встреча двух безграничностей: той, что до всякой границы, и той, что после. Введение чистой содержательности в границы и тем самым – ее *сжатие*, придание ей интенсивности, возвращение некоторой сжатости этой разжатой до конца

пружине; и, напротив, придание бесконечно сжатой пружине *Я* некоторой содержательности, осуществленности и, следовательно, разжатости, некоторое ее ослабление, – вот то поле, в котором способно двигаться наше сознание.

Сжатость *Я* и его готовность к *броску*, в котором оно приобретет определенность благодаря вхождению в границы, а значит, и утратит себя в той мере, в какой утратит свою абсолютность, – его постоянное состояние; оно не может не выходить из своей абсолютности, не может не утрачивать свой функции условия нашего сознания, постоянно переходя в область его содержания. Мы обнаруживаем *мир*, потому что обнаруживаем *субъектность* вне нас. Вещь – это вброс субъектности на полотно импрессиониста; абсолютная точка, утратившая свою абсолютность и растекшаяся радужной кляксой. Вещь невозможна без субъектности; но вещь точно так же невозможна без содержательности, без своей – так и хочется сказать: осязаемой – начинки. Однако остережемся отождествлять «вещь» и «субстанцию», вообще остережемся отождествлять вещь с чем-то «материальным»: вещь – не более чем субъектность, оторвавшаяся от *Я* и попавшая на полотно абсолютных красок, и благодаря этому обладающая способностью *сгущения*, притягивания к себе размытой, без-границной и никак не определенной содержательности. Эта сила субъектности – сила задания границы, введения в эту границу тех красок нашего абсолютного полотна, которые она сможет захватить.

Предикация и осмысленность

Мы не можем мыслить (что означает: не можем с-мыслить, не можем придать смысл) абсолютную неизменность и абсолютную текучесть. Первое для нас – наше *Я*, второе – чистая содержательность нашего сознания, которую мы получаем после совершенной редукции. О первом нельзя ничего сказать, потому что ему нельзя ничего *приписать*; о втором нельзя ничего сказать, потому что там *нечему* приписывать. Возможность предикировать – это возможность заставить встретиться эти два условия нашего сознания с тем, чтобы они породили его содержание. Предикация – не только способ нашей речи, то, как она устроена; предикация – способ нашего мышления (смысл-ения), то, как устроена осмысленность.

Это и значит, что мы можем сделать содержанием своего сознания только изменение. Изменение и есть встреча субъектности, абсолютной фиксированности – и текучести как абсолютной нефиксированности.

Наша мысль может быть отделена от нашей речи, пусть даже лишь в мысли: мы можем мыслить свою мысль как будто бессловесной, – или в речи: мы можем высказать такую мысль о бессловесной мысли. Это бессловесное, или до-словесное состояние мысли – особый предмет: такое состояние не может быть развернутостью, не может быть *ясным* состоянием нашего сознания. Будь так, мы составляли бы свою речь из слов-кирпичиков, тратя на это по необходимости гораздо большее время, нежели то, которое требуется, чтобы такую речь произнести. Всякий знает по своему опыту, что это не так; если мы и «подбираем слова», то лишь потому, что хотим изменить что-то в уже сложившейся, но еще не высказанной вслух речи, когда мы особым усилием задерживаем ее спонтанное высказывание; или же когда что-то ломается в механизме спонтанного складывания речи, выражающей до-словесное состояние мысли. Эта свернутая до-словесность, невысказанность – смысл, который мы ощущаем (говорим же мы, что мысль

высказана точно, или же не совсем точно: откуда знаем мы это, если не обладаем *уже* этой мыслью, причем обладаем совершенно точно и полно, до того, как она высказана в словах?), который властно руководит нами, до которого мы так стремимся добраться, то ли воспарив в горный мир в умном созерцании, то ли отдавшись поэтической стихии, но который мы не в состоянии высказать *как таковой*. То, что мы высказываем и что отчетливо мыслим, – это развернутость, а не свернутость, дискретность, а не континуальность; это осмысленность, а не смысл.

Смысл до-словесен, а осмысленность требует развернутой предикационной формы, причем такой, которая – как мы увидим чуть ниже – предполагает использование имени. Однако на границе между смыслом и осмысленностью, между дискретностью и континуальностью, между свернутостью и развернутостью живет глагол – совершенно удивительное образование нашей речи; а в области мысли мы находим ему полное соответствие – категорию действия.

Глагол и действие; местоимение и имя

Текученье обращается в действие при минимальном добавлении субъектности. Нам достаточно как будто спроецировать свое *Я* на текучее полотно вечно-меняющихся красок, чтобы в том месте, *куда* (без этого «куда» никак не обойтись) оказалось направленным наше внимание, возникло что-то осмысленное. Мы заметим тогда, что это не просто беспорядочные тени бегут на пестром и бессмысленном фоне, а что это, например, колышутся листья: мы увидим *действие*, непременно связанное с субъектом и невозможное без него.

Субъектность действующего, без которой действие невозможно, непременно соотносена с нашей собственной субъектностью. Местоимения замещают не имена (скорее, наоборот, имена встают на место местоимений – мы увидим это), а нашу субъектность, спроецированную вовне, на абсолютное полотно красок, и им следовало бы дать соответствующее название. Это видно хотя бы из того, что любое из них может легко превратиться в *я* или даже в *Я*: субъектность конвертируема, все зависит от точки зрения, и то, что (или те, кого) мы называем «он», «она», «они» и т. п., для самих себя выступают как *Я*, а для нас в своей речи – как *я*. В мире действуют мириады *я*: абсолютная субъектность, рассыпавшаяся в *сразу*-повторении и повторении-*смене* (в том, что мы назовем пространственным и временным умножением *Я*).

Местоимение (сохраним за ним традиционное название, помня, что это – слово, употребляющееся вместо *Я*, а вовсе не вместо имени) органично слито только с глаголом. Лишь в глаголе местоимение составляет его неотъемлемую часть и действительно что-то сообщает нам. Так потому, что глагол и есть чистая субъектность, в минимальной степени утратившая свою абсолютность взамен на обретенную содержательность, и в силу этого содержательность слита здесь с субъектностью так, что их невозможно разделить. «Иду» и «я иду» – одно и то же: глагол как будто вбирает в себя целую фразу, он один – речь, он один – высказывание, которое может, конечно, развернуться с аналитическим разделением единиц речи (как это случается в языках, утративших или не знавших синтетизма глагола так, как это имеет место в русском или арабском языках), но которое от этого ничего не выигрывает в своей силе. Остановив свой взгляд на бессмысленной игре красок теней и

света, мы вдруг замечаем, что «оно» (он, оно, ты – некое местоимение, занявшее место абсолютной субъектности нашего Я) «колышется». Мы узнаем это еще до того, как увидим, что «оно» – это «лист дерева»; сперва мы лишь замечаем возможность увидеть субъектность и нанизать на нее какую-то часть спектра красок, сделав их осмысленными. Собственно, мы видим, что «оно зеленеет», что «оно имеет-продолговатую-форму» (представим себе такой глагол) и так далее: «лист дерева», замещающий затем в нашей речи местоимение «оно» и встающий на его место («оно колышется» → «лист дерева колышется»), служит не более чем *стяжкой* целого веера глаголов.

Так возникает имя как замена множества глаголов; в имени скрывается, как будто исчезает, субъектность, прежде очевидная в глаголах, бывшая такой, которую невозможно скрыть или не заметить. Этот набравший вес субъект вдруг появляется на сцене, чтобы стать отдельным, самостоятельным *именем*: мы уже говорим не «он колышется», а «лист колышется». Но «лист» колышется только потому, что прежде «он зеленел», «он имел продолговатость (=продолговател)» и т. д. Имя возможно только потому, что глаголы собрали всю эту содержательность с полотна импрессиониста, как вездесущие пчелы – нектар с медоносов, и стянули ее к субъектности: то, что было прежде разбросано там и тут в совершенно *неосмысленном* виде, вдруг затвердело *именем*. Так и нектар, разбросанный на многих тысячах цветков, вдруг загустевает прозрачной медовой массой.

Глагол как будто замещает собой всю речь. Послушаем, как определяет его словарь Даля: «Слово, речь, выражение; словесная речь человека, разумный говор, язык». И только следующим дано грамматическое значение: «Часть речи, разряд слов, выражающих действие, состояние, страдание». Мы как будто слышим подсказку: язык следует понимать прежде всего как речь и говор, и лишь затем – как набор формальных средств, как категориальную разметку и синтаксис. И подсказка эта как нельзя более уместна: в речи живет мышление и связность, исчезающие в наборе формальных средств точно так же, как в раззятом на части живом теле исчезает жизнь.

Субъектность и текучесть выражены в глаголе непосредственно: субъектность неотрывна от глагола, текучесть застывает в нем как его содержательность. Глагол не может избавиться от этой изменчивости: он сам и есть изменчивость. Глаголу не нужны никакие дополнительные средства, чтобы «отразить» изменчивость: нет нужды отражать то, чем и так являешься, не нужно притворяться там, где все естественно.

Поэтому в глаголе, который может служить целой фразой, или в глагольной фразе, где субъектность выражена явно, будь то местоимением или даже заместившим ее именем, есть связность, но нет связки. Связка, с одной стороны, не нужна здесь: глагол и так связан, лишь аналитическая процедура вычленяет в нем субъект, который как будто отделяется от содержательности. А с другой, она здесь и невозможна: куда бы можно было поместить здесь эту эрзац-связность, этот костыль вместо живого сустава? В глагольной фразе нет места для связки, и мы никак не можем вообразить здесь какой-либо *зазор* между субъектом и предикатом, который был бы заполнен связкой: естественная, бесшовная связность глагола выталкивает связку, как живое тело выталкивает чужеродный предмет.

Имя и предикация

«В одну и ту же реку нельзя войти дважды», – едва ли кто-то не слышал эту расхожую формулу. Ее обычно приводят как пример непрестанной изменчивости: образ текущей реки, сменяющихся вод как нельзя лучше подходит для того, чтобы указать на постоянную, непрерывную перемену. Мы легко представляем себе несущийся поток или спокойно текущую медленную реку – но в любом случае мы никогда не войдем в одну и ту же воду: и потому, что сама вода в текущей реке все время сменяется, и потому, что сменяется ее внешний облик. Текучесть, следовательно, оказывается дважды текучестью: водяной субстрат – всегда другой, чем был только что, и внешняя форма его никогда не бывает постоянной.

Но обратим внимание: в Гераклитовой формуле речь идет не о воде, а о реке; более того, об *одной и той же* реке. Почему-то нам необходима «одна и та же река», чтобы мы могли отрицать ее существование. Парадоксальная вещь: желая сказать, что все в мире переменчиво, мы должны сперва допустить неизменность, фиксированность, – то есть допустить именно то, что хотим отрицать. Более того, такое допущение оказывается необходимым условием отрицания, к которому мы стремимся: мы *не можем* говорить о том, что река никогда не остается самой собой, если прежде не утвердим именно эту «саму-по-себе реку», которую хотим отрицать.

Ничего не изменится, если мы вернемся к воде как к «реальному», материальному субстрату, оставив в стороне гипостазированную «реку». Все равно, чтобы отрицать постоянство воды, протекающей прямо перед нашими глазами и даже, если хотите, обтекающей наше тело, погруженное в эту воду, нам придется сперва иметь смысл воды как таковой, одной и той же воды, чтобы затем мы могли сказать, что вода все время другая, а не та же самая; не будь этого, перед нами было бы множество *разных вод*, но не было бы *другой воды*.

Если бы нашей целью была чистая текучесть, мы не испытывали бы столь странной потребности сперва сделать то, от чего тут же откажемся. Чистая текучесть не требует столь причудливых ходов; чтобы погрузиться в нее, надо как раз отвлечься от всякой сформулированной мысли, взять ее в скобки. Но если мы хотим мыслить и формулировать мысль, если мы хотим высказывать ее, нам надо оставить текучесть и создать смысловое пространство *изменения*.

Остановив чистую текучесть мира, прервав ее поток, мы получим как будто мгновенный снимок. Прервав этот поток иначе, в другом месте, мы получим другую картинку. Эти две картинки будут разными, в чем мы убедимся, наложив одну на другую и увидев, что они не совпадают (так не совпадут две фотографии улицы, полной машин и пешеходов, сделанные одна за другой). В таком случае мы можем говорить, что перед нами две разные картинки, два разных мира; но мы не можем говорить, что перед нами *изменившийся* мир. Чтобы иметь не просто два разных, а одно изменившееся – чтобы иметь право говорить об изменении, – мы обязаны прежде утвердить неизменность.

Этот логико-смысловой Гераклитов закон абсолютен: никто не может ускользнуть из-под его власти. Мы просто не можем мыслить иначе; если мы мыслим, то мыслим изменение, а это значит: мы фиксируем *нечто* как неизменное, выхватывая так заданную *вещь* из континуального смыслового потока, и лишь затем и на этой основе говорим о ней как об изменяющейся. Мыслить значит *предсцировать*, мыслить значит разворачивать осмысленность по формуле «субъект + предикат».

Глагольная речь, что была приведена выше как пример отражения естественной текучести мира, также может быть формализована по схеме «субъект + предикат». С точки зрения лингвиста предикат может быть каким угодно, в том числе он может быть выражен и глаголом. «Птица садится на ветку» – это предложение, которое имеет форму «имя + предикат»: выраженный именем субъект «птица» и предикат «садится на ветку». Не отрицая пользы такого рода формализации и вообще не вторгаясь в ту область, в которой работает лингвистика (для лингвистики важны языковые формы или фонетика: в этих областях она обнаруживает ясные законы, – тогда как смысл редуцирован здесь до невятной «семантики»), я вместе с тем не откажусь от права задать собственное поле логико-смыслового рассуждения, на котором только и могут быть вскрыты логико-смысловые законы, управляющие мыслью. Тогда станет видна принципиальная разница между двумя предложениями, двумя типами предикации, глагольной и именной: «Птица садится на ветку» и «Птица есть сающаяся на ветку», – которые для сверхобобщающего лингвистического взгляда едва ли не одинаковы по своей форме. Связка «есть» – вовсе не одна в ряду разнообразных и (якобы) на равной ноге функционирующих связок: только связка «есть» делает возможной субстанциальную картину мира; она, таким образом, фундаментальна для этой картины мира, тогда как остальные маргинальны в той или иной степени. В именном типе предикации, когда и субъект, и предикат выражены именем, имя фиксирует; имя вынимает вещь из временного потока, придает ей точность и стремится замкнуть в заданных границах; предикат размыкает замкнутость, стремясь вернуть вещи – хотя бы отчасти – ту континуальность, которую она утерьяла, задав саму себя как неизменную и определенную. Осколки подлинной континуальности представлены в нашей речи предложениями вроде «Вечерело», а предчувствия абсолютной идеальности – фразами «Нельзя курить» и им подобными: в них нет субъекта, схваченного рамками имени и готового изменяться, они построены по другой смысловой логике, они не подчиняются императиву Гераклитова закона. Не подчиняются только потому, что оказались *на полях* той картины мира, которую рисует нам мысль, задавая его как *изменяющийся*: «Вечерело» слишком континуально, слишком текуче, чтобы быть изменением; а «Нельзя курить» слишком абсолютно и фиксировано. Гераклитов закон абсолютен только для мысли, разворачивающей себя в субъект-предикатной форме; мысли, схватывающей *единство* изменяющегося мира.

Почему возможна предикация: без-различная различенность условий сознания

Субъект предикации может быть выражен местоимением – тем, что напрямую схватывает субъектность (а вовсе не стоит «вместо имени», как подсказывает этимология), – а может быть выражен именем (когда уже оно замещает субъектность местоимения). Предикат может быть выражен глаголом – и тогда предикация не предполагает связку: мысль связывается, субъектность сплавляется с содержательностью бесшовно, органично. Здесь – главная загадка смыслообразования: как и почему субъектность сплавляется с содержательностью, почему осмысленность возникает? Эти два условия нашего сознания, абсолютное *Я* и абсолютная текучесть красок, не могут не встречаться, поскольку они – не два разных; но они не могут совпасть,

поскольку они не одинаковы. Не одинаковые, но и не разные: эта различенность без различий требует, чтобы сплав субъектности с содержательностью бесконечно варьировался.

Если смыслообразование – это всегда сплавление субъектности с содержательностью, то понятно, почему мысль всегда предикационна и почему мы мыслим только изменение, но никогда не фиксированность и не текучесть. Невозможно мыслить «пять»: «пять» можно сделать предметом медитации или интуиции, но никак не мысли. Можно мыслить «пятью пять – двадцать пять»: это – изменение, возможное как сплав субъектности, т. е. абсолютной фиксированности, с содержательностью, которая эту фиксированность нарушает, добавляя к ней то, чего в ней как будто нет, но что *может быть* добавлено. Изменение заставляет сплавлять субъектность и содержательность так, что они оказываются движущимися от одного состояния к другому; это движение мы и называем мыслью.

Два типа предикации

Можно говорить по меньшей мере о двух типах предикационной сплавленности субъектности и содержательности. Первая представлена глагольной фразой, другая – именной. Современная лингвистика и логика подчас бывают склонны не усматривать существенного различия между двумя типами предикации, рассматривая их как варианты некой единой формы связи субъекта и предиката. Но это не так; говорить о связи субъекта и предиката «вообще» – слишком сильная абстракция, отвлекающая от того, от чего отвлечься как раз нельзя – от силовых линий, вдоль которых движется смыслообразование, представляющее собой сплавление субъектности и содержательности.

Глагол, как мы сказали, – это первая «остановка» на пути от состояния разъятости двух условий нашего сознания, когда мы – чисто теоретически, конечно же, – рассматриваем их отдельно одно от другого, к их естественной сплавленности, которая и составляет стихию нашего сознания. Говоря о глаголе, мы говорим о нашей речи; в плане смыслообразования глаголу соответствует действие. И глагол, и действие предполагают непосредственную, прямую субъектность: нет такого глагола и такого действия, которые исключали бы возможность представить действователя как «меня», «тебя», «ее» и т. д., иначе говоря, исключали бы возможность представить субъект в языковых формах местоимения. Местоимение столь же необходимо в речи, как и глагол; и столь же ясным оказывается соответствие ему, которое находим в области сознания.

Имя, как мы видели, служит интегрантом суммы глагольных фраз. Мы ставим «лист» вместо «он зеленеет», «он растет» и т. д. Любое имя может быть раскрыто таким образом, поскольку любое может быть представлено как такой интегрант.

Но у имени есть и другая функция. Мы все знаем о ней, поскольку знаем, что любую глагольную фразу можно превратить в именную. Я называю фразы глагольной и именной по типу предикации, т. е. в зависимости от того, выражен ли предикат глаголом или именем: во втором случае «есть», чаще всего опускаемое в русской речи, выполняет роль связки двух имен, а не является глаголом-предикатом. Сам факт наличия глагольной и именной фраз в нашем языке – удивителен, но мимо него обычно проходят, не обращая на него внимания или даже стараясь его затушевать; вообще стараются не обращать внимания на смысл и возможность работы с ним.

В самом деле, я могу сказать «он приехал», а могу – «он есть приехавший», и так для любого глагола. Такое превращение в речи – совершенно нормальное и обычное явление. Если фраза типа «он есть приехавший» и звучит непривычно для уха, не слышавшего ничего, кроме литературного языка, то она от этого не становится неестественной для носителя русского языка вообще. Там, где я обычно провожу лето, говорят как раз такими, а вовсе не глагольными, фразами. Тут скажут: «он приехадши», с чередованием *в-д*, с усеченной формой причастия и, конечно же, с опущением связки; все эти метаморфозы совершенно нормальны в русском языке. Точно так же мы услышим «он умерши[й]» вместо «он умер», «он поевши[й]» вместо «он поел» и т. п. Интересно, что такая нелитературная форма оказывается ближе к логической форме «S есть P», нежели требуемая литературной нормой русского языка глагольная фраза.

Языковые формы и смыслополагание

Таким образом, рассмотренные три формы: глагол, местоимение и имя – совершенно необходимы для того, чтобы речь могла соответствовать смыслополаганию. Грамматики могут выделять другие языковые формы или не выделять эти, но исследование смыслополагания неизбежно выявит их, и именно их. Более того, как раз разговор о смыслополагании дает возможность выйти на универсальный уровень, на котором мы можем говорить о том *существенном*, что стоит за вечно-изменчивыми языковыми формами и что только и делает их *языковыми*, – говорить о смысле, его законах и способах его образования.

Именная предикация и задание границы

Такая, именная форма фразы дает возможность сделать то, что невозможно в глагольной, – она дает возможность *задать границу*. Глагол еще слишком текуч; если он и дает нам изменчивость, то есть необходимую фиксацию, приостанавливающую текучесть и превращающую ее в изменчивость, то лишь благодаря вклеенному в него местоимению, тогда как сам он еще не способен к этому. Это оказывается по силам лишь имени.

Что такое «граница» и что значит «задать границу»? Граница – это локализованная без-различность различности, и задать границу значит создать возможность двигаться в этой локальности, извлекая по возможности новые смыслы, т. е. осуществляя смыслополагание. То, что возможно *вообще* благодаря встрече двух условий нашего сознания, – то возможно *локально* благодаря имени. Два типа без-различной различности, абсолютная и локальная, конечно же, различны, ибо задаются по-разному, однако обе обладают удивительным свойством сжиматься и разжиматься, стягиваться в точку и растягиваться до бесконечности (локальная – в своих пределах, естественно); они обладают ин-тенс-ивностью (неотличимой от субъектности) и экстенс-ивностью (неотличимой от содержательности), этими двумя типами *напряжения*, дающими возможность бесконечного движения смысловывода. Однако имя, задающее границу и тем самым – локальное движение смысловывода, не задает тем самым субъектность; субъектность должна быть при-

внесена в эту локальность как будто извне. Та содержательность, что эксплицируется благодаря заданию границы, может служить лишь предикатом фразы, но не ее субъектом.

Если говорить о *границе* более детально, то задать границу значит задать противоположение-и-объединение. Полагающие друг друга и снимающие друг друга, противоположение и объединение дают возможность бесконечного движения *внутри* той локальности, которая зафиксирована именем самой высокой – для этой локальности – степени общности. Этот вопрос можно и нужно рассматривать очень подробно, с необходимой степенью углубленности. Но это уже – другая тема, для которой нужны отдельные исследования.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТ

Одни путешествуют затем, что ищут себя, другие – затем, что хотят себя потерять¹.

*Ницше. Письмо к фройлян Симон
от 6 февраля 1884 года*

Путешествие – это странствие, маршрут которого не лежит с необходимостью лишь во внешнем (физическом) пространстве. Путешествие – это движение в пространстве культуры: памяти, мифа, воображения, снов, предметов. Экзистенциальное путешествие по внутреннему пространству является одновременно и опытом персонификации истории, и попыткой самоидентификации.

В эссе «Четыре цикла» Хорхе Луис Борхес пишет о том, что европейская культура представляет собой бесконечные вариации и переплетения сюжетов четырех исходных легенд: о героической обороне обреченного на смерть города, о вечном возвращении, о безутешном поиске и о смерти бога. Вторая и третья из этих историй связаны с путешествием.

Что же такое путешествие? Путь к себе? Постигание своего смысла? Или, напротив, попытка вырваться из морока повседневности, лабиринта поступков, потока слов и переживаний? Опыт свободы или обреченности? Прорыв из распаханной мыслью клетки под названием «здесь и теперь» или диктат замкнутости маршрута? Чем обусловлена извечная тяга людей к бродяжничеству, перемене времен и мест?..

Путешествие – опыт личной свободы странника: свободы ухода из привычного мира, пересечения границ, погружения в чужое пространство, свобода выбора маршрута, обусловленного индивидуальными мотивами путешественника, побуждающими его к перемене мест, а иногда и времен.

Наиболее распространенными мотивами путешествия являются стремление к самоидентификации, тяга к открытиям и новому знанию.

Традиционно странствие выступало еще и как социальный ритуал. Например, в средневековой Европе путешествие нередко представляло собой рыцарскую «инициацию», целью странничества было обоснование или подтверждение социального статуса путешественника. Средневековые маршруты странствий имели вертикальный вектор движения. Странник-паломник, следуя своим путем, восходил по лестнице благодати из ада в рай. Повторяемость хождения к святым местам мифологизировала процесс странничества. В текстах хождений доминирует миф об очищении. Весь путь – это путь к благодати, катарсису. Путь средневекового странника – возвращение к истокам, к началу мира. Мирча Элиаде описывает архетип путешествия как сакральный путь бесконечно повторяющегося вне времени возвращения к себе, к «началам всех начал»: «Надо начать свой путь с какого-нибудь определен-

¹ Ницше Ф. Письма. М., 2007. С. 217.

ного момента, как можно более близкого настоящему времени, и проделать весь путь наоборот с целью дойти до истоков, *ad originem*, туда, где самая первая жизнь, “спыхнув” в мире, породит Время, достигнуть того удивительного мгновения, когда Времени больше не будет, так как ничего нет, ничего не проявляется. Смысл и цель этого приема понятны: тот, кто возвращается назад во времени, должен неизбежно достичь исходного пункта, который, в конечном счете, совпадает с созданием мира»².

В секулярной культуре путешествие также выступает своего рода паломничеством. Человек отправляется в путь в поисках тех моментов, когда может выйти за пределы своей личности, реализовать свой потенциал, преобразуя себя в иное, более истинное и свободное самосознание. Путешествие – дорога познания мира и себя через Абсолют: «Древнерусский путешественник предпочитает прикасаться непосредственно к святыне, а новый странник прикасается к репрезентации святыни, к воплощению Абсолюта посредством рецепции другого человека, то есть к познанию через искусство... Предмет искусства наследует сверхъестественные свойства культового объекта»³. Существенно, что странствие является не столько путем познания другого, сколько само моделированием, самоактуализацией.

Энтелехия путешествия

Феномен путешествия представляет для меня интерес прежде всего как энтелехия – форма осуществления человеком себя, как опыт самоидентификации.

Энтелехия (*entelecheia*) – философский термин, введенный Аристотелем и означающий «осуществление», приоткрывающееся сознанию тяготение сущего к форме. Аристотель называет энтелехией выявление внутреннего стремления, заложенного в бытии и понуждающего его к обретению формы, т. е. к реализации своей сущности и смысла: «Материя есть возможность, сущность же – энтелехия»⁴.

В третьей главе девятой книги «Метафизики» Аристотель сближает термины энергия и энтелехия как обозначающие действительность, но указывает, что первый из них изначально подразумевал некое движение или деятельность, в то время как второй обозначает фактическую данность или осуществленность чего-либо⁵.

В первой главе второй книги трактата «О душе» Аристотель определяет энтелехию как сущность и форму вещи, представляя душу как энтелехию тела. «Душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же как [форма] есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела»⁶. Однако Аристотель не до конца проясняет тождественность души и энтелехии: «Кроме того, не ясно, есть ли душа энтелехия тела в том же смысле, в каком корабельщик есть энтелехия судна»⁷.

² Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 84.

³ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004. С. 105.

⁴ Аристотель. О душе // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 394.

⁵ Там же. С. 238.

⁶ Там же. С. 395.

⁷ Там же. С. 396.

Энтелехия – «живое в возможности», реализующаяся потенция, воплощаемая вероятность чего-либо. «Но живое в возможности – это не то, что лишено души, а то, что ею обладает. Семя же и плод суть именно такое тело в возможности. Поэтому как раскалывание [для топора] и видение [для глаза] суть энтелехия. Так и бодрствование; а душа есть такая энтелехия, как зрение и сила орудия, тело же есть сущее в возможности. Но так же как зрачок и зрение составляют глаз, так душа и тело составляют живое существо»⁸. Энтелехия имеет место, когда материя, физическая или духовная, принимает облик и форму, когда потенция становится воплощенной реальностью, а общее обретает индивидуальность, когда происходит осуществление или явление идеи. Энтелехия, по Аристотелю, это выявление внутренней энергии, заложенной в бытии и понуждающей его к обретению формы, т. е. к реализации своей сущности и смысла. Материя есть возможность, сущность же – энтелехия.

Энтелехия оказалась одной из наименее разработанных, но наиболее существенных категорий европейской философии. Современный исследователь указывает на то обстоятельство, что «с энтелехией связана некая неполная проясненность, ускользание от логической ясности и четкой однозначности, ставящие восприятие этого феномена на грань аналитического познания и внутреннего переживания»⁹.

В интеллектуальной истории Европы Нового времени опыт использования этой категории мы можем обнаружить в работах Готфрида Вильгельма Лейбница. В отличие от Аристотеля Лейбниц различает «душу» и «энтелехию». В «Монадологии» энтелехия выступает не столько обретенным состоянием бытия, сколько самостоятельно существующей дискретной реальностью. «Всем простым субстанциям, или сотворенным монадам, можно бы дать название энтелехии, ибо они имеют в себе известное совершенство и в них есть самодовление, которое делает их источником их внутренних действий и, так сказать, бестелесными автоматами... Если бы хотели назвать душой все, что имеет восприятия и стремления в том общем смысле, как я только что пояснил, то можно бы все простые субстанции, или сотворенные монады, назвать душами; но так как чувство есть нечто большее, нежели простое восприятие, то я согласен, что для простых субстанций, имеющих только последнее, достаточно общего названия монад и энтелехий, а что душами можно называть только такие монады, восприятия которых более отчетливы и сопровождаются памятью»¹⁰.

В XX столетии понятие «энтелехия» используется Эдмундом Гуссерлем для описания европейской культуры как процесса разворачивания во времени идей античной эллинской философии. В главе «История философии нового времени как борьба за человеческий смысл» из книги «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль обращается к категории «энтелехия» не как к воплощенной идее, а как к энергии воплощения открытых в Греции ценностей. В интеллигентном смысле Европа является энтелехией философии как науки. Однако Гуссерль оставляет открытым вопрос о том, присуща ли энтелехия, впервые проявившаяся в греческом народе, человечеству как таковому или нет. Иными словами, остается

⁸ Аристотель. О душе. С. 396.

⁹ Кнабе Г.С. Энтелехия культуры. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 141.

¹⁰ Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. В.В.Соколов. М., 1982. С. 416.

непроясненным, обрело ли европейское человечество вместе с возникновением греческой философии в качестве своей цели стремление быть человечеством, исходя исключительно из философского разума, или же это лишь историческая иллюзия, овладевшая греческим народом в силу определенных исторических событий. От ответа на этот вопрос зависит понимание того, несет ли европейское человечество в самом себе абсолютную идею или оно представляет собой эмпирически фиксируемый антропологический типаж, подобный жителям Китая или Индии. Только в случае положительного ответа на этот вопрос европеизация других народов наделялась бы абсолютным смыслом, входящим в смысл мировой истории.

Гуссерль рассматривает энтелехию не как акт или его результат, а как процесс, не как воплощенную идею, а как бесконечно разворачивающуюся энергию ее воплощения.

Мысль взглянуть на феномен путешествия как на энтелехийный процесс, цель которого самовоплощение, поиск самоидентичности путешественника, появилась у меня за чтением хроники одного необычного странствия, положившего два столетия назад начало новому жанру – путешествию по собственной комнате.

Жанр экзистенциального путешествия по внутреннему пространству не относится к числу самых популярных форм путевых заметок. Это бортовой журнал странников, отправляющихся в путь в поисках того смысла, который (по терминологии Пауля Тиллиха) дает смысл всем остальным смыслам. Такие путешествия – зафиксированный опыт самоидентификации, узнавания себя, своей эпохи и культуры. Череда предметов, населяющих мир странника, оборачивается метафизическим пространством его судьбы, залогом его свободы. Энтелехия путешествия по собственной комнате – опыт обретения самоидентификации, осуществления человеком себя.

Путешествие в интерьере

В 1794 году тридцатилетний офицер Сардинского королевства Ксавье Франсуа де Местр оказался под домашним арестом. Причиной такого положения дел стала дуэль из-за дамы сердца, в результате которой был смертельно ранен противник нашего героя. Заточение длилось 42 дня. Каждый день появлялась новая глава книги, получившей название *Voyage autour de ma chambre* («Путешествие вокруг моей комнаты»).

Сама судьба графа Ксавье де Местра могла бы послужить сюжетом для захватывающего исторического романа. Писатель, чей талант отмечали Шарль Огустен де Сент Бев во Франции и Владимир Иванович Даль в России, пейзажист и портретист, запечатлевший шестилетнего Александра Пушкина, блестящий офицер эпохи наполеоновских войн, Ксавье де Местр был двенадцатым из пятнадцати детей в семье сардинского дворянина. Ксавье был младшим братом знаменитого философа Жозефа де Местра, с легкой руки которого книга «Путешествие вокруг моей комнаты» увидела свет. (Записки брата Жозеф считал интересными и без ведома автора отдал книгу в издательство.)

Ксавье служил лейтенантом в сардинской армии до 1800 года, участвуя в войнах с Францией в 1796 и 1798–1800 годах, а потом поступил на службу в русскую армию под командование генерала Багратиона. В отставку Ксавье де Местр вышел генерал-майором Главного Штаба российских войск и вскоре женился на Софье Ивановне Загряжской, тетке Натальи Николаевны Гончаровой, жены Александра Сергеевича Пушкина.

В начале повествования Ксавье де Местр признается, что идея описать странствия по собственной комнате появилась у него давно, однако представившийся случай вынужденной несвободы позволил замыслу воплотиться. Прежде чем отправиться в путь, писатель замечает, что его путешествие уникально тем, что не требует денежных затрат и доступно каждому, а в полупутьи он может пригласить всех своих читателей.

Свое путешествие он именуется трансцендентальным. Обычно в путешествие отправляются душа и тело человека вместе, в его же случае путешественницей оказывается лишь душа. Такой тип путешествия Ксавьер де Местр считает самым замечательным. Несмотря на то, что тело нашего героя продолжает томиться взаперти, душа его свободно перемещается во времени и пространстве, обретая новое знание о самой себе и формируя личность пишущего. Это занимательное 42-дневное путешествие молодого человека можно сравнить с катарсическим опытом самопознания, исповедью или даже мистерией. «Путешествие моей души вокруг собственной комнаты дало мне ощущение метафизической свободы»¹¹.

Ежедневно в центре внимания автора оказывается новый предмет интерьера его пристанища. Всматриваясь в вещи, каждая из которых имеет свое место и свою историю в его судьбе, писатель совершает захватывающее ментальное путешествие в свое прошлое, настоящее, а иногда и в будущее, беседует с друзьями и близкими, находящимися вдали от него, анализирует смысл повседневности и пережитого.

Странствие по комнате полно забавных эпизодов. Первым объектом, оказавшимся в центре внимания путешественника, становится его кровать, символизирующая вход в мир светской круговерти, сторонним наблюдателем и судьей над которой он теперь ощущает себя.

Следующий предмет, привлекающий его внимание – портрет миловидной виновницы дуэли. Задумавшись над естественнонаучным объяснением природы художественного феномена: в каких бы концах комнаты ни находились зрители, у каждого смотрящего на портрет создавалось впечатление, что взор дамы устремлен именно на него, – Ксавье де Местр неожиданно переходит к заключению, что этот портрет гениален в своей правдивости. Женское сердце непостоянно: даже будучи рядом с ним, его возлюбленная, не переставая, переглядывается и кокетничает со всеми окружающими ее кавалерами.

Дни идут, меняются сюжеты.

Письменный стол, в недрах которого хранится память о минувшем...

Бюст отца – теплая ласка домашнего уюта...

Высохшая роза – несгораемая, неутолимая страсть...

Гравюры, изображающие городскую повседневность, – истовая проповедь грезящего о революции вольнодумца...

Автопортрет Рафаэля – виртуозное эссе о несхожести природы живописи и музыки: творчество художника требует опыта, искусства мышления и символизации смыслов, музыкант же отдает страсть души напрямую, без посредства рационализирующего ума...

Лабиринты книжных стеллажей – непредсказуемые грани странствующей души...

И, наконец, зеркало – гениальное изобретение, отражающее, по мнению писателя, взгляд каждого из нас на себя сквозь призму искренней, чистой и безусловной любви к себе самому. Каждый человек получает удовольствие, любясь своим лицом и неизменно обнаруживая в нем именно то, что он так

¹¹ *De Maistre X. Voyage autour de ma chambre. Edition Jose Corti, 1984. P. 82.*

хотел увидеть. Не существует людей, не испытывающих чувства блаженно-го наслаждения от созерцания собственного отражения, преобразованного их воображением до неузнаваемости в угоду все преодолевающей любви к самим себе. Хорошо было бы, замечает Ксавье де Местр, изобрести другое зеркало, отражающее внутренний мир людей и демонстрирующее каждому его идеалы и ценности, мотивы поступков и принципы действий, однако, продолжает писатель, вероятно, никто не захотел бы заглядывать в такое зеркало, кроме философов, да и те вряд ли.

Странствие вокруг комнаты заканчивается шумным спором двух дам – души (*l'ame*) и плоти (*la bete*), оспаривающих свое приоритетное право на вояж. В результате автор заключает между ними мировую, уравнивая значимость души и тела, и делает вывод о двойственной природе сущего. Залогом осуществимости интеллектуального путешествия провозглашаются и чувственность, и телесность, поскольку для своих трансцендентных странствий душа нуждается в ощущениях, доставляемых ей плотью.

Путешествие как опыт метафизической свободы

Трансцендентальное путешествие по собственной комнате Ксавье Франсуа де Местра, причиной которого служит его опыт несвободы – домашний арест, воспроизводится на иной лад полтора века спустя в одном из эпизодов знаменитой повести Альбера Камю «Посторонний» *«L'Étranger»* (1942). Главный герой рассказа – тридцатилетний француз по имени Мерсо, живущий в Алжире, оказывается заключенным в тюрьму. Суд приговаривает его к смертной казни. Поводом для такого приговора стало непреднамеренное убийство. В ожидании приговора в одиночной камере Мерсо переживает опыт полной изоляции от внешнего мира. Пребывая в абсолютном событийном и информационном вакууме: вне времени, счет которому им потерян, без возможности какого-либо передвижения за пределы камеры, вне любого вида коммуникации (свидания и чтение ему запрещены), Мерсо пытается не утратить свою самотождественность, отыскать способ сохранения своего «я». В результате после нескольких безрезультатных усилий Мерсо находит способ автономизироваться от пустоты, уберечь свою личность от распада: «Да, пришлось перенести некоторые неприятности, но я не был очень уж несчастным. Важнее всего, скажу еще раз, было убить время. Но с тех пор, как я научился вспоминать, я уже не скучал. Иногда я вспоминал свою спальню: воображал, как выхожу из одного угла и, пройдя по комнате, возвращаюсь обратно; я перебирал в уме все, что встретил на своем пути. Вначале я быстро справлялся с этим. Но с каждым разом путешествие занимало все больше времени. Я вспоминал не только шкаф, стол или полочку, но все вещи, находившиеся там, и каждую вещь рисовал себе во всех подробностях: цвет и материал, узор инкрустации, трещинку, выщербленный край. Всячески старался не потерять нить своей инвентаризации, не забыть ни одного предмета. Через несколько недель я уже мог часами описывать все, что было в моей спальне. Чем больше я думал над этим, тем больше позабытых или находившихся в пренебрежении вещей всплывало в моей памяти. И тогда я понял, что человек, проживший на свете хотя бы один день, мог бы без труда провести в тюрьме сто лет. У него хватило бы воспоминаний для того, чтобы не скучать. В известном смысле это было благодетельно»¹².

¹² Камю А. Посторонний / Пер. Н. Немчиновой. М., 1989. С. 71.

Источником свободы оставаться самим собой для героя Камю, как и для другого узника – Ксавье Франсуа де Местра, оказывается архетип вечного возвращения, иницирующий энтелехийное экзистенциальное путешествие в замкнутом пространстве человеческой памяти.

Жанр трансцендентального путешествия вокруг собственной комнаты, введенный в литературно-философский оборот Ксавье де Местром, оказался необычайно востребованным только в XX веке. Однако точности ради нужно заметить, что в 1863 году немецкий просветитель, педагог и писатель Герман Вагнер опубликовал книгу для детей «Путешествия по комнате», предназначенную для ознакомления малышей с окружающим миром. К жанру трансцендентального путешествия это издание, разумеется, не относится.

Ментальное путешествие по замкнутому пространству собственного жилища, отправными точками в котором являются предметы мебели, книги, сувениры и другие вещицы, придающие неповторимое лицо дому и служащие вехами судьбы путешественников, важно не путать с другим популярным литературным жанром XX века – шозизмом (вещизмом, от французского слова *«chose»* – «вещь, предмет»). Отцом-основателем шозизма принято считать Алена Роб-Грийе, автора романа «В лабиринте». Идея шозизма состоит в подробном описании предметов самих по себе, вне связей между ними, в выписывании бытовых деталей, казалось бы, совершенно излишних и оттесняющих рассказ о событиях и образы персонажей:

«По натертому полу тянутся проложенные суконными тапочками лоснящиеся дорожки – от кровати к комоду, от комода – к камину, от камина – к столу. Вещи на столе, очевидно, были переставлены, и это нарушило целостность серой пелены, его покрывающей: более или менее пухлая, в зависимости от давности образования, местами она совсем повреждена: так, левый, дальний конец стола, не в самом углу, но сантиметров на десять отступя от края и параллельно ему, занимает четкий, словно начерченный рейсфедером, квадрат полированного дерева. Сторона квадрата равна сантиметрам пятнадцати. Коричневато-красное дерево блестит, почти не тронутое серым налетом.

Справа хотя более тускло, но все же просвечивают, покрытые многодневной пылью, какие-то совсем несложные контуры; под известным углом зрения они становятся довольно четкими, и можно с достаточной уверенностью определить их очертания. Это что-то вроде креста: продолговатый предмет, размером со столовый нож, но шире его, заостренный с одного конца и слегка утолщенный с другого, перерезанный много более короткой поперечиной; поперечина эта состоит из двух придатков, похожих на языки пламени и расположенных симметрично по одну и другую сторону основной оси, как раз там, где начинается утолщение, – иначе говоря, на расстоянии, равном примерно одной трети общей длины предмета. Предмет этот напоминает цветок: утолщение на конце образует как бы продолговатый закрытый венчик на верхушке стебля с двумя листочками по бокам, чуть пониже венчика. А может быть, он смутно походит на человеческую фигурку: овальная голова, две коротеньких руки и тело, заостренное книзу. Это может быть и кинжал, рукоять которого отделена гардой от мощного, но тупого клинка с двумя лезвиями...

Над всем этим в правом углу стола возвышается лампа: квадратный цоколь, длина его сторон пятнадцать сантиметров, диск такого же диаметра, рифленая колонна с темным, слегка коническим абажуром. По внешней стороне абажура медленно, безостановочно ползет муха. Она отбрасывает на потолок искаженную тень, в которой нельзя узнать ни малейших признаков

самого насекомого: ни крыльев, ни туловища, ни лапок: все это превратилось в какую-то нитевидную, ломаную, незамкнутую линию, напоминающую шестигранник, лишенный одной из сторон: отображение нити накаливания в электрической лампочке. Этот маленький незамкнутый многоугольник одним из углов касается внутренней стороны большого светлого круга, отбрасываемого лампой. Многоугольник медленно, но безостановочно перемещается по окружности светлого пятна. Достигнув стены, он исчезает в тяжелых складках красного занавеса»¹³.

Подобные описания завораживают. Автор ставит над читателем, да и над самим собой, неожиданный эксперимент, отводя человеческому сознанию роль демокритовского пустого «небытия» – вместилища бесконечного ряда вещей. Бытие в текстах такого рода сводится к описи предметов, его заполняющих. Эти предметы имеют значение лишь для самих себя, являются знаками себя самих, а не символами или метафорами.

Путешествие как коммунальный проект

Другим опытом энтелехийного путешествия по комнате, превосходящим имманентность шозизма, является социально ориентированный коллективный проект круга московских концептуалистов 1970–1990-х годов – Ильи Кабакова, Иосифа Бакштейна, Андрея Монастырского и др. под названием «Комнаты» (1986)¹⁴. Авторы проекта подчеркивают в преамбуле сборника, что их работа посвящена «жилищным проблемам мирового авангарда середины 80-х годов»¹⁵.

Примечательно, что сами концептуалисты именуют свое объединение «географическим клубом», а себя путешественниками и открывателями terra incognita – советской жилищной реальности в частности и советской бытовой традиции в целом для внешнего Советскому Союзу мира. Рефлексия над пространством «социалистической повседневности» стоит в центре творчества концептуалистов.

Реалии советского существования нуждаются в объяснении для всех, кто с ними не знаком по собственному житейскому опыту, иначе невозможно понимание смысла творчества этих художников. Работы концептуалистов предполагают «сопричастность» жизненной и культурной ситуации их авторов. Печальный парадокс состоит в том, что мощнейшая недосказанность работ концептуалистов понятна только близким им по типу повседневной культуры людям, а толкование и объяснение их произведений для внешнего зрителя требует такой досказанности, которая неумолимо уничтожает смысл их работ. Для художников этого круга было важно, чтобы их творчество не пропало, не сгинуло в одночасье вместе с советской эпохой, чтобы их работы прозвучали и остались в отечественной культуре, были бы задействованы в общей европейской художественной традиции. Ведь произведения искусства живут только тогда, когда они дают творческий импульс зрителям, оставаясь необходимым звеном в преемственности творческого процесса.

Проект «Комнаты» создавался как метапутешествие концептуалистов в советскую повседневность. Коммунальная квартира в этом контексте обретает статус важнейшей составляющей советской жизни, выражающей ее суть.

¹³ Роб-Грийе А. В лабиринте. СПб., 1999. С. 11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ <http://www.conceptualism-moscow.org/files/komnati.pdf>

Советская реальность в «Комнатах» выступает не только как политизированная, идеологизированная форма повседневности, но является и экзистенциальным объектом эмоционального отношения художников.

В центре проекта – инсталляция Ильи Кабакова «Комната. (Человек, улетевший в космос из своей комнаты)»¹⁶ (1985), рассматриваемая его коллегами как проблематизация автором обыденности, «попытка эстетической сублимации житейской стихии»¹⁷.

«Комната» Кабакова представляет собой одну из комнат в большой перенаселенной коммунальной квартире. Внутри этой комнаты предметы находятся в крайнем беспорядке: валяются вперемешку палки, банки, ремни, газеты, бумаги... Обстановка жилища убога: вместо кровати – раскладушка со старой подушкой и одеялом, стола вовсе нет, стены вместо обоев обклеены всевозможными плакатами, размещенными в самом нелепом соседстве один с другим, так что вместе они образуют немислимый абсурд. Посреди всего этого в воздухе висит загадочная машина, состоящая из сидения для стула, пружины и резиновых жгутов. Одиноким обитатель этой комнаты, как становится ясно из рассказа его соседа, был обуреваем мечтой о путешествии в космос, и мечту эту – свой «великий проект» – он осуществил. Однажды ночью соседи по коммуналке были разбужены ужасным грохотом. Вызванный ими участковый милиционер зафиксировал исчезновение жильца и сквозную пробоину непонятного происхождения в потолке его жилища.

Учитывая многовековую историю русской мечты о полете в космос и космической миграции человечества с перенаселенной Земли на ближайшие планеты, несложно включить инсталляцию «Комната» в ряд сходных проектов, среди которых можно назвать идеи Николая Федорова и Константина Циолковского.

Если в «путешествии» Ильи Кабакова преобладает гражданско-идеологическая тематика, то маршрут из четырех инсталляций второго участника проекта – Ирины Наховой под общим названием «Комнаты» (1984–1987) характеризуется главенством художественно-эстетического аспекта и очевидной «социальной незадейственностью». Проект Ирины Наховой был ориентирован на воссоздание эмоционального переживания своей повседневности жителями коммуналок, выдвижения на первый план метафизического пласта их существования. Ее работы невозможно однозначно проинтерпретировать на языке региональности, поскольку специфика места не важна, а привносимое в них зрителем социально-политическое содержание (или его отсутствие) ничего не меняет в замысле автора.

«Комнаты» Наховой создавались не в творческой мастерской, а в обычной жилой квартире, что дало особый эффект путешествия-перехода в сакральную искусственную среду.

Отправной точкой маршрута¹⁸ выступала Комната № 1 (1984), ярко освещенная и целиком заклеенная белой бумагой. Вход в комнату также был завешен бумагой и составлял одну плоскость со стеной. Пустое белое пространство (по ощущению зрителя и замыслу автора), не имеющее визуальных границ, размеры которого невозможно было оценить взглядом, строилось по

¹⁶ В 2013 г. данная инсталляция Ильи Кабакова была продана за рекордную для произведений этого художника сумму.

¹⁷ <http://www.conceptualism-moscow.org/files/komnati.pdf>. С. 17.

¹⁸ Важно иметь в виду, что все четыре композиции выстраивались в одной и той же комнате, через определенный временной интервал, поэтому, говоря о путешествии, в данном случае мы имеем в виду путешествие в реальном времени.

принципу «разлетающейся и раскручивающейся чаши». Зрители находились на дне «чаши». Внутренность «чаши» (пол и стены комнаты) была выклеена яркими и блестящими фигурками, вырезанными из модных западных журналов начала 70-х годов. Каждый зритель-путешественник, оказавшись в этом странном месте, становился еще одной фигуркой, знаком, что еще более подчеркивало размытые границы белого света, порождавшего ощущение бескрайности замкнутого пространства.

Следующим этапом на пути следования зрителя-странника оказывалась Комната № 2, также целиком выклеенная белой бумагой. Но теперь на белые поверхности были наклеены черные и серые листы бумаги разных форм с тем расчетом, чтобы создавалось впечатление игры пространства. В отличие от Комнаты № 1, где зритель был в неопределенном по жанру пространстве, в этой комнате зритель чувствовал себя в пространстве, полностью построенном по принципу картины.

В Комнате № 3, в отличие от предыдущих, были оставлены на своих местах все предметы обстановки: письменный стол, табурет, мольберт с картиной, динамики от проигрывателя, прислоненные к стене картины, люстра и настольная лампа. Все это было обклеено белой бумагой, включая окна, подоконники, батареи и т. д. Комната была освещена одной настольной лампой, направленной на балконную дверь. Следуя источнику света, все поверхности комнаты и предметов были запылены черной краской: если выход на балкон был совершенно белый, то вход в комнату был черный. Дверь на балкон была чуть приоткрыта. При желании зритель мог открыть дверь и увидеть абсолютно черную поверхность, закрывающую выход на балкон.

В последней точке маршрута, Комнате № 4, как и в предыдущей, все вещи оставались на своих обычных местах. Хаотически по предметам, стенам, потолку и полу были приклеены куски черной бумаги неопределенных форм. Таким образом, что все пространство комнаты наполовину было закрыто этими клочьями. В результате возникал эффект перевертывания «фигуры» (комнаты) и «фона» (черной бумаги).

В этих четырех «Комнатах» мы видим состояние мира: его трансцендентную распаханность в глубь себя.

Результатом этого странствия становился эффект последовательного переживания различных комбинаций эмоционально-психологических состояний, посещаемых рядовым обитателем среднестатистического коммунального жилища эпохи «развитого социализма».

Различия путешествий Ильи Кабакова и Ирины Наховой по коммунальному пространству отечественной советской реальности кроются в несхожести их подходов к осмыслению этой реальности. Перед нами два разнонаправленных экскурса: экзистенциально-социальный и экзистенциально-эстетический.

Экзистенциальный пласт работы Кабакова порождался тем, что автор отождествлял себя с персонажем, обнажающим свою суть, экзистенцию. Главный импульс автора-героя – искреннее желание выбраться, вылететь из ситуации советской повседневности. Экзистенциальная составляющая «Комнат» Наховой, напротив, создается смещением перспективы и погружением, растворением автора-зрителя в профанном пространстве коммуналки, вплоть до его сакрализации.

В классическом культурном контексте полнота жилища не выступает как сакральное пространство: кухня или прихожая – места обыденные, а вот спальня или кабинет – сакральны. В ситуации же коммунальности и скучен-

ности советской повседневности, где кухня плавно переходит в спальню и в рабочий кабинет, ввиду отсутствия сакрального помещения с четкой границей, появляется любопытный феномен – «сакральная точка». Таким образом, сакральное выступает в форме очень динамического, борется за свое существование. Мы становимся свидетелями мистического превращения профанного в сакральное.

На мой взгляд, «квартирный миф» московских концептуалистов можно рассматривать как особый жанр путешествия, попытку перейти от плоскости «картины» к объемной, разомкнутой, динамической реальности. Входя в «комнату», зритель оказывается целиком внутри произведения. Структура восприятия и переживания замысла художника, смысловые особенности его работы определяются соотношением ритма изображения и путешествием по нему зрителя, изменением положения его тела. Тут не существует традиционной выставочной дистанции между зрителем и произведением. Возможность свободного перемещения-путешествия в экспозиционном помещении определяет как свободу восприятия работы автора, так и свободу от ее воздействия. Активность зрительского поведения, его субъективность не приглушается логикой автора, что позволяет зрителю-страннику оставаться независимым, самому порождать эстетические значения.

Проект «Комнаты» включает в себя еще и визуальное путешествие по пятнадцати маршрутам – реальным интерьерам комнат представителей элиты советского андеграундного искусства эпохи «развитого социализма». Этот вояж по комнатам призван засвидетельствовать образ жизни и душевный строй их обитателей-художников. Теперь уже в качестве гида-комментатора выступают не сами «авторы» комнат, а их товарищ и коллега, художник-концептуалист Георгий Кизевальтер, написавший текст «Пятнадцать комнат» – развернутый комментарий к галерее фотографий.

Переходя от фотографии к фотографии и прочитывая текст за текстом, мы словно перемещаемся из комнаты в комнату огромной коммунальной квартиры, приютившей цвет русского «авангарда». Здесь и комната-«проходной двор», где среди хаоса и вопиющей бедности мы вдруг замечаем на кровати швейцарский саксофон, в углу возле окна – модный и дорогой усилитель звука «Ямаха», и скромная, тщательно прибранная комната, отличающаяся отсутствием бытовых излишеств, граничащим с аскетизмом, и мрачная каморка битника или хиппи. Есть тут и комната, главное отличие которой – теснота. Это как раз пример той самой «универсальной» комнаты, в которой сочетаются спальня, гостиная и мастерская. «Кроме самого художника, его супруги и детей в этой комнате проживает кошка, довольно большая собака, пара волнистых попугайчиков, а в санузле (совмещенном) еще и коза – дело для города непривычное, но зато у детей всегда есть молоко...»¹⁹.

Приведу полностью один этюд – описание комнаты классика советского авангардного искусства, замечательного писателя и публициста Льва Рубинштейна:

«Комната Рубинштейна на Маяковской представляет собой сочетание всех миров – здесь и спальня, и детская, и кабинет. Хорошо еще, что этот интеллигентный однокомнатный уют не нарушает столовая (она же гостиная), вынесенная на довольно просторную кухню. В последнее время Лев редко бывает здесь – по семейным обстоятельствам – но случается, что ему все же удается поработать за письменным столом или взять какую-нибудь книгу из длинной стенки слева от камеры и завалиться на диван. Комната очень «до-

¹⁹ <http://www.conceptualism-moscow.org/files/komnati.pdf>. С. 326 (168).

машня», достаточно современная (если не учитывать мрачноватый коврик над детской кроваткой). На стенках кое-где – детские рисунки, рисунки Герлобина, еще кого-то, фотографии. В общем, все в норме... Именно поэтому резкий диссонанс вносят в облик комнаты шесть или семь мешков, наваленных кучей возле окна. “Что это?” – спросил я у его жены. “Как – что? Зерно!” – совершенно спокойно ответила Ира. “Зачем?” “Для голубей. Ты что, не знаешь, что Левка во дворе голубей разводит? Господи, это он сейчас в Люберцах пропадает, а раньше, как с работы придет, сразу на голубятню и часа два там шурует. А теперь вот мне их кормить приходится!” Ира вздохнула, а я вспомнил известное высказывание “каждому – свое”... Вот вам, батенька, и известный авангардный поэт!»²⁰.

Путешествие как опыт самопознания

Пик увлечения философическими путешествиями по собственной комнате пришелся на первую половину прошлого столетия. К классическим произведениям этого литературного жанра я бы отнесла рассказ Сомерсета Моэма «Гонолулу» и эссе Германа Гессе «Прогулка по комнате».

Сомерсет Моэм, как мне кажется, раскрыл секрет большинства «комнатных путешественников»: «Один старый француз написал книгу под названием *Voyage autour de ma chambre*. Я не читал этой книги и даже не знаю, о чем она, но ее заглавие будоражит мою фантазию. Подобным бы образом я бы мог совершить кругосветное путешествие...»²¹. Рассказ Моэма «Гонолулу» (1921) как раз и служит опытом такого кругосветного путешествия.

Заметив в самом начале своего повествования, что истинно мудрые путешественники странствуют лишь в своем воображении, а «самые прекрасные путешествия – это те, которые вы совершаете сидя у камина, ибо тогда вы не утрачиваете иллюзий», писатель отправляется в дальний путь.

Наиболее притягательными для паломничества местами странствующий рассказчик считает края, традиционно окруженные ореолом романтики. Путешественник обычно ожидает увидеть там нечто прекрасное, но складывающееся у него впечатление оказывается неизмеримо сложнее того, которое может дать простое созерцание красоты. Паломник обречен на неизбежное разочарование, придающее, однако, этим местам особую притягательную силу. Эту особенность Моэм уподобляет слабостям великих людей, делающим их менее замечательными, но зато более интересными.

К «загадочным местам» Моэм относит Россию, страну, окном в которую для него служит икона, висящая на стене его комнаты. Китай, символ которого – фарфоровая безделушка, красующаяся на книжной полке. И Гонолулу – город первобытных суеверий, одно из которых и составляет сюжет рассказа.

Другой опыт подобного путешествия – «Прогулка по комнате» (1928) Германа Гессе – виртуозная исповедь писателя, осваивающего маршрут обретения внутренних опор в пору угасающей молодости, когда наступает время вынужденного примирения с вступающей в свои права «зимой жизни». На этом этапе нынешнее и грядущее соткано из прошлого и строится в основном из воспоминаний и рефлексии над некогда уже случившимся. «Наступает новое время, другая жизнь – жизнь в комнате, при свете лампы, с книгами и иногда с музыкой, жизнь, в которой тоже много прекрасного и глубокого,

²⁰ <http://www.conceptualism-moscow.org/files/komnati.pdf>. С. 340 (182).

²¹ Моэм С. Гонолулу // Каталина: рассказы. Киев, 1990. С. 44.

но переход к ней тяжел и неприятен, она начинается с озноба, грусти и внутреннего сопротивления... Еще совсем недавно моя комната была полным воздухом приютом для часов покоя и работы, прибежищем с распахнутыми дверями и окнами... Я бывал в этой комнате только гостем, жизнь протекала не здесь, а снаружи, в лесу, у озера... И теперь внезапно комната опять стала важна, стала домом – или тюрьмой, постоянным обиталищем...»²².

Автор пристально вглядывается в новую обитель – свою старую комнату, пытаясь «сблизиться и подружиться» с ней. В этом его главные помощники – предметы привычного интерьера: старые книги, большой письменный стол, стулья, краски, акварели, которые Гессе именуется осязаемыми кусками своей памяти. Это вещи, к которым он проникся доверием за долгие годы, наблюдая за тем, как они постепенно стареют. Тут и невиданный плюшевый зверь «наполовину олень, наполовину жираф, с растерянным сказочным взглядом», долгое время служивший ему единственным домашним зверем, заменяя собаку или кошку, и цейлонская священная реликвия из бронзы – вебрь (козел отпущения в Ветхом Завете): «Вебрь для меня не редкая вещица, а скорее символ, он мне брат среди нас, отмеченных знаком, ясновидцев, шутов и поэтов, с их покрытыми стигмами душами, несущих на себе проклятия эпохи, в то время как их современники танцуют и читают газеты»²³... И только когда внутреннее примирение с новым образом жизни произошло, к Гессе приходит привычка к комнатному существованию и жизни взаперти. Такая жизнь в итоге кажется писателю вполне сносной.

Путешествие как социальный феномен

Вторая половина XX и начало нынешнего столетия тоже не чужды интереса к жанру путешествия по комнате, однако дух этих странствий заметно изменился. Субъективная и объективная составляющие путевых дневников оказались расколоты и существуют независимо друг от друга. Так, полярными примерами «субъективного» и «объективного» восприятия маршрута вокруг своей комнаты могут служить эссе Вячеслава Пьецуха и Анри Волохонского.

Текст популярного в годы горбачевской перестройки писателя и публициста Вячеслава Пьецуха можно рассматривать как путешествие в 1990-е. Приглашая читателя на прогулку по своей однокомнатной квартире, расположившейся под крышей высотки на далекой московской окраине, автор распахивает перед нами дверь в свою частную жизнь. Последнюю декаду XX столетия Вячеслав Пьецух называет «бесчинством зловредных времен». События той противоречивой поры он представляет в стиле «чистой экзистенции», снабжая своего попутчика-читателя несметным количеством глубоко интимных переживаний, успевая при этом обильно цитировать собственные художественные произведения разных лет.

В первых же строках своего эссе, озадачившись вопросом «зачем люди путешествуют?», Пьецух отвечает прямо: «Сдается мне, что общечеловеческая страсть к путешествиям – это от недостатка ментальных сил»²⁴. И продолжает обосновывать свою мысль: «Совершенно другое дело, когда путешествуешь по своей комнате. Дорожный костюм самый обыкновенный: сит-

²² Гессе Г. Прогулка по комнате // Гессе Г. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1995. С. 331.

²³ Там же. С. 332.

²⁴ Пьецух Вяч. Путешествие по моей комнате // Октябрь. 2004. № 10. С. 38.

цевый халат, пошитый бывшей супругой на манер японского кимоно; сверху не каплет, сквозняков не бывает, температура воздуха благоприятная, около 20°C даже в самые лютые холода; безопасность полная, ну разве что шальной самолет снесет твой двадцать второй этаж, что представляется маловероятным, если принять в расчет максимальную удаленность от всех подмосковных аэродромов; средства передвижения предельно надежные, пересадок бывает только две, а именно с дивана на ноги и с ног на диван, где вообще полеживается так ловко, что кажется, будто ты воспаряешь над своим ложем от избытка ментальных сил; питание регулярное и качественное... Наконец ты ни от кого не зависишь, и ничто не может отравить тебе путешествия: ни исламисты, ни жулики-туроператоры, ни забастовки транспортников, ни колики в животе»²⁵. Таким образом, исполненный ментальных сил, наш вояжер погружается в недра своей памяти.

Путешествие Вячеслава Пьецуха выполнено в жанре мемуаров. Предметы интерьера и воображение то и дело уносят автора в дальние страны, в которых он сам никогда не бывал, однако главная тема его странствий – собственная персона в интерьере перестроечной России. Текст «Путешествия по моей комнате» интересен не столько тем, что является своего рода экспозиционным актом своего автора, сколько тем, что представляет собой важнейший документ эпохи. «Может быть, русский человек из культурных только потому и способен еще радеть о благе отечества и веровать в лучшее будущее, что он ненавидит Россию нечистоплотную, обпившуюся, продажную, беспардонную и беспринципную, но в основном за то ненавидит, что она не такая, какая видится ему в грезах, а такая, какая есть. Во всяком случае, умнейшие русские люди свое отечество не любили, от Пушкина до академика Павлова, а уж как его Ленин ненавидел, так еще только Петр I на дух не выносил. По мне, это все отношения несоразмерно сильные, даже и чересчур. Не то чтобы я обожал Россию (хотя я ее бессознательно обожаю), не то чтобы не любил (хотя я ее, конечно же, не люблю). Я скорее ее боюсь»²⁶.

Я полагаю, что ничто другое не может так верно настроить человека на саморефлексию и самопостижение, как путешествие. Недаром порой незнакомые дорожные попутчики за несколько часов разговоров со случайными собеседниками узнают о себе самих столько, сколько не открыла бы им ни исповедь, ни допрос. Путевые записки – самый энтелехийный литературный жанр.

Очерк Анри Волохонского «Некоторые картины из моей комнаты» завершает недавнюю книгу этого автора «Воспоминания о давно позабытом». Анри Волохонский – знаковая фигура русского андеграунда 1950–1970 гг., «ленинградско-израильско-германский на разных этапах жизни поэт» (Данила Давыдов). Его текст напрочь лишен экзистенциального, эмоционального и душевного измерений. Рассказ Волохонского сродни домашней игре. На столе карточки-картинки, выложенные таким образом, что можно получить основательное впечатление о жизни на чужбине отечественного эмигранта рубежа XX–XXI столетий. Стоит только взять в руки одну из составляющих эту мозаику карт, перевернуть ее, и вы прочитаете важную информацию о данном предмете интерьера и культурном контексте, в который он погружен, а, вероятно, еще и услышите исторический анекдот или занятную историю из эпохи, в которую появилась на свет та или иная вещица из повседневного окружения автора, старательно избегающего даже намека на свое, личное, сокровенное бытие: «На торце стеллажа висит латунное распятие в форме ромба с

²⁵ Пьецух Вяч. Путешествие по моей комнате. С. 38.

²⁶ Там же. С. 47.

просверленными по углам дырами для прикрепления к могильному кресту. В 1972-ом году я шел как-то летом по городу Владимиру и встретил мальчика лет восьми, который неистово тер мелом это распятие, стараясь счистить патину. “Осторожней, а то испортишь”, – сказал я и проследовал своей дорогой. Через какое-то время мальчик догнал меня и отдал изделие. Пониже располагается тарелка с синей птицей. Думали, что это птица дронт. Рисунков дронта у меня много: гравюра из энциклопедии Брокгауза и Ефрона, открытка с известной картиной Савери, яркое изображение в бестиарии Алоиса Цёгла, две фотографии – в профиль и в фас – модели дронта из коричневатого пуха страусихи, которая была выставлена в местной аптеке, в ее окне. Я считаю дронта геральдической птицей российской интеллигенции, поэтому при случае собираю изображения. Но на тарелке оказался не дронт, а птица феникс»²⁷.

Какая чудесная метафора для заключительной главы книги мемуаров русского интеллигента, не правда ли? На месте дронта, исчезнувшей нелетающей, неплавающей и плохо бегающей птицы, символизирующей вымирание, нечаянно обнаружить символ вечного обновления – мифическую птицу феникс, которая, предвидя смерть, сжигает себя, а затем вновь возрождается из пепла...

Путешествие как опыт обретения идентичности

Классическим путешествием по собственной комнате в поисках обретения себя и прояснения энтелехии своего существования является, на мой взгляд, книга Иосифа Бродского «Полторы комнаты» (1985)²⁸. Это многомерный человеческий документ в жанре философического эссе, затрагивающий реалии Советской России 1950–80-х годов.

Текст «Полторы комнаты» был написан Бродским на английском языке во время эмиграции в США. В центре повествования – судьба самого поэта сквозь призму жизни его родителей²⁹. Летом 1972 года Иосиф Бродский был вынужден эмигрировать в Соединенные Штаты. Возможность даже краткосрочного возвращения в СССР была для него навсегда закрыта. Он никогда больше не увидел свою мать Марию Моисеевну Вольперт и отца Александра Ивановича Бродского, которые двенадцать раз за двенадцать лет одиночества подавали заявление с просьбой разрешить им повидать сына. С такой же просьбой к правительству СССР обращались конгрессмены и видные деятели культуры США, но даже после того, как Бродский в 1978 году перенес операцию на открытом сердце и нуждался в уходе, его родителям было отказано в выездной визе. Мать Бродского умерла в 1983 году, немногим более года спустя умер отец. Оба раза Бродскому не позволили приехать на похороны.

«Кто беден, готов утилизировать все. Я утилизирую чувство вины», – с этого признания начинается Иосиф Бродский свою книгу, написанную на пересечении мемуарного и утопического жанров. «Теперь, когда они

²⁷ Волохонский А. Воспоминания о давно позабытом. М., 2007. С. 109.

²⁸ В 2008 г. по мотивам книги Иосифа Бродского «Мои полторы комнаты» был снят игровой фильм «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на Родину» (режиссер Андрей Хржановский, автор сценария Андрей Хржановский и Юрий Арабов). В 2012 г. муниципалитет Петербурга официально объявил об ожидаемом в скором времени открытии в доходном доме Музури (Литейный проспект, дом 24, кв. 28) музея-квартиры Иосифа Бродского, создаваемого на базе полутора комнат, которые семья Бродских занимала там с 1955 г. и откуда поэт навсегда уехал из России в 1972 г. в вынужденную эмиграцию.

²⁹ Помимо эссе «Полторы комнаты» Бродский посвятил родителям книгу «Часть Речи», стихотворения «Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга...» и «Памяти отца: Австралия».

[родители. – Ю.С.] умерли, я вижу их жизнь такой, какой она была прежде, а прежде она включала меня. То же, я думаю, они могли бы помнить обо мне. Если, конечно, сейчас они не обладают даром всеведения и не наблюдают меня сидящим на кухне в квартире, которую я снимаю у колледжа, пишушим эти строки на языке, которого они не знают, хотя, если на то пошло, теперь они должны быть всеязычны. Это единственная возможность для них повидать меня и Америку. Это единственный способ для меня увидеть их и нашу комнату»³⁰.

«Полторы комнаты» – это разговор Иосифа Бродского с самим собой, путешествие в глубь себя, попытка догнать себя и понять себя ушедшего, поиск самоидентификации, наконец, автопортрет одного из героев XX века, чей личный опыт оказался типичным для многих его соотечественников и современников.

Эпиграфом к судьбе своих родителей Бродский выбирает строки Анны Ахматовой из «Северных элегий»:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Повернутая чей-то анонимной волей река, бегущая к чужеродному искусственному устью... Никогда не реализованные, обузданные и направленные не в то русло человеческие возможности... Очевидно, что эти строки в полной мере могут быть прочтены как жизнеописание самого поэта.

Размышляя над маршрутом своей жизни, Иосиф Бродский возвращается в детство, в то время, когда ребенок стремится к взрослости и самостоятельному существованию, жаждет вырваться из дома – своего тесного гнезда – наружу, в огромный мир, в настоящую жизнь. В положенный срок это желание сбывается, и молодой человек, захваченный новыми перспективами, принимается за строительство собственного гнезда, собственной реальности. Но когда новая реальность изучена, самостоятельность осуществлена, вдруг выясняется, что старое гнездо исчезло, а те, кто дал ему жизнь, умерли. И тогда приходит осознание себя как лишённого причины следствия. «Если некогда и существовало что-либо настоящее в жизни, то это именно гнездо, тесное и душное, откуда так нестерпимо хотелось бежать. Ибо гнездо строилось другими, теми, кто дал ему жизнь, а не им самим, знающим слишком хорошо истинную цену собственному труду, пользующимся, в сущности, всего лишь данной ему жизнью... Ведь при всем своем мастерстве человек так и не сможет воссоздать то примитивное, прочное гнездо, которое услышало его первый в жизни крик. И он не сумеет воссоздать тех, кто поместил его туда. Будучи следствием, он не может восстановить своей причинь»³¹.

Бродский знал, что его судьба тревожила его родителей, они страдали, но всегда поддерживали его, насколько могли, потому что он был их ребенком. «Впоследствии, когда мне удалось кое-что напечатать там и сям, они были польщены и временами даже гордились мной, но я знаю, что, оказавшись обыкновенным графоманом и неудачником, их отношение ко мне было бы точно таким же. Они любили меня больше, чем себя, и скорее всего не поняли бы вовсе моего чувства вины перед ними...»³² [Бродский И. 1995: 95].

³⁰ Бродский И. Полторы комнаты // Новый мир. 1995. № 2. С. 55.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же. С. 95.

Размышляя о феномене комнаты в коммунальной квартире как ограниченной территории, на которой прошли его молодые годы, Бродский отмечает, что сжатие пространства, как ни странно, всегда понятнее и лучше организовано, чем простор. «Для ограниченного пространства и названий больше: камера, чулан, могила. Для просторов остается лишь широкий жест»³³.

В СССР минимальная норма жилой площади была 5 квадратных метров на человека. При всех неприглядных сторонах этой формы бытия, коммунальная квартира, по мысли Бродского, имела одну важную метафизическую особенность. Она обнажала самые основы существования: разрушала любые иллюзии относительно человеческой природы. «Какими колкостями или медицинскими и кулинарными советами, какой доверительной информацией о продуктах, появившихся вдруг в одном из магазинов, обмениваются по вечерам на коммунальной кухне жены, готовящие пищу! Именно тут учишься житейским основам – краем уха, уголком глаза. Что за тихие драмы открываются взору, когда кто-то с кем-то внезапно перестал разговаривать! Какая это школа мимики! Какую бездну чувств может выражать застывший, обиженный позвоночник или ледяной профиль! Какие запахи, ароматы и благоухания плавают в воздухе вокруг стоваттной желтой слезы, висящей на растрепанной косице электрического шнура. Есть нечто племенное в этой тускло освещенной пещере, нечто изначально эволюционное, если угодно; и кастрюли и сковородки свисают над газовыми плитами подобно тамтамам»³⁴.

Бродский подчеркивает и еще одну важную особенность организации пространства в России. В нашей стране труднее, чем где бы то ни было, смириться с разрывом уз. «Россияне куда более оседлые люди, чем другие обитатели континента, которые перемещаются гораздо чаще хотя бы потому, что у них есть автомобили и нет повода всерьез воспринимать границы. Для нас же – квартира практически пожизненное пристанище, город – пожизненно, страна – пожизненно»³⁵. Следовательно, представление о постоянстве, малой родине, привязанность к месту в отечественной культуре глубже, так же как трагичнее и непоправимее и ощущение их утраты.

Мысленное возвращение в Ленинград, в российские годы жизни выводит Бродского на главный вопрос его книги, встающий перед каждым, чья судьба – маршрут поиска себя, обретения смысла своего существования как череды попыток превзойти себя нынешнего: когда и где переход от свободы к рабству и от рабства к свободе обретает статус неизбежности? Когда выбор свободы делается приемлемым для обывателя? Для какого возраста наиболее безболезненна подмена свободного состояния? Ответ на эти вопросы поэт оставляет открытым, однако сами эти вопросы вовсе не являются для Бродского риторическими: «Революционеру или завоевателю по крайней мере следует знать правильный ответ. Чингисхан, к примеру, его знал. Просто убивал всякого, чья голова возвышалась над ступицей тележного колеса»³⁶.

Экзистенциальное путешествие по собственной комнате как способ самоидентификации и опыт самосбережения существует в культуре и в поэтической форме. Чудесным примером психологического импрессионизма в описании такого путешествия может служить одно из предсмертных стихотворений поэта и переводчика Василия Бетаки «Взгляд на нечто» (2012). В отличие от своего современника и земляка – Иосифа Бродского, поэт-петербуржец, пере-

³³ Бродский И. Полторы комнаты. С. 50.

³⁴ Там же. С. 55.

³⁵ Там же. С. 96.

³⁶ Там же. С. 101.

живший вынужденную эмиграцию (вторую половину жизни Василий Бетаки провел во Франции), будучи погруженным в иную культуру, продолжал всю жизнь писать на родном языке. Во время последней болезни, обреченный на затворничество, Бетаки описал свой опыт этелехийного путешествия:

1.

Ох, как завален стол передо мной!
Обилие предметов обосновано,
Но все же ограничено стеной,
А замкнутость пространства продиктована
Причиной неотвязно возрастной...

Привычно все свое, как чашка чая –
Хоть ближний лес, хоть стулья вокруг стола,
И что мой стих, меня не замечая,
Подсовывает к носу зеркала...

2.

Вот шкаф – альбомы, книги и кассеты –
Ну, белый потолок над головой
А вот интересуют нас предметы
И времена, поросшие травой.
Тот быт, которого давно уж нету,
Чужой – нам интереснее, чем свой.

Чуть отодвинешь чашку из-под чая –
История, качаясь и тощая,
Капризно нас подталкивает в путь.
Куда, зачем зовет, сама не зная...
К примеру, на Алезию взглянуть.

3.

И словно ты пакет с прошедшим взрезал:
Так что ж там смутной памятью дано? –
Мечи. Щиты. Верцингеторикс. Цезарь...
Крошенный камень, ржавое железо,
Банальное фалернское вино...
Хоть амфоры пусты давным-давно....

4.

И хулиганит память: все, что скрыто,
Вдруг явится откуда ни возьмись.
Между археологией и бытом
Нет пропасти, – есть только взгляд и мысль?

Вот миска, из которой к Пацюку
Вареники скакали в рот той ночью,
Под Рождество, и видим мы воочью
Сквозь время и веселую строку,

Что миска стать должна музейной миской...
Неважно, что колдун набил живот –
Все дело в слове Гоголя – и вот
Вареники веками не прокиснут!

5.

Своя географическая карта
У каждого, отлична от других.
Порой апрель случится прежде марта
И серой прозой обернется стих...

Предмет еще не текст, но текст за ним
Выходит неминуемо из тени.
Как только вдруг его мы проясним,
И сам он прыгнет в рот, как тот вареник:
Так Гоголю перо, так ведьме веник,
А памяти предмет необходим!

6.

Глухая неизменная крапива...
Въезжаешь – деревенька тут была –
Меж домиков пятиэтажка криво,
Да рядом три каштановых ствола...

Среди бульжников – остатки рельс
Когдатошнего давнего трамвая...
Нередко заглушая голос месс,
Полвека тут ходил он, огибая
Округлый пруд... А над прудом ветла
И церковка (от времени кривая)
Из желтого песчаника – цела.

У церковки почти тысячетлетней
Неистово магнолии цветут,
И одуванчики, чтоб стать заметней,
Всей желтизной заглядывают в пруд.
Все, как тысячелетие назад,
И вдруг... нет, не колокола звонят:
Но что-то тут играет с тишиной?
Давно минули времена трамвая...
Откуда ж, маску с времени срывая,
Он возродился, хоть слегка иной?

А в церковке рядок старинных книг...
Они – не рельсы, возвратишь ли их?!
И в стороне две нитки новых рельс...

Пусть не Христос – так хоть трамвай воскрес!

7.

Асфальт – он серый, гладкий и пустой.
Заменены асфальтом – и недаром –
Панели по старинным тротуарам,
Те, что звались лещадною плитой,
Или пеньки торцовой мостовой
(Их плашками тогда именовали)
И молотами их в песок вбивали,
Плотнее подогнав одну к другой.
Любая восьмигранником затейным
Смотрелась... Их убрали. На Литейном –
Последнюю в тот год, в тридцать седьмой...

8.

«Я и пейзаж» сменяются с годами
на «я и интерьер»... Почти в любой
Квартире неизменно правит память
Всей археологичной чепухой.
Вот фотография в старинной раме –
Прочти-ка, что таит за слоем слой...
Так археологичны интерьеры –
Превыше всяких мер и всякой веры.

9.
Тюльпаны в вазе – вовсе не предметы,
Им выдан статус временных жильцов.
А впрочем, и на нас есть та же мета,
Поскольку их судьба в конце концов...
Как для кого – мир комнаты – таков.
Но и пейзажу ведь не чуждо это:
Не настоящим остается лето,
Пока его листва не влезла в стих.
И существуют вечно – не предметы,
А то, что было сказано про них.

Для меня жанр экзистенциального путешествия по собственной комнате представляет собой опыт философской саморефлексии и обретения тождества с собой. Эти литературные путешествия не сродни историческим меуарам, они не бросают вызов смерти и не представляют собой бегство от забвения. Память неминуемо избирательна, что делает ее неотличимой от забывания, небытия. Изъяны памяти, как и находки воображения, искажают реальность. Чем короче память, тем длиннее жизнь, говорит пословица. Иначе – чем длиннее будущее, тем короче память. Путешествие по собственной комнате – не воспоминание, а живой, действенный энтелехийный процесс, реализующий вероятность самовоплощения, цель которого – обретение себя.

Энтелехийное путешествие представляет собой событие индивидуализации общего. Это воплощение физической или духовной материи в реальность облика и формы посредством экзистенциального эксперимента. Иными словами, метафизическое путешествие – выявление общего свойства, принципа, парадигмы из суэты повседневности, осуществление реализации потенциального.

Важно заметить также, что ментальное путешествие по внутреннему пространству трансцендентно пространственно-временному континууму. Сам рассказчик оказывается по ту сторону пространственного и временного измерения своего пути, наблюдая за ним как бы «со стороны»³⁷. Очевидно, что подобно обычному путешествию ментальное путешествие всегда происходит с привязкой к определенной точке пространства, будь то природный ландшафт, замкнутое пространство собственной комнаты, миф, сон или виртуальный мир. Каждому моменту путешествия соответствует включенная в маршрут одна определенная точка пространства (неважно, реального, виртуального или воображаемого). При этом временная координата оказывается дополнительной, а иногда и лишней. Метафизическое путешествие может состояться в любой момент: до, во время и после самого фактического путешествия.

Осуществление энтелехийного путешествия предполагает два определяющих вектора движения – «вверх»: к отвлечению от повседневных событий и стереотипов поведения, к обобщению практики в идеях, понятиях и образах, и – движение «вниз»: к обыденной жизненной деятельности. Определяющей же особенностью траектории путешествия-рефлексии является его принципиальная открытость – бесконечность горизонта, отсутствие в маршруте фиксированной точки «прибытие».

³⁷ См.: *Данн. Дж.* Эксперимент со временем. М., 2000.

К БАЗОВОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ К МОРАЛИ*

Неоднородность морали

Мораль неоднородна, и это основная причина трудности ее всестороннего описания и целостной концептуализации.

В зависимости от ракурса рассмотрения и интереса рассматривающего мораль предстает как: а) **нормы и ценности**, б) **способность личности к самостоятельному действию и суждению**, в) **средство гармонизации человеческих отношений**, г) мера человечности общественных связей и социального устройства, д) **способ личностного самоопределения индивида или утверждения индивидом себя в качестве личности, совершенной личности, уникальной и неповторимой**, е) инструмент социального дисциплинирования, ж) средство компенсации усилий социума по дисциплинированию индивида, з) и т. д. Эти обозначения для морали выделены не по итогам ее рассмотрения извне в разнообразии ее проявлений, а как результат обзора имеющихся в философско-этической литературе описаний морали. Не думаю, что это взаимоисключающие трактовки. Как понимания некоторых характеристик, т. е. наряду с другими, все вместе они реалистичны. Но как целостные определения морали, при стремлении авторов представить свое видение как исключительное, оформить его дефинитивно-концептуально, эти характеристики могут исключать друг друга. Например, определения морали как способа социальной регуляции, с одной стороны, и способа задания субъектности, с другой, если они претендуют на целостное представление морали, исключают друг друга. Вопрос в том, как при такой неоднородности, разноаспектности морали дать ее целостное описание и возможно ли при этом выделение какой-то ключевой характеристики?

Смысл морали может усматриваться, например, в том, что индивид рационально мыслит, автономно принимает решения, берет ответственность за свои поступки. Считается ли при этом, что мораль призвана рационализировать мышление, обеспечить автономию решений, придать ответственность поступкам? Положительный ответ на этот вопрос предполагает одновременное прояснение того, чем рациональность в морали отличается от рациональности в науке, чем автономия морального агента отличается от автономии творца (художника, ученого, предпринимателя), чем ответственность морального агента отличается от ответственности принимающего операциональные, административные и политические решения. Очевидно, что отличается, но по каким показателям? Иными словами, мораль, рассматриваемая под углом зрения этих характеристик, должна быть отделена от других форм рационального, автономного, ответственного поведения. Эта теоретическая

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РФНФ (грант № 14-03-00429). В первоначальном виде идеи статьи были представлены в докладе на XXIII Всемирном философском конгрессе (Афины, 4–10 авг. 2013 г.).

задача встает всякий раз, когда мораль определяется через указание на то, как она функционирует. Вопрос в том, на каком основании проводить спецификацию морали в сравнении с однородными феноменами?

Исходные дефинитивные черты

Смысл морали как социокультурного феномена – в сообразовании частных интересов¹ во имя блага индивидов и социума. Сфера морали – сфера интересубъектности. Мораль актуализируется там, где возникает необходимость согласования частных интересов – смягчения и снятия конфликтов между носителями частных интересов, обеспечения сотрудничества, создания условий для того, чтобы носители частных интересов в своих решениях и действиях способствовали благу друг друга и общества. Сообразывание интересов – это не только ограничение своих интересов в признании чужих интересов, но и их принятие (насколько это возможно) в содействии благу другого как своему благу.

Границы морали подвижны. Это не значит, что они относительны, но некоторые области человеческой активности могут не входить в компетенцию моральных суждений и решений лишь до поры, пока не затрагиваются чьи-то интересы. Например, любые технические правила, в частности, регламентирующие специальную, профессиональную деятельность, морально нейтральны. Как только их применение начинает затрагивать некие интересы (частные или общественные), эти правила сразу становятся предметом моральной озабоченности и морального регулирования. По этой причине наука и технология, а говоря точнее, научная, научно-техническая деятельность и отношения, возникающие в ходе ее осуществления, становятся предметом морального регулирования. Становятся постольку, поскольку утверждаемые в ходе этой деятельности цели и применяемые для их достижения специфические средства приводят к эффектам, в большей или меньшей степени противоречащим чьим-то обоснованным частным интересам. На самом деле это и есть обычная моральная практика: отстаивание одних интересов, ограничение других, поддержание баланса интересов, стремление к их гармонизации, предпринимаемые усилия по их возвышению ради этого. Процессы согласования, гармонизации взаимного признания и принятия (обоюдного или одностороннего) интересов идут непрерывно, с помощью разных социальных инструментов – коммуникативных, социально-политических, правовых, легитимно-силовых и криминально-силовых. Но обсуждение интересов и соглашения относительно интересов осуществляются с помощью моральных аргументов, с помощью апелляции к моральным ценностям.

В рутинной социальной практике задачи сообразования интересов разными средствами достаточно дифференцированы, причем настолько, что мораль воспринимается как одно из средств, наряду с различными другими, такими как традиции, право, закон, административные и групповые установления. В этом контексте мораль может ассоциироваться с дисциплинированием. Моральное дисциплинирование не репрессивно, хотя и рестриктивно: оно не подавляет, но ограничивает. Социальные ограничения морально оправданны, или легитимны, если они обеспечивают саму возможность су-

¹ Под *интересом* понимается склонность, направленность, желание агента относительно чего-либо, что представляет для агента ценность, и освоение чего (в какой-либо форме) рассматривается им как благо.

ществования частных интересов и их взаимособразную реализацию. Это относится как к морали, так и к другим устройствам социального дисциплинирования, различным по степени рестриктивности.

Очевидно, что государственный закон – по преимуществу рестриктивен. Во-первых, закон строго очерчивает сферу запрещенного; предмет запрета могут быть как определенного рода действия, так и воздержание от действий. Во-вторых, закон, запрещая, одновременно угрожает санкциями – за нарушение границ этой сферы; эти санкции носят негативный (поскольку они карательны) и материальный (кара направлена против благополучия и свободы нарушителя) характер. Мораль аналогична закону в том смысле, что направлена на ограничение частных интересов и ограничение осуществляется также и с помощью норм. Мораль превышает закон, поскольку не исчерпывается ограничениями, не сводится к запретам. Она подсказывает и указывает, что надо делать помимо воздержания от совершения запрещаемого. Так что в отличие от права, в морали существенна позитивная часть. Перед правом стоит задача сбережения и сохранения существующего положения вещей и ничего более. Несомненно, для морали также важна эта задача; но не менее важна и другая задача: что делать для того, чтобы не только сохранить благо (в широком смысле слова), но и приумножить его, как человеку и обществу возвыситься над повседневностью, чтобы облагородить ее и тем самым приблизиться к совершенству? Поэтому для человека морали (или, другими словами, моральной личности) при важности понимания того, «чего не делать», крайне актуальны и другие вопросы: «что делать?» и «как делать?» и, соответственно, «каким должно быть, чтобы делать наилучшим, совершенным образом?».

Базовые ценности

Мораль можно представить как систему ценностей. В самом общем плане, мораль утверждает ценность *блага* другого человека, других людей, социума². Утверждение ценности блага требует определенного рода действий, которые в силу своей направленности на благо индивида, людей, социума признаются ценными и как таковые представляют собой ценность. Агентом морали выступает индивид – Я в своем индивидуальном качестве, соотносящее себя с Другим – индивидуальным, коллективным или символическим Другим (предстающим в качестве реципиента³ дискурсивной и/или поведен-

² В моральных учениях и поучениях в качестве предмета этой ориентации порой указывается и все человечество. В качестве *возвышающей, идеализирующей метафоры* это указание можно понять и принять во внимание, но на практике задача содействия благу всего человечества возникает крайне редко. А *если и возникает, то в виде задач в ходе выполнения специальных видов деятельности*, например создание лекарства против смертоносного вируса, открытие нового и дешевого вида энергии, экологически чистой и доступной технологии выращивания некоей сельскохозяйственной культуры с особыми питательными свойствами. В отношении отдельной личности и человечества дистанция (физическая, социальная, морально-психологическая) слишком огромна, чтобы могло установиться непосредственное взаимодействие. Даже среди великих пророков человечества – тех, кто приходил с Благой Вестью, не было ни одного, который мог актуально обратиться ко всему человечеству, а обращаясь, был бы услышан.

³ Слово «реципиент» (лат. recipientis – **принимающий**), редко у нас используемое при описании моральных отношений и довольно распространенное в англоязычной этической литературе, соотносимо со словом «агент», так же редко используемое в нашей этической литературе и обычное в англоязычной этической литературе с середины XVIII в. «Агент» – то, что у нас принято называть «субъектом» действия, а также решения, оценки;

ческой активности Я). Чтобы действия, направленные на благо другого, были успешными, их агент должен обладать определенными качествами и способностями, которые как таковые также представляют собой ценность.

Действия обладают позитивной ценностью, если они подтверждают чужое благо и способствуют ему. Опыт переживания и осмысления таких действий отражен в ценностях как идеях и представлениях. Эти ценности – *невреждение, признание, солидарность и забота*. Как следствие, ценными являются и действия, отстаивающие невреждение, признание, солидарность, заботу – в противовес любым попыткам их попрания. Эти ценности инструментальны, поскольку они соотнесены с благом, ориентируют на благо, формируют действия, выражаются в действиях. Они не просто обретают смысл, будучи воплощенными в действиях. Имея внешне «отвлеченную», «идеальную» форму, они закреплены (в разнообразных текстах) в определенной, а именно императивной, модальности. Они не только артикулированы, но положены к практической реализации в поступках и отношениях людей. Иными словами, они даны как требования: «*не вреди*», «*признавай других*», «*помогай другим*», «*заботься о других*». В практике общения требования могут принимать форму ожиданий, рекомендаций, настояний, которые взаимно высказываются моральными агентами, а на коммунарном и социальном уровнях они могут оформляться в виде норм, в частности, систематизированных в кодексы.

В той мере, в какой названные ценности имеют императивный характер, они предполагают – самим фактом предъявленности к практическому осуществлению – подготовленность личности к их восприятию и применению на практике. Это выражается в определенной направленности ее характера, в обладании ею духовными, коммуникативными и поведенческими способностями. *Добродетели* – это как раз те качества характера и способности, благодаря которым человек становится моральным агентом, т. е. вменяемым для ценностей, чувствительным к их повелительной силе. Как качества характера и способности добродетели требуют своего укрепления и развития. Вектор морального развития личности задается ценностью *личного совершенства*, выраженной в форме идеала личности. Ценности добродетели и совершенства также выражаются в соответствующих требованиях – быть добродетельным, быть совершенным.

Названные ценности образуют ценностную структуру морали, отражающую основные функции морали – коммуникативную (обеспечивающую благотворное взаимодействие между моральными агентами, в том числе и потенциальными моральными агентами) и перфекционистскую (обеспечивающую возвышение моральных агентов в своем качестве). В общих чертах эта ценностная структура универсальна. Но универсальна только в том смысле, что эти ценности прослеживаются в различных конфигурациях ценностно-императивных комплексов во всех известных культурных традициях. Моральные ценности осмысляются и утверждаются в противовес самоугождению, корысти, тщеславию и другим мотивам и качествам, вследствие которых индивид

«реципиент» – то, что у нас принято называть «объектом» действия (решения, оценки). Преимущество терминов «агент» и «реципиент» при обсуждении моральных отношений в том, что они позволяют подчеркнуть практический характер этих отношений и специфичность морального опыта в сравнении с познавательным опытом; к тому же в отличие от термина «объект», воспринимаемого при описании коммуникативного опыта как бездушное, безучастное, бездеятельное начало, как вещь, термин «реципиент» указывает всего лишь на пассивность репрезентированности человека в моральном отношении, но не лишает сознательности, участливости, деятельности.

оказывается поглощенным самим собой и проявляет свое Я в противовес и ущерб Другому, утверждает себя за счет Другого. Последовательно развитое нормативное выражение эти ценности нашли в этике любви, утверждающей милосердие и заботу в отношении к ближнему. Выделенная четверица моральных ценностей, определяющих отношение к Другому, и раскрывает предполагаемые смыслы заповеди любви к ближнему: обратное любви есть причинение вреда; признание и солидарность/помощь суть формы прогрессирующего морального отношения к другому от невреждения к заботливости и любви. Как видно по истории мысли, прежде всего философской, любые попытки позитивного осмысления морали (а не критики нравов и моральных предрассудков) приводили к идее общности, гармонии человеческих отношений, межличностного и коммунитарного единения, шире – единения человека с миром и его объединяющим началом, как бы последнее ни представлялось.

Моральные ценности специфичны по ряду признаков. Они императивны (повелительны, прескриптивны): их содержание предполагается к исполнению, они тем самым органично продолжают в требованиях, которые обнаруживаются как принципы, или общие установки суждений, решений и действий, хотя вместе с тем могут принимать форму правил, т. е. конкретных предписаний. Они репрезентируют и утверждают благо индивида как такового, а соответствующие им требования обращены к индивиду как таковому. Обращенные к Я, они вменяют ответственность за благо Другого. По внутренней логике морали, личность, обращаясь к себе, ставит перед собой задачу содействовать благу другого, принимает на себя ответственность за другого.

Чаще, хотя не всегда, моральные отношения носят обоюдный характер, обе стороны отношения выступают в качестве моральных агентов; Я обоюдно соотносит себя с другим Я или некоторыми другими Я. Внутри этих отношений позиции агента и реципиента постоянно обращаемы. Взаимно соотносящиеся свои интересы Я в тенденции стремятся к соединению – к становлению Мы, разнообразно консолидированному.

Моральные отношения могут не быть обоюдными, или их обоюдность может не осознаваться, не приниматься во внимание, а то и прямо игнорироваться участниками коммуникации. Такие моральные ситуации принимают своеобразную конфигурацию с разнонаправленными устремлениями, ожиданиями и переживаниями, имеющими различный моральный смысл. По инерции нововременной традиции и, в первую очередь, кантовской моральной философии мораль нередко мыслится, главным образом, как она проявляется на индивидуальном уровне и «от первого лица». Однако для понимания морали важно принимать во внимание не только Я-проекцию, но и Ты-проекцию, Мы-проекцию, без чего не разглядеть мораль в жизненности человеческих отношений. Кант досконально раскрыл логику индивидуального морального сознания самого по себе, существующего и осознающего себя до взаимодействия с другим; но уже поэтому кантовскую концепцию морали нельзя воспринимать как целостно представляющую моральную философию. Канта интересовала *метафизика морали*, то есть анализ условий возможности морали. И эти условия возможности морали он берет лишь в одном ракурсе, а именно на уровне субъекта, мыслящего о морали: как возможен такой субъект. Канта не интересует мораль как отношение Я к Ты, не говоря о возможных противоречиях между отношениями к одному Ты и к другому Ты. Поэтому Кант рассматривает и моральную ответственность субъекта лишь как ответственность перед собой (как членом ноуменального мира) и перед законом. Этим обусловлены границы кантовского рассмотрения морали.

Принимая во внимание императивный характер моральных ценностей, можно понять распространенный в моральной философии взгляд на мораль именно как сферу долженствования. В русле деонтологического толкования морали среди моральных ценностей указывают и на долг, более того, долг при таком подходе предстает первой ценностью морали. Между тем, долг, долженствование – это форма существования морали, осознания морали личностью. Моральные ценности представлены в сознании (сознанию) в значительной мере как требования, повеления. Однако нет долга как особой ценности, как определенного, выражаемого в целях и поступках содержания. Понятие долга выражает побудительную силу сознания, посредством которой человек определяется к разным по содержанию действиям, направленным на утверждение блага. При этом обязательность, исполнительность, ответственность как своего рода ментальные, психологические, поведенческие механизмы долга обоснованно рассматриваются как добродетели, и как качества характера они, несомненно, представляют собой ценности.

Императивность

Мораль поначалу осознается социализирующимся индивидом в форме образцов поведения, требований-правил. Именно осознается, но это осознание ложится на усваиваемые индивидом с ранних шагов социализации ценности, которые первоначально осваиваются как ценности, сопряженные главным образом с индивидуальным благом, «эгоцентристски» (невреждение-мне, признание-меня, солидарность-со-мною, забота-обо-мне). Поэтому обычно на вопрос о том, что такое мораль, можно услышать ответ: это правила (нормы, требования), с более или менее очевидным для того, кто дает ответ, содержанием. Такое понимание морали, приемлемое для обыденного сознания, недостаточно для теоретического описания морали. Мораль наглядно проявляется как *требования* (в широком смысле слова). Но мораль также воплощается в действиях и отношениях, имеющих определенные эффекты для блага людей и социума, иными словами, имеющих ценностное содержание. В моральном плане поведение значимо даже тогда, когда оно актуально не выстраивается агентом в соответствии с моральными ценностями, стало быть, когда моральная субъективация поведения минимальна, а то и отсутствует вообще. Личность может мотивироваться к реализации моральных ценностей и исполнению требований подражанием, послушанием, сочувствием или убеждением. В таком случае моральность поведения удостоверяется его реципиентами – как реальными, т. е. теми, которые оказываются объектом действий, так и «идеальными», каковыми выступают сторонние наблюдатели действий и их последствий.

Независимо от того, совершено ли действие намеренно и в соответствии с моральными ценностями или нет, оценивается оно по его результатам и по меркам, задаваемым моральными ценностями. При оценке поведения по его результатам вопрос о его намеренности отодвигается на задний план. В соответствии с ними действие и обретает качество поступка.

Способ мотивирования не столь специфичен для феномена морали, но он свидетельствует о характере моральности личности. Субъектный, или, говоря точнее, интенциональный, аспект действия в морали чрезвычайно важен. Коль скоро мораль уповает на личную ответственность в действии, то, в самом деле, важно, кто, как, по каким мотивам, на каком основании при-

нимает решения и осуществляет их. Таким образом фиксируется качество моральности действия и агента, его совершающего, а именно намеренность и, значит, осознанность, степень его субъективной самостоятельности (автономии), рационализированности намерения и т. д. Однако только этих характеристик недостаточно для квалификации действия в качестве морального, поскольку и намеренность, и рациональность, и самостоятельность могут быть присущи самым разным по предметной направленности действиям, не имеющим отношения к благу человека, людей, сообщества.

Действенность моральных требований не подкрепляется, в отличие от требований правовых или административных, организационно – властью, учреждениями, организациями или уполномоченными⁴. Личность ответственна не только за исполнение требования, но и за его осознание, признание, интериоризацию в качестве своей личной нравственной задачи. Требования всегда задаются извне. Моральные требования в этом смысле ничем не отличаются от требований другого рода; однако их исключительность в том, что они признаются и принимаются личностью по внутренним мотивам. Эта особенность морального опыта нередко интерпретируется таким образом, что личность является автором требований, в чем усматривается автономный (в буквальном смысле самозаконодательства) характер морали; отсюда легко делается вывод, что в морали и нет требований как таковых, поскольку-де требование – это повеление, исходящее извне, в морали же повеление обнаруживается как голос изнутри.

В силу этой опосредованности моральной императивности глубинным принятием личностью требований, действенность последних может оказываться определенно не предсказуемой и уязвимой. В этом отношении моральное упорядочивание поведения отличается от таких способов регуляции поведения, которые обеспечены жесткими средствами внешнего социально-организационного воздействия. Последние не предполагают внутреннего принятия личностью требований; достаточно формального, декларативного, согласия личности подчиняться предъявленным требованиям, подкрепляемым соответствующими действиями. Такие системы регуляции предполагают отлаженную систему санкций, применение которых непосредственно и чувствительно влияет на статус индивида. Санкции в организациях не обязательно материальны по своему характеру, т. е. не касаются прямо личной свободы или имущественного положения индивида. Санкционирование может вплестаться в отношения своеобразного обмена, при котором лояльность индивида организации (группе любого типа) гарантирует ей солидарность и поддержку со стороны организации и, наоборот, поддержка индивиду со стороны организации оказывается в непререкаемом предположении обратной лояльности индивида.

Моральные требования обращены к сознательному и свободному агенту решений и действий; их действительность основана на способности (сформированной в процессе социализации) морального агента быть самостоятельным, или автономным, – в мышлении, решениях и действиях, признавать моральные ценности, принимать соответствующие им требования, контро-

⁴ Известные по разнообразному историческому опыту попытки такого подкрепления по сути являются проявлением «юридизма», знаменующего деградационные тенденции в морали. Это не касается принимаемых или утверждаемых в профессиональных ассоциациях, корпорациях и учреждениях нормативных систем, которые обычно называются «этическими», но требования которых несут на себе черты как моральных, так и административных регулятивов.

лизовать их осуществление и единолично отвечать за допускаемые при этом оплошности, ошибки и прегрешения. «Органом» рефлексивной самостоятельности является *совесть*.

Две выделенные характеристики морали – ориентированность моральных ценностей на благо индивида и способность личности быть независимой от внешней воли в ее ценностном самоопределении – рождают превратное понимание морали, выражающееся в расхожем мнении: «у каждого своя мораль», из которого предполагается следствие, что каждый реализует «свою мораль», и в таком самоопределении заключается смысл морали. Что у каждого есть «свое» – так это понимание собственного блага, собственных предпочтений. Причем и здесь могут быть aberrации, с попыток искоренения которых исторически и начинается мораль, что можно хорошо видеть по литературе мудрости. Традиция наставительного пруденциализма со временем вливается в традицию морального поучения, а далее в этику как систематическую рационализацию морального мышления и теоретизирование о морали. Последнее развивалось, в частности, через критику пруденциализма. Здесь надо различать пруденциализм как объяснительную схему этики и пруденциализм как рациональное ограничение своеволия, своекорыстия и самолюбования. В морали человек переключается от естественной и спонтанной сконцентрированности на собственном благе к вниманию к благу другого. Сообразывание интересов опосредовано двумя переплетающимися процессами: во-первых, каждый заявляет о своем стремлении к благу, о своих интересах, готовый услышать мнение других на этот счет, и, во-вторых, взаимным приравниванием каждым своего понимания собственного блага к пониманию того, в чем состоит действительное благо другого и как другой понимает собственное благо. Об этом – золотое правило морали.

Абсолютность и универсальность

Некоторые или все моральные ценности и соответствующие им требования воспринимаются и осмысливаются *самим моральным сознанием* как абсолютные и универсальные. Абсолютность и универсальность – не «объективные» характеристики моральных ценностей и требований, но *форма, в которой* они (точнее, некоторые из них) *мыслятся*. В этом смысле они «вторичны», они продукт моральной рефлексии, результаты которой получили закрепление и теоретическое обоснование в ряде философских концепций.

Не только на уровне моральной рефлексии, но и на теоретическом уровне относительно этих характеристик сохраняются неясности и недоразумения.

Как можно судить по нашей литературе, качество *абсолютности* предстает в самых разных коннотативных «смесях». Абсолютное ассоциируется, а то и отождествляется с универсальным, целостным, приоритетным, идеальным, категорическим.

Если понимать абсолютность как такую характеристику требования, в силу которой *не допускаются исключения* при его исполнении или, другими словами, невозможны никакие условия, при которых требование не исполняется, а универсальность – как такую характеристику, в силу которой требование предполагается актуальным для каждого, адресованным каждому, – то очевидно, что абсолютность не должна отождествляться с универсальностью. Эти характеристики могут быть сопряженными, совмещенными, но они не тождественны.

Дело не только в смешениях на уровне понимания самого феномена и интерпретации соответствующего понятия. В осмыслении феномена абсолютности не всегда учитывается различие между философско-этическим (или метаэтическим) и философско-практическим (или нормативно-этическим) содержанием понятия морали. На философско-этическом уровне мораль предстает некой абстракцией; это – обобщенное, «чистое» понятие морали, и представление об абсолютном характере морали вообще является отражением именно абстрактного теоретического понятия морали. Я говорю об *абстрактном* отражении морали в понятии, имея в виду, что это понятие складывается в порядке обобщения различного нормативного, коммуникативного, социального опыта; в обобщении этот опыт очищается от разнообразия контекстов и своих конкретных характеристик. Отношение к содержанию понятия морали как к «объективной реальности», а не как к теоретическому конструкту порождает впечатление об абсолютности того, что понятие морали обозначает. Теоретическое понятие морали – это абстракция морали, и она не дает картину реального морального опыта. Общего понятия морали недостаточно для того, чтобы анализировать моральные проблемы и противоречия, разбирать конкретный моральный опыт. Необходима категориальная спецификация феноменологии морали.

По этической литературе можно видеть, что характеристика абсолютности прикладывается к морали в целом, т. е. не только к требованиям и ценностям, но и к отдельным аспектам моральной практики, например к поступкам. Под абсолютными понимаются поступки, посредством которых в полной мере, т. е. целостно, воплощаются соответствующие моральные требования. Латинская основа слова – *absolutus* (прилагательное, образованное на основе глагола «*absolvo*»), указывает на характеристики законченности, полноты совершенства, независимости и самостоятельности, безусловности). Есть неподтвержденные указания на этимологическое восхождение от «*absolutus*» к «*solus*», обозначающее единственное, самому себе представленное, ни от чего не зависящее. Понятно, что этимология (пусть и латинская) слова не многое может прояснить в значении образованного на его основе философского понятия. Тем не менее семантическая сетка, связанная со словом, задает некоторую рамку для образования на этой лексической основе понятия. Поступок не может быть абсолютным, поскольку он всегда обусловлен. По меньшей мере, он обусловлен требованием, во исполнение которого он был совершен. И, конечно, личным опытом морального агента и обстоятельствами, в которых он был совершен⁵.

В более точном смысле понятие абсолютности уместно при характеристике моральных ценностей, причем прежде всего в их нормативном выражении. Моральные ценности и требования действительно могут восприниматься как абсолютные, без всяких оговорок в том определенном смысле, что они *беспредпосылочны*: их ценностное и императивное значение не задается извне, и в этом смысле они ценны и значимы сами по себе. Именно в такой модальности они воспринимаются самим моральным сознанием, и потому в рамках некой данной моральной системы они не нуждаются в обосновании. Но стоит только нарушиться данной системе моральных ценностей и требований, как их абсолютность тут же исчезает, – они уже требуют обоснования (т. е. выстраивания определенной моральной картины мира, или целостной системы ценностей и требований).

⁵ Последнее не опровергает обобщений в том духе, что поступок преобразует личность и трансформирует обстоятельства. Но чтобы это произошло, личность должна решиться на поступок и совершить его, исходя из своего опыта, из своего понимания ситуации, по отношению к которой поступок нужно осуществить наилучшим образом.

Однако мыслимые как ценностно беспредпосылочные, требования получают реализацию в конкретных поступках, сообразованных с ситуацией, в которой они совершаются, и с лицами, которые в нее включены.

С генеалогической же точки зрения никакие ценности не абсолютны. Они не абсолютны при религиозном взгляде на мораль, полагающем моральные ценности данными в виде заповедей Богом. Они не абсолютны при натуралистическом взгляде на мораль, рассматривающем моральные ценности как выражение сформировавшихся в ходе биологической эволюции поведенческих инстинктов и установок. Они не абсолютны при социокультурном взгляде на мораль, в соответствии с которым моральные ценности формируются в исторически длительном процессе осмысления опыта человеческих взаимоотношений. Даже при понимании того, что исторически моральные ценности формулируются в результате обобщения нормативного и коммуникативного опыта, поначалу ситуативно конкретного, социально-функционально их действительность реально обеспечивается авторитетом, воспитанием, традицией, общественной привычкой, – для моральных агентов, реализующих эти ценности в своих решениях и действиях, моральные ценности значимы не в силу этих социально-исторических детерминаций, но сами по себе, как факт культуры.

Если же понимать абсолютность в значении непререкаемости предъявления моральных ценностей к признанию и практической реализации, то применение этой характеристики отнюдь не «абсолютно»: императивность моральных ценностей различна в зависимости не только от обстоятельств, но и от их содержания. Это хорошо видно на примере перечисленных выше фундаментальных моральных ценностей и соответствующих им требований. Лишь одно из них – «не вреди» – выражено в форме запрета, предъявляемого *как будто бы* безусловно и, стало быть, имеющего абсолютный статус. Невреждение – наименьшее в моральном смысле, что ожидается от человека как морального агента, но как требование оно носит наиболее настоятельный характер. Забота же о другом – это наибольшее, что ожидается от человека как морального агента, но забота именно рекомендуется, так что если и можно говорить здесь о требовании, то в самом общем смысле этого слова. Нанесение вреда запрещается, забота ожидается и рекомендуется.

Впрочем, надо уточнить, что и требование непричинения вреда имеет одно условие, и в логическом плане само по себе наличие условия подрывает абсолютность требования. Ведь, говоря о непричинении вреда, имеют в виду инициативное непричинение вреда. В случае ответного действия, скажем, при противостоянии злу, может статься, что без пресечения вредящего или очевидно желающего причинить вред, т. е. без того, что им будет несомненно воспринято как вред, не обойтись. Каждый, непредвиденно нарушающий существующее положение вещей, может восприниматься как источник зла и потенциальный объект противостояния. Ограничение любой активности, которая воспринимается как опасная для существующего положения вещей, может считаться морально оправданной. С точки зрения агентов этой активности их ограничение является вредом. Но моральная оправданность причиняемого при противостоянии злу вреда обусловлена стремлением не допустить непредвиденного изменения существующего положения вещей, и только им, а наносимый актуальному или потенциальному носителю зла вред (рестриктивно или превентивно) должен быть строго соразмерен оборонительным и охранительным задачам.

Так что если и говорить об абсолютном, т. е. непререкаемом и неотложном, требовании, то это требование *противостояния злу*. В первую очередь духовного противостояния и соответствующим образом практического – психологического, коммуникативного, социально-организационного, а при необходимости и иного, включая дезориентацию злодея (в том числе посредством сообщения недостоверной информации, т. е. лжи) и ограничение его возможностей (в том числе посредством пресечения его действий, т. е. с применением силы, если надо, то всеокрушающей).

Злу следует противостоять внешнему так же, как и внутреннему. Следует противостоять злу, творимому в отношении меня, так же как и в отношении других. Следует противостоять злу, возможному и с моей стороны в отношении других, т. е. противостоять злу в самом себе, контролируя себя, не потакая себе, ограничивая себя, отказываясь от чего-то в себе. Требование противостояния злу, последовательного и самоотверженного, нисколько не противоречит требованию непричинения вреда.

Однако в любом случае абсолютность – это характеристика, усматриваемая самим моральным сознанием. Принимая во внимание сказанное выше, следует добавить, что даже на уровне морального сознания требование противостояния злу в конкретных спецификациях этого требования абсолютно лишь в рамках определенной системы морали: оно абсолютно внутри данной ценностной картины мира, в пределах достигнутых соглашений и имеющихся договоренностей; но за этими рамками, вне соглашений и договоренностей оно (подчеркиваю, в своих спецификациях, обусловленных пониманием того, что именно есть зло в своих конкретных проявлениях) может быть относительным. При теоретическом рассмотрении моральных воззрений, предполагающем прояснение их генеалогии, ничего не может быть признано в качестве абсолютного; но при теоретическом рассмотрении моральные воззрения предстают относительными не в смысле произвольности и конъюнктурности их ценностного содержания, но в смысле их исторической и прочей иной обусловленности, социокультурной контекстуализированности, которые и проясняются путем построения теории морали.

Если обратиться к универсальности, то можно заметить, что в литературе этим термином обозначаются такие разные феномены, как общераспространенность, общезначимость (ценностей, требований), беспристрастность, надситуативность, надперсональность, обобщенность (суждений, решений), общеадресованность (требований), универсализуемость (суждений, решений, требований). В качестве коннотативных коррелятов понятия «универсальность» эти феномены имеют важное значение для понимания морали в разнообразии ее проявлений. Они отражают разные аспекты и разные моменты морали, и осмысление их посредством понятия универсальности естественно рождает впечатление, что универсальность – это «универсальная» характеристика морали, представляющая мораль во всей ее полноте.

Важно при этом сохранить специфическое значение понятия универсальности. Наиболее часто встречающиеся подмены такого рода проявляются, помимо отмеченного выше отождествления с абсолютностью, в интерпретациях универсальности как общераспространенности (общепринятости). Универсальность концептуализируется в качестве общеморальной характеристики при особом, зауженном, понимании морали, при котором последняя явно или неявно сводится прежде всего к требованиям или к суждениям.

Как было отмечено выше, универсальность в соотношении с требованиями обнаруживается в том, что они – и в этом один из их специфических признаков – *предполагаются* актуальными для каждого, они адресованы каждому. Так же моральные ценности предполагаются потенциально значимыми для каждого. Вопрос, который здесь, естественно, возникает, кто этот «каждый». В рамках рационалистически-просветительской парадигмы каждым был «всеобщий каждый» – любое разумное существо. Однако «любое разумное существо» это абстракция. Известные науке разумные существа, т. е. люди, это всегда существа в определенных социокультурных условиях, различие между которыми в глобальном плане таково, что в рассуждении о морали, ценностях, требованиях мы не можем абстрагироваться от них без потери предмета рассуждения. В виде «абстракции» разумного существа вообще может выступать, хотя и безликий и усредненный, но определенный индивид западноевропейского типа рациональности, пусть его западноевропейская определенность и выведена за скобки. В философии такое западноевропейскицентричное абстрагирование удается легко, поскольку понятие морали как своего рода обобщение и абстракция – продукт европейского мышления. Для представителей других культур эта абстракция, несомненно, социокультурно определена – она западноевропейски контекстуализирована.

Скажем, требование «не вреди» (в значении «никому не вреди инициативно») может мыслиться приверженцами ценности невреждения сколь угодно абсолютным и универсальным. Но оно неактуально для тех, кто принимает партикулярную версию требования невреждения, а именно: «не вреди *своим*». Или «Всеобщая Декларация прав человека», хотя и была провозглашена с трибуны ООН в качестве *всеобщей*, воспринимается многими представителями незападных культур как манифест индивидуализма, фактически игнорирующий коммуитарные ценности, принижающий значение ответственности человека в сравнении с его правами. Аргументы сторонников доктрины прав человека о том, что подобные упреки к «Всеобщей Декларации» беспочвенны, не кажутся представителям незападных культур убедительными, сколь бы предвзятой такая позиция ни представлялась сторонникам доктрины прав человека.

Универсальность требования представляет оборотную сторону равенства: все агенты морали полагаются потенциально равными и моральные требования обращены к каждому в равной мере. Соединенная с требованием, абсолютность понимается как такая его характеристика, в силу которой не допускаются исключения при его исполнении. Очевидно, что это другое, чем общеадресованность. Не во всех требованиях так понимаемая абсолютность будет совмещаться с универсальностью. Например, требование противостояния злу абсолютно и касается всех, а требование информированного согласия, будучи абсолютным, касается только тех, чья деятельность предполагает такие действия по отношению к другим людям, совершение которых недопустимо без их предварительного согласия, причем даваемого осознанно, т. е. с пониманием всех возможных последствий (включая риски), и в этом смысле информированно. Это требование распространяется на всех, но только тех всех, кто занимается такой деятельностью, – на врачей, исследователей в области биомедицины, конструкторов, проводящих испытания технических систем и устройств.

По отношению к суждениям (решениям) универсальность усматривается в том, что суждение высказывается, а решение принимается в данной ситуации и по отношению к данному лицу в предположении, что любой раз-

умный человек в данной ситуации и по отношению к данному лицу вынес бы такое же суждение и принял бы такое же решение. В этой специфической форме универсальность проявляется как *универсализуемость*. Последняя может иметь и другую версию: некто высказывает суждение или принимает решение в данной ситуации по отношению к данному лицу в предположении, что такое же суждение будет высказано и такое же решение будет принято и по отношению к нему, находясь он в таком же положении⁶.

Указанием на то, что абсолютность и универсальность – это мыслимые характеристики, я не хочу сказать, что это нереальные, только воображаемые характеристики морального требования. Однако их онтологический статус иной по сравнению с другими характеристиками. Так, неинституциональность⁷ или идеальный характер санкции – это качества, объективно присущие моральному требованию, фиксируемые при внешнем наблюдении, не зависящие от познавательной или ценностной установки наблюдателя, чего нельзя сказать об абсолютности и универсальности. Абсолютность и универсальность – *мыслимые* характеристики в том смысле, что моральное требование *считается* потенциально значимым для всех, сродни «закону природы», который действителен независимо от того, известен он наблюдателю или деятелю, воплощающему его в своей практике, или нет. Моральное требование обретает эти характеристики благодаря моральному агенту, который мыслит его таким образом и соответствующим образом действует. Причем не просто благодаря моральному агенту, но моральному агенту, соотносящему свои решения и действия с другим моральным агентом. В особенности это касается характеристики универсальности, которая складывается исторически, в процессе обобщения опыта общения и социального взаимодействия. Онтологический статус характеристик абсолютности и универсальности иной по сравнению с онтологическим статусом характеристик неинституциональности и идеального характера санкции: они принадлежат реальности мыслимого и в силу этого они условны.

Общественная мораль

Одним из проявлений неоднородности морали является ее надличностно-личностный характер. Непосредственно мораль проявляется на индивидуальном уровне – в добродетелях, намерениях, решениях, суждениях, поступках личности. Однако уже посредством решений и поступков (поведения) мораль обнаруживает себя в коммуникативном и социальном контекстах. И даже когда речь идет о совершенстве личности, совершенство берется в проекции к коммуникативному и социальному пространству, а именно к тому, содействует ли личность своими решениями, усилиями, действиями благо других (воздерживается ли от причинения зла, признает ли других, оказывает ли другим помощь, заботится ли о других). В личностном плане важно, по каким мотивам все это совершается. Смысл морали как социокультурного

⁶ В литературе принцип универсализуемости иногда обсуждается как принцип, касающийся поступков. Строго говоря, в поступках реализуются принимаемые решения, причем решения могут реализовываться различными путями и конкретно-ситуативно, т.е. адекватно неповторимой конфигурации сложившихся обстоятельств и оказавшимся в них лицам.

⁷ Неинституциональность морального требования заключается в том, что его действенность не обеспечивается социальными учреждениями, органами или уполномоченными. Эта характеристика не распространяется на требования профессиональных и корпоративных этических кодексов.

феномена – в обеспечении такого качества коммуникативного и социального пространства, которое способствовало бы благу (этически интерпретируемому) индивидов и социума. Поэтому мораль, существенно выражающаяся в ценностях и требованиях, обращенных к личности, надличностна.

Содействовать благу людей – задача не только для личности, но и для общественных групп, общества. В той мере, в какой последние принимают на себя эту задачу, они становятся моральными агентами. Вместе с тем, общественные группы и общество, независимо от того, приняли они на себя роль морального агента или нет, выступают в качестве объекта морального отношения, моральной обязанности личности. Таким образом задается пространство *общественной морали*, посредством которой основная функция морали – сообразование частных интересов – осуществляется специфическим образом, посредством, с одной стороны, упорядочения отношения членов социума (индивидуальных и коллективных) к целому (именно эта сторона морали, будучи абсолютизирована, была разработана в концепциях морали как способа социальной/нормативной регуляции), а с другой – отношения социума к своим членам (индивидуальным и коллективным). Выделенные выше ценности, в полной мере сохраняя свою значимость, конкретизируются в ценностях *общего блага и прав человека*.

В рамках общественной морали осуществление человеком себя в качестве морального агента опосредовано социальными институтами и его ответственностью как участника социального взаимодействия, члена сообщества, гражданина. Соответственно, особые ожидания выражаются в отношении общества. Общество как коллективный агент посредством своих институтов ответственно за собственное процветание и благополучие своих членов, а также за их готовность руководствоваться в общественном поведении моральными ценностями. Сообразно этому оценивается моральность общества: насколько оно способно обеспечить социальную стабильность, благополучие и процветание, способствовать гармоничному развитию способностей граждан, их готовности содействовать общему благу, их стремлению заботиться о себе и своих близких в пределах, не противоречащих принятым общественным установлениям; насколько общее благо обеспечивается методами, соответствующими смыслу самой идеи общего блага – справедливыми, т. е. не ущемляющими неоправданно ничьих интересов, и гуманными, т. е. способствующими развитию частных способностей и интересов; насколько успешное стремление каждого к реализации частных интересов оказывается основой для развития блага целого и т. д. Конфликты между частной инициативой, социальным творчеством, личной свободой и общественным порядком неизбежны. Перерастающие своей деятельностью установленный в обществе порядок личность или группа, пока они властно или духовно не овладели обществом, воспринимаются обществом как опасность. В том, к каким способам и мерам ограничения *частной* инициативы и социального новаторства прибегает общество, а также в том, какую степень частной инициативы, самостоятельности и свободы общество допускает для себя приемлемой, также проявляется качество конкретной общественной морали.

Памяти Вадима Николаевича Садовского (1934–2012) К 80-летию со дня рождения

Имя доктора философских наук, профессора В.Н.Садовского навсегда останется в когорте основателей отечественной научной школы «Философия и методология системных исследований» вместе с именами его друзей И.В.Блаубергом и Э.Г.Юдиным, Э.М.Мирским, А.И.Яблонским и других его единомышленников. Эта научная школа первой в области философии получила грант Президента РФ (1996 г.). Официально в ее составе были обозначены 23 человека: лидер – В.Н.Садовский; участники: Э.М.Мирский, Н.Ф.Наумова, Г.А.Смирнов, В.В.Келле и другие, включая аспирантов, студентов¹. Но фактически ее состав значительно шире и распространяется далеко за пределы Москвы.

После учебы на философском факультете МГУ и в аспирантуре В.Н.Садовский в 1958 г. поступил младшим научным сотрудником в Институт философии, затем перешел консультантом в редакцию журнала «Вопросы философии», где впоследствии стал зам. зав. отделом, членом редколлегии и Международного редакционного совета журнала. С 1967 г. он работал в Институте истории естествознания и техники, в 1974 г. защитил докторскую диссертацию, в 1978 г. перешел в Институт системных исследований, где многие годы руководил отделом методологических и социологических проблем системных исследований и завершил свой трудовой путь.

В.Н.Садовский – автор более двухсот научных работ, многие из которых широко известны в России и за рубежом: «О принципах исследования систем» (в соавт. с В.А.Лекторским // *Вопр. философии*, 1960, № 8); «Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ» (1974); “Systems Theory. Philosophical and methodological problems” (совм. с И.В.Блаубергом и Э.Г.Юдиным). Он выявил этапы, структуру и роль аксиоматического метода в научном познании, проанализировал концептуальный аппарат системного подхода, предложил концепцию общей теории систем, раскрыл взаимоотношения принципа системности, системного подхода и общей теории систем. С основания ежегодника «Системные исследования. Методологические проблемы» (1969) свыше 40 лет был членом его редколлегии, заместителем главного редактора, фактически – концептуально-стратегическим его центром.

В.Н.Садовский активно содействовал изучению западной философии науки в России. Он осуществил обширную программу аналитического освоения российской философской мыслью трудов Ж.Пиаже, Я.Хинтикки, М.Вартофского, Л. фон Берталанфи, А.Рапопорта, Т.Куна, И.Лакатоша, С.Тулмина, а в последние годы наиболее обстоятельно – Карла Поппера. Автор свыше 50 статей в «Новой философской энциклопедии».

Вадим Николаевич по-человечески очень высоко ценил своих друзей и единомышленников, глубоко переживал их уход из жизни, чтит их память и многое сделал для ее сохранения в истории науки. По его инициативе и при его непосредственном участии в серии «Философы России XX века» под рубрикой «Научная школа. Системный подход. **Systems Approach** при поддержке РГНФ изданы книги: И.В.Блауберг «Проблема целостности и системный подход» (1997); Э.Г.Юдин «Методология науки. Системность. Деятельность» (1997); А.И.Яблонский «Модели и методы исследования науки» (2001); Н.Ф.Наумова «Философия и социология личности», «Человек и модернизация России» (2006).

В 2014 г. Институт системного анализа (прежде Институт системных исследований) РАН издает специальный выпуск ежегодника «Системные исследования», посвященный памяти В.Н.Садовского. Пожелаем, чтобы в недалеком будущем был издан сборник его избранных трудов. Он найдет заинтересованных читателей.

¹ См.: Ведущие научные школы России. Вып. 1. Совет по грантам Российской Федерации. М., 1998. С. 567.

СМЕНА ПАРАДИГМ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ И АНТРОПНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ НЕРАВНОВЕСНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

На рубеже XX–XXI столетий в контексте процессов глобализации актуализировалась проблема понимания существующих в наше время обществ (не только западных модернистских) как неравновесных или неустойчивых социокультурных систем. Такие системы обладают не только стационарными состояниями, устойчиво находящимися в области их равновесия, но и множеством потенциальных состояний; их стационарные состояния могут отклоняться от равновесия, а когда эти отклонения достигают критических значений, то такие системы попадают в область неустойчивости, где возникают точки бифуркации и происходит выбор в пользу одного из потенциальных состояний, которое актуализируется, а система в целом переходит в новое, как правило, более дифференцированное устойчивое состояние или разрушается; это может зависеть от малых воздействий, в том числе исходящих от индивидов. Возникла потребность в новых подходах к осмыслению системного понимания обществ, их соотношения с индивидами. Ответы на эту потребность определились в теоретической социологии уже в 80-е годы XX века и положили начало продуктивному дискурсу, который сохраняет актуальность.

Теоретико-методологический перелом в социологии произошел синхронно со сменой парадигм в системном мышлении в целом. Выдающийся отечественный философ и методолог науки В.Н.Садовский внес значимый вклад в обоснование роли системного подхода в социологических исследованиях и в выявление факта смены системных парадигм. Мне довелось немало лет тесно сотрудничать с Вадимом Николаевичем (не только формально). Я рад возможности акцентировать названный его вклад, который не получил достаточного отражения в литературе. Одновременно это позволяет показать связь предложенного мною антропо-деятельностного подхода, который я рассматриваю как антропо-деятельностную интерпретацию классического социокультурного подхода, с охарактеризованной выше сменой парадигм системного мышления.

Системный подход и социология: их взаимосвязь, синхронная смена их парадигм

В 1965 г. вышел двухтомник «Социология в СССР»². Это было первое обобщающее издание, которое представляло теоретическую и эмпирическую социологию, возникшую в СССР к середине 60-х годов как бы из пепла – как птица Феникс. К тому времени в Советском Союзе уже было проведено несколько выдающихся социологических исследований, но не было суммирующего их представления в качестве самостоятельной области научного знания – социологии. Двухтомник демонстрировал реальные достижения в этой области: в нем были статьи Н.А.Аитова, Г.М.Андреевой, Б.А.Грушина,

² Социология в СССР: В 2 т. М., 1965.

А.Г.Здравомыслова, Л.Н.Когана, Н.Ф.Наумовой, В.С.Немчинова, В.Б.Ольшанского, Г.В.Осипова, Г.А.Пруденского, Б.Ц.Урланиса, С.Ф.Фролова, В.Н.Шубкина, В.А.Ядова и др.

В первом томе, в методологическом его разделе была помещена статья совсем молодого тогда В.Н.Садовского «Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы». И это не случайно: те, кто восстанавливали в СССР социологию как теоретическую и эмпирическую область знания, ясно сознавали необходимость ее опоры на системную методологию. Это позволяло, апеллируя к принципу системности Маркса, выйти за рамки постулатов научного коммунизма. Одновременно открывались возможности выхода на уровень мировой социологии того времени: системный подход коррелировал с методологией структурно-функционального анализа Т.Парсонса, Р.Мертон, А.Этциони и ряда других исследователей социальных систем.

«Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, – писал В.Н.Садовский, – что совершаемый современной наукой переход к анализу своих предметов как систем означает по сути дела важное преобразование научного знания, нашего понимания мира. Наряду с прогрессирующей дифференциацией и интеграцией знания, все более широким проникновением в естествознание и общественные науки методов математики и логики *системный подход принадлежит к числу основных особенностей науки середины XX в.*»³. Далее он охарактеризовал новые разработки в области системного анализа и дал свое определение понятия «система». Отметив, что в марксистской социологии уже поставлены и в некоторых аспектах решаются проблемы анализа общества как системы, он подчеркнул, что в эмпирических исследованиях это еще далеко не так. И заключил: «*системное исследование, все решительнее заявляющее о себе в современной науке, требует развернутого анализа проблем методологии систем.* Не выполнив этой задачи в ближайшее время, наука, в том числе социология, рискует утратить одно из важнейших условий своего прогрессивного движения»⁴.

Двухтомник «Социология в СССР» стал настольной книгой для большинства советских социологов того времени. А статья В.Н.Садовского, его позиция, включая определение системы, стали часто цитируемыми в отечественной социологической литературе. Добавлю, что важное значение для социологов имела также статья И.В.Блауберга и Э.Г.Юдина «Системный подход в социальных исследованиях», опубликованная в «Вопросах философии» (1967, № 9)⁵. В круг изданий, регулярно читаемых социологами, вошел и ежегодник «Системные исследования».

Авторы программ ряда крупных социологических проектов, подготовленных в 1968–1973 гг. в только что созданном Институте конкретных социальных исследований АН СССР (ныне Институт социологии РАН), про-

³ Садовский В.Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. Т. 1. М., 1965. С. 164.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ В 1966–1967 гг. И.В.Блауберг работал в Отделе социологических исследований Института философии АН СССР, на базе которого в 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Я в то время также работал в этом отделе. Помню, что Игорь Владимирович Блауберг принимал активное участие в обсуждении методологических аспектов программ и результатов социологических исследований Отдела, в том числе матричного подхода к пониманию места предприятия в структуре общества. Это нашло отражение в идее «синтетических социальных моделей», которая выдвинута в упомянутой статье.

дуктивно использовали системную методологию. Образцом был генеральный проект «Функционирование общественного мнения в условиях города», реализованный под руководством Б.А.Грушина. Назову также генеральный проект «Социальная организация промышленного предприятия и пути повышения ее эффективности (Соотношение планируемых и спонтанных факторов)», 1968–1973 гг.⁶ Затем эта традиция была закреплена во ВНИИ системных исследований ГКНТ и АН СССР: первый в стране проект «Нововведения в организациях»⁷, 1978–1987 гг. Словом, системная традиция вошла в практику социологических исследований.

Вместе с тем, к 80-м годам среди части западноевропейских и американских социологов оформилось альтернативное течение, которое нередко называют антисистемным, но я не вижу достаточных оснований для этого. Оно стремилось найти новые подходы к решению фундаментальной проблемы соотношения общества и индивида (личности, человека). Эта проблема обострилась в контексте протестных движений молодежи в конце 60-х годов: студенческий марш 1968 г. в Париже и др. Стало очевидным, что молодые акторы, социализированные в либеральном обществе, не удовлетворены его социальной системой, которая стала бюрократизированной, малоподвижной, и желают преодолеть эти ее качества.

Постепенно, путем проб и ошибок, сообщество западноевропейских стран нащупало нетривиальный ответ на вызов времени: «национальные государства» стали снимать барьеры передвижению граждан, товаров и капиталов между этими странами. Затем вообще были упразднены границы между ними и развернулся комплексный процесс интеграции стран Европейского Союза. Возникли и стали набирать полномочия наднациональные органы управления в масштабе Евросоюза: Европарламент, Еврокомиссия и др. Население стран Евросоюза оказалось в новой ситуации: недовольные своим положением в родной стране свободно мигрируют в другие страны – временно или навсегда, как получится. Если человек не нашел правды в национальном суде, он может обратиться в Европейский суд. Словом, индивиды получили дополнительные возможности самореализации.

Вместе с тем, у растущего числа граждан стали возникать новые вопросы: к какому обществу я отношусь: например, к немецкому или французскому, если я сначала жил и работал в одной стране, затем – в другой, третьей и т. д.? В последние годы появились такие парадоксы: сначала Чехословакия распалась на Чехию и Словакию, возникли границы между этими «обществами»; недавно они оказались под общей крышей Евросоюза и границы опять исчезли; следует ли считать, что население, проживающее на территориях этих стран, дважды мигрировало из одного «общества» в другое? Или же прежние общества с их национальными государствами сохраняются, но возникает общеевропейское суперобщество, которое интегрирует их, т. е. возникает двухуровневый европейский *социум*?

Эти и другие события создали новую ситуацию в социальной теории, потребовали выработки новых взглядов на природу общества и его границы, на его соотношение с индивидом и с государством. Социологи стали исходить

⁶ Материалы проекта, которым руководил сначала Г.В.Осипов, а затем я, опубликованы лишь через 30 лет. См.: Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973). Первая публ. / Сост. и общ. ред. Н.И.Лапина. М., 2005.

⁷ Материалы проекта опубликованы в 1980–87 гг. в серии сборников ВНИИ системных исследований под названиями, близкими теме проекта, под ред. Н.И.Лапина, А.И.Пригожина, Б.В.Сазонова.

из факта кризиса той формы либерального общества, которая до 70-х годов существовала в наиболее развитых странах Западной Европы. Поскольку именно такое общество наиболее адекватно описывали структурно-функциональный анализ и другие концепции социальных систем, то теперь их престиж значительно снизился, стали модными пренебрежительные оценки всех системных концепций.

Как реагировали на это теоретически мыслящие социологи? Практически одновременно, в 1984 г. (магическая дата Оруэлла?) три социолога из разных стран, принадлежащие одному поколению, опубликовали труды, в которых предложили свои варианты определения ситуации в исследованиях социальных систем.

– *Ален Турен* (р. в 1925 г.), *Франция*: существующая социальная система себя дискредитировала; следует поставить в центр социологии не систему, а взаимозависимость системы и действующего лица, общественные движения, их культурные ориентации⁸.

– *Энтони Гидденс* (р. в 1926 г.), *Англия*: общество есть скорее кластеризация институтов, нежестко локализованных во времени и пространстве, а уровень их системности изменчив; социальные науки не в состоянии постичь универсальные тенденции социальных систем (все эволюционные концепции несостоятельны), но могут с пользой изучать значимость практического сознания людей, их рефлексивное поведение, непреднамеренные действия и непреднамеренные последствия преднамеренных действий⁹.

– *Никлас Луман* (1927–1998), *Германия*: несостоятельна как территориальная, так и «гуманистическая» концепция, включающая людей в общество; суть общества составляет система коммуникаций между людьми, а сами люди как целостные существа находятся в среде, окружающей общество как социальную систему¹⁰.

Как видим, в новой ситуации эти известные социологи не отрицали существования социальных систем, но констатировали кризис сложившихся форм этих систем и прежнего их понимания, а главное – предложили новые представления, соответствующие новому состоянию этих систем, новому статусу человека по отношению к ним, новым возможностям их познания¹¹. Названные авторы вполне ориентированы в современном системном мышлении; например, Н.Луман ссылался на подходы И.Пригожина, Х.Матураны и др. Но в то время еще не было данных для обобщающего анализа парадигм системного мышления на новом этапе развития науки и общества, начавшемся в 70–80-х годах.

Требовалась новая характеристика ситуации в системном мышлении, включая исследования социальных систем. Такую характеристику и дал В.Н.Садовский в работах об эволюции системного мышления, опубликованных в 90-х годах. Я имею в виду прежде всего его подытоживающую статью «Смена парадигм системного мышления». Она помещена в том выпуске ежегодника «Системные исследования» (1996 г.), который вышел после пятилетнего перерыва, вызванного распадом СССР и последовавшим общероссий-

⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

⁹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.

¹⁰ Luhmann N. Sociale Systeme. Suhrkamp Verlag, Frankfurt a/M., 1984; Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.

¹¹ Их представления, в свою очередь, встретили возражения со стороны радикальных критиков социальных систем. См., например, критику Н.Лумана в работе Ульриха Бека «Общество рисков» (Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt a/M., 1986).

ским кризисом. Переломные для страны процессы, естественно, стимулировали интерес исследователей к переломам в любых областях деятельности, включая смену парадигм в системном мышлении.

Опираясь на опыт системных исследований в различных областях науки XX века, В.Н.Садовский прежде всего показал наличие двух периодов в развитии этих исследований. Сознательно не удаляясь в глубь веков (к аристотелевскому «Целое больше суммы своих частей»), он обратился к ближайшему прошлому и заключил, что можно выделить четыре основных исторических источника современного системного мышления. Это:

– тектология, или «Всеобщая организационная наука», Александра Александровича Богданова (1913–1917);

– общая теория систем Людвиг фон Бергаланфи (1945);

– кибернетика Норберта Винера (1948);

– праксеология Тадеуша Котарбиньского (30–40-е годы).

Хотя исторически первым развернутым вариантом была «Тектология», каждая из четырех системных концепций возникла независимо от других; тем не менее всем им присуща глубокая теоретическая общность. Реальная же история системных исследований как влиятельной парадигмы научного мышления XX веке началась после Второй мировой войны. Для этой первой парадигмы системного мышления характерны, по убеждению В.Н.Садовского, два очень важных момента.

Первый заключается в том, что в отличие от классической термодинамики, которая имела дело только с закрытыми системами, кибернетику и общую теорию систем интересуют прежде всего более сложные, открытые системы. Но основные задачи их исследования понимались в рамках первой парадигмы системного мышления как поиски способов подвижного равновесия (в самом широком смысле) таких систем. На это были ориентированы и кибернетика Н.Винера, и общая теория систем Л.фон Бергаланфи, и математическая общая теория систем М.Месаровича, и системно-кибернетические концепции У.Р.Эшби, А.Раппопорта, К.Боулдинга и многих других.

Второй существенный момент этой ранней стадии В.Н.Садовский усматривает в понимании статуса системных исследований или системного мышления. Бергаланфи и его сторонники подчеркивали скорее теоретический характер общей теории систем, а другие усматривали в системном мышлении прежде всего мировоззренческо-методологическую составляющую. Вадим Николаевич напомнил, что в известной статье (Вопр. философии, 1960, № 8) он и В.А.Лекторский высказали ряд критических замечаний в адрес Бергаланфи, возразив против того, чтобы приписывать общей теории систем статус “*Mathesis universalis*”, но Бергаланфи в своем ответе подчеркивал скорее теоретический характер своей концепции.

В этой связи В.Н.Садовский счел необходимым отметить, что по вопросу о статусе системного мышления («мировоззрение-методология **или** теория») в начале 70-х годов имели место дискуссии между ним и его коллегами, близкими друзьями И.В.Блаубергом и Э.Г.Юдиным. «Прошло время, – грустно подытожил Вадим Николаевич, – полемическая запальчивость давно иссякла, сегодня я остался единственным живым участником этих споров – все это требует от меня спокойно оценить эту дискуссию и воздать должное моим коллегам.

Суть нашего спора состояла в различной оценке значимости, так сказать, мировоззренческо-методологической и собственно теоретической составляющих системного мышления. И мои коллеги, и я признавали наличие этих

составляющих, но при этом, если И.В.Блауберг и Э.Г.Юдин видели основной смысл системного движения в разработке системного мировоззрения и системной методологии, отрицая при этом возможность построения некоей единой общей теории (именно – теории) систем, то я явно недооценивал значение системного мировоззрения и высказывал убеждение в том, что общая теория систем может быть построена – как общая и как теория – прежде всего в форме системной метатеории. Время расставило все на свои места, и сегодня я готов признать большую правоту моих коллег. Полувековая история современных системных исследований действительно показала, что их главный вклад в науку, технику и практическую деятельность состоит во внедрении в эти сферы специфически системного мировоззрения и системной методологии. Естественно, что этот процесс сопровождался выдвиганием и разработкой различных системных теоретических моделей, каждая из которых, говоря словами Л. фон Берталанфи, суть “модели различных аспектов мира”. Что же касается собственно общей теории систем, то она, как и 20–25 лет тому назад, представляет собой лишь проект – в форме ли системной метатеории или в любом другом виде, причем проект, относительно которого сегодня трудно сказать и то, как его осуществлять, и даже то, возможно ли вообще такой проект реализовать»¹².

Такое признание имеет не только научный, но и высокий нравственный смысл. Не каждый решится на столь мужественный и ответственный шаг. Вадим Николаевич сполна выполнил долг перед своим пониманием правды и перед друзьями-единомышленниками, которые раньше ушли из жизни.

Тем более ценна его неколебимая убежденность в научной значимости и перспективности системного мышления как методологии научных исследований. Эта убежденность выразилась в утверждении, что *в 70–80-х годах XX в. начался новый период развития современных системных исследований – период формирования второй основной парадигмы системного мышления*. «Его главная отличительная особенность состоит в переходе от исследования условий равновесия систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем»¹³. Эти системы изменяются нелинейно, флуктуируют, а в области неустойчивости, в точках бифуркации, принципиально невозможно предсказать, в каком направлении пойдет их развитие.

Утверждение о начале второго периода В.Н.Садовский основывает на новых результатах научных исследований, которые получили широкую известность в 70–80-е годы. Он называет исследования А.А.Андропова по теории колебаний, А.Н.Колмогорова по проблемам передачи информации, Я.Г.Синая, В.И.Арнольда по неустойчивым динамическим системам, теорию катастроф Р.Тома, синергетику, теорию неустойчивых необратимых термодинамических систем И.Пригожина, теорию хаоса и аналогичные концепции. «Их основная цель – разработка теоретических и методологических средств понимания хаоса, необратимости, неустойчивости, неравновесности и порядка»¹⁴.

Кратко охарактеризовав особенности сложной и сверхсложной динамической системы как объекта современного системного исследования, В.Н.Садовский заключил: «Таким образом, сложная система, согласно современным системным представлениям, способна спонтанно порождать

¹² Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования. Ежегодник. 1992–1994. М., 1996. С. 71.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 72.

порядок и организацию из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации, в котором важнейшую роль играет случайность. Естественно, что такие особенности поведения сложных систем потребовали их теоретического объяснения. Мы укажем на одно такое объяснение, предложенное в последнее время В.Н.Костюком, которое мне представляется весьма перспективным¹⁵. Далее В.Н.Садовский назвал еще ряд исследований, которые, по его оценке, характеризуют второй этап развития системных исследований: существенное продвижение в понимании специфики гносеологических и методологических особенностей системного подхода содержат исследования Р.Розена (1986), Г.А.Смирнова (1979–1983), Дж.Клира (1985); значительный прогресс достигнут в разработке Г.Паском *conversation theory* и Ст.Биром в построении метода «оценки жизнеспособности системы» (*viable system diagnosis*); широкий интерес вызвала предложенная П.Чеканом концепция *soft systems thinking* (1891). Попытку добиться нового уровня в понимании системной природы современных научных проблем предприняли Х.фон Фестер, Э.фон Глазерсфельд и Ст.Амплеби в выдвинутой ими концепции **First – and Second – Order Cybernetics (1979)**; **теория self-production systems (autopoiesis)** предложена Х.Матураной, Ф.Варелой, М.Зелены и другими (1975–1980); большой интерес у системного сообщества вызвали в 1973–1984 гг. исследования Б.Гейнса, В.А.Лефевра, Р.Траппла, Б.Банати и многих других¹⁶.

В заключение В.Н.Садовский высказал предположение об основной, с его точки зрения, линии развития системного мышления на рубеже XX–XXI веков: оно «обязано будет развиваться в направлении дальнейшей гуманизации, все большей приспособленности к решению социальных и человеческих проблем... В противном случае – поскольку не видно никаких других средств – человечество не сможет решить свои глобальные проблемы»¹⁷.

Глобализация, неравновесность социокультурных систем и антропо-деятельностное понимание их модернизации

Действительно, смена парадигм системного мышления объективно представляла собой методологический ответ на новые проблемы, выдвинутые *глобализацией* как процессом освоения *цивилизационного пространства*, которое становится информационно проницаемым в масштабе всего человечества и обретает новые качества, создает качественно новые, всечеловеческие *противоречия, стимулы и вызовы* для цивилизации нашего времени.

Первый, наиболее явный и комплексный вызов-противоречие – *глобальные проблемы*, которые угрожают самому существованию всего человечества и не могут быть решены ни одной отдельной страной, но требуют совместных усилий всех или большинства стран (Римский клуб).

Второй стимул-противоречие – предоставление каждой стране и каждому человеку *новых возможностей* во всех сферах жизни, прежде всего в сфере материального благополучия; но стремление реализовать эти возможности оборачивается обострением конкуренции и углублением неравенств

¹⁵ Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления. С. 73. В.Н.Садовский дал ссылку на кн.: Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М., 1993. Добавлю: доктор экономических наук В.Н.Костюк работал в то время в отделе ИСА, которым руководил В.Н.Садовский.

¹⁶ Там же. С. 76.

¹⁷ Там же. С. 77.

между людьми и странами в этих сферах. Появляются процветающий «золотой миллиард» жителей планеты и многие миллиарды новых нищих, возникают общества всеобщего риска (У.Бек).

Третий стимул-противоречие – соблазны *свободы* каждого человека; но стремление обрести ее в социокультурных условиях многих стран трансформируется во вседозволенность элит и в социальную эксклюзию большинства населения (П.Абрахамсон).

Четвертый стимул-противоречие – соблазн *демократии* как наиболее привлекательного политического режима. Но уже борьба за ее утверждение сопровождается гибелью наиболее дееспособных слоев населения, а в случае утверждения ее функционирование ведет к росту бюрократии, окостенению и коррумпированию механизмов государственной власти и бизнеса, в том числе в развитых странах (М.Крозье).

Тем не менее мотивы новых возможностей благополучия, свободы и демократии манят все новые миллионы жителей отсталых стран в развитые, где иммигрантов и резидентов ожидает пятое, возможно, самое трагическое противоречие нового великого переселения народов: эмигрантов из менее развитых стран ожидает новая, инициативная самоколонизация в принимающих развитых странах, а народов-резидентов этих стран – депопуляция своего отечества, заполнение исторически освоенного ими социокультурного пространства иным населением, иным этнически и культурно, профессионально и квалификационно. Эти процессы на наших глазах развертываются в виде «креста потоков» мигрантов: с Юга на Север (из Ближнего Востока и Африки в Европу, из регионов Северного Кавказа в равнинную Россию) и с Востока на Запад (из Азиатской – в Европейскую Россию, из Восточной Европы – в Западную).

Совокупное действие глобальных стимулов-противоречий результируется также в формировании «цивилизации суровой истории», в которой оптимальным способом поведения становится молчание большинства (Н.Ф.Наумова), а выход из молчания выражается в майданизации площадей и улиц (т. е. в протестной массовизации пространств, доступных для публики), в террористических движениях.

Таким образом, глобализация сопровождается распространением неравновесности и нелинейности эволюции на большинство социокультурных систем (обществ) и на глобальную систему в целом: повышается проницаемость территориальных границ обществ, граждане обретают новые свободы, которые повышают их личностный паритет с обществом и одновременно создают новые противоречия с ним. *Происходит не утрата системных свойств обществ, а обретение существующими обществами и всей человеческой цивилизацией новых, нелинейных системных качеств, таких как неравновесность, неустойчивость.*

Уже звучат обоснованные ответы на эти противоречивые и опасные новые качества глобализирующегося мира.

– Развивать диалог культур, субцивилизаций и обществ (ЮНЕСКО).

– Странам Европейского Союза, переживающего многосторонний кризис, сконцентрироваться на защите достоинства человека как фундаментального основания всех его прав и свобод¹⁸.

– Мониторинг всемирной модернизации как комплексного цивилизационного процесса преодоления отсталости путем индустриализации и становления информационных обществ¹⁹.

¹⁸ Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М., 2011.

¹⁹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци; Отв. ред. рус. изд. Н.И.Лапин. М., 2011.

– Развертывать исследования социокультурных систем в русле второй парадигмы системного мышления, развивать их в направлении дальнейшей гуманизации, все большей способности к решению социальных и человеческих проблем. «Речь, разумеется, не идет о создании некой “всеобъемлющей” социальной теории на базе системной методологии, – пояснял В.Н.Садовский. – Мы имеем в виду формирование новых междисциплинарных концепций и методов, ориентированных на решение множества вполне конкретных, актуальных для общества проблем, и для достижения этой цели объединяющих в своих рамках знания и опыт самых различных наук – от гуманитарных до технических – на методологической основе системного подхода... Одним из таких направлений, получивших развитие в последние 20–25 лет, несомненно, является социальная информатика»²⁰.

– На мой взгляд, в русле второй парадигмы системных исследований находится субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. Практической реализацией проекта служат деятельность «Клуба инновационного развития» на базе Института философии РАН, проект молодежного инкубатора инновационной элиты²¹.

– В русле второй парадигмы системных исследований я также предложил философско-социологический ответ: антропосоциетальный подход, или антропно-деятельностное понимание и регулирование неустойчивых социокультурных систем (возможно, и глобальной системы). Это понимание комплементарно названным выше ответам. Ниже я изложу его возможно кратко²². Практической его реализацией можно считать программу «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», в рамках которой, благодаря инициативному участию научных коллективов ведущих НИИ и университетов регионов, при поддержке ГНФ, проведены и продолжаются исследования по типовому инструментарию, подготовлены и создаются социокультурные портреты около 30 регионов – субъектов Российской Федерации; в последние годы исследования сосредоточены на проблемах социокультурной модернизации регионов и всей России²³.

²⁰ Келле В.В., Садовский В.Н. Системное мышление и системный подход: истоки и предпосылки социальной информатики // Социальная информатика: основания, методы, перспективы / Отв. ред. Н.И.Лапин. М., 2002. С. 25–26. В.Н.Садовский поддержал проект РФФИ «Социальная информатика: основания, методы, перспективы» и принял в нем активное участие. В рамках этого проекта он продолжил разработку концепции о двух парадигмах и перспективах системного мышления, акцентировав внимание на методологии «критического системного мышления» английских ученых Р.Флада и М.Джексона, а в более широком плане – на комплементарном использовании многомодельного подхода и ориентации на максимальное раскрытие человеческого потенциала, используя социальные идеи Ю.Хабермаса и возможности социальной информатики. Однако состояние здоровья не позволило Вадиму Николаевичу далеко продвинуть свои замыслы.

²¹ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.

²² Развернутое изложение антропосоциетального подхода содержится в книге: Лапин Н.И. Общая социология. М., 2006; 2-е изд. 2009. Гл. 2. Книга получила высокие оценки ведущих социологов страны (А.Г.Здравомыслова, О.И.Шкаратана, В.А.Ядова), которым я весьма признателен, и заняла первое место на конкурсе Российского общества социологов (2007) по номинации «Учебники и учебные пособия».

²³ Конкретные результаты исследований представлены в сборниках материалов девяти ежегодных Всероссийских научно-практических конференций участников Программы, которые проводятся на базе НИИ и университетов регионов. Обобщенная характеристика этих результатов содержится в коллективных монографиях: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2009; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2013.

– Есть и многие другие ответы. Предстоит основательная их систематизация.

Сказанное выше об исследованиях новых качеств цивилизации и обществ в условиях глобализации относится и к изучению свойств и качеств современного российского общества – как общих с западноевропейскими, азиатскими и другими обществами, так и особенных.

Быстрый распад СССР продемонстрировал ослабшую связь существовавших в нем этнически идентифицированных социокультурных сообществ (реальных обществ) с этакратичной организацией советского общества. Образование независимой Российской Федерации, во-первых, актуализировало реальность различных социокультурных общностей, существовавших и в границах бывшей РСФСР. Если в Западной Европе наблюдается интеграция зрелых либеральных обществ в возникающий двухуровневый социум, то в России, напротив, произошла полуполитимная дифференциация существующих социокультурных сообществ в качестве полноправных субъектов двухуровневого российского социума. Вторая особенность состоит в том, что в России этот процесс совершается асимметрично, поскольку социокультурные административно-территориальные образования (субъекты РФ) с преобладанием русского этноса представляют собой не этноидентифицированные сообщества (в отличие от «титальных» национальных республик), а скорее диффузную среду для иноэтничного населения.

Все это сделало весьма актуальными исследования российского общества в русле второй парадигмы системного мышления. В 90-х годах я двигался в этом направлении от классического социокультурного подхода (М.Вебер, П.Сорокин), модифицированного элементами структурно-функционального анализа (Т.Парсонс)²⁴. В ходе дальнейшего изучения российской и европейской истории к началу «нулевых годов» сформировалась потребность в социетальном подходе как более широкой методологической ориентации, включающей социокультурный подход²⁵. К середине нулевых годов я предпринял антропно-деятельностную интерпретацию социокультурного подхода, модифицировав его в одновременно социально-философское и общесоциологическое понимание общества и человека в их взаимном соотношении.

Исходным служит глубокое прозрение П.Сорокина, его синтезирующий тезис: «личность, общество и культура как неразрывная триада»²⁶. В этом тезисе утверждается, что существуют три составляющие человеческого мира: личность, общество (социальность), культура. Они не выводятся одна из другой и не сводятся друг к другу, в этом смысле они паритетны; в то же время они неразрывно связаны, взаимопроникают.

Учитывая совокупность взглядов П.Сорокина, можно следующим образом интерпретировать термины приведенной триады. *Личность* – это действующий индивид, взаимодействующий с другими индивидами. *Культура* – совокупность способов и результатов действий и взаимодействий, в целом деятельности людей. *Общество* – прежде всего совокупность отношений между людьми в процессах их взаимодействий: как собственно социальных отношений, так и экономических, политических, идеологиче-

²⁴ См. *Лапин Н.И.* Статьи в «Вопросах философии»: 1992. № 12; 1996. № 5; 2000. № 6; монографию «Пути России: социокультурные трансформации». М., 2000.

²⁵ См.: *Лапин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. № 7; *Лапин Н.И.* Социетальная социология. Узловые проблемы и программа курса // СОЦИС. 2001. № 8.

²⁶ *Сорокин П.* Родовая структура социокультурных явлений // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 218.

ских, нравственных, – это и есть *социальность, социальное*. В этом смысле понятно сопоставление общества и культуры, общества и индивида как терминов, однопорядковых социальному. Взаимосвязь социального и культуры образует *социокультурную систему*, а в единстве с деятельным человеком она представляет собой социетальную систему, или *общество* в широком смысле слова.

Этот подход опирается на совокупность принципов. Я выделил 5 его принципов, часть которых воспринял от социокультурного подхода. В данной статье я приведу лишь три принципа, специфичных для антропно-деятельностного понимания социокультурной системы.

(1) *Принцип противоречивости функций социального действия* основан на понимании человека как многомерного, био-социо-культурного существа, специфику которого составляет способность к творческой, продуктивной деятельности (Маркс). С многомерностью человека сопряжена его противоречивость, которая проявляется в противоречивости смыслов, значений действий одних субъектов для других, в существовании не только явных, но и латентных функций взаимодействий субъектов.

(2) *Принцип неполноты антропосоциетального соответствия* означает неполную совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума, возможность их противостояния. Он имеет ключевое значение для понимания характера, типа общества и социума, служит глубинным источником саморазвития личности и общества. Время от времени такое противостояние достигает большой остроты. Как отметил А. Турен, во второй половине XX века на Западе «действующее лицо общества и само общество оказались противопоставлены друг другу вместо того, чтобы друг другу соответствовать»²⁷.

(3) *Принцип неустойчивости антропосоциетального равновесия* означает, что разнонаправленность действий социальных акторов и ограниченность ресурсов не позволяют обеспечить устойчиво балансируемое удовлетворение потребностей, интересов, ценностей людей, взаимодействие которых образует это общество. Лишь на короткое время достигается «баланс между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения и в минимизации отсутствия удовлетворения»²⁸. Чаше наблюдается удаление от точки равновесия, создающее ситуации рисков, а если это удаление превышает критические значения, то целое оказывается в области неустойчивости, в которой образуются точки бифуркации, где осуществляется случайный выбор в пользу актуализации иного, потенциального состояния, а система трансформируется в качественно новое состояние или разрушается.

Таким образом, *ОБЛАСТЬ НЕУСТОЙЧИВОСТИ социокультурной системы, где возникают точки бифуркации ее векторов, образуется, когда удовлетворенность акторов меньше их неудовлетворенности*. А это случается нередко.

Приведенные принципы имеют прямое отношение к пониманию современной России и поведения ее элит и населения. Но при их применении следует учитывать объективно двойственное ее положение в цивилизационном пространстве. С одной стороны, геополитически Россия – евразийская страна, расположенная на двух континентах. С другой стороны, социокультурно это преимущественно европейское сообщество. При этом оно все заметнее

²⁷ Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 7.

²⁸ Парсонс Т. Ценности, мотивы и системы действия // О структуре социального действия. М., 2000. С. 434.

движется навстречу отмеченному выше драматическому противоречию – перекрестку двух потоков переселения народов: с Юга на Север и с Востока на Запад. Пока это лишь потенциально опасное состояние, но через несколько десятилетий оно может актуализироваться в трагически реальное. Первым его эпицентром станет не Азиатская, но Европейская Россия. Ставропольский край и регионы Южного федерального округа Российской Федерации уже активно вовлечены в эти потоки эмиграции, вытесняющие славянский этнос. Исторический центр Европейской России (Москва) уже обретает черты бурлящего котла переселения народов. Тем временем, старинные малые города центральной России (например, город Белёв в Тульской области²⁹) теряют производства и население, разрушаются, образуя открытые пространства для иммигрантов. Если эта стихия продолжится, то вскоре она станет катастрофической реальностью для жителей многих регионов Центрального федерального округа РФ.

Какие же могут быть мотивы и сценарии развития, позволяющего избежать грозящей катастрофы и обеспечить благоприятные условия жизни существующего этнокультурного состава населения Европейского Центра и всей России? Поиск ответов на этот вопрос можно считать *социокультурной миссией* тех российских специалистов, которые придерживаются второй парадигмы системного мышления и ориентированы на исследование актуальных проблем своей страны.

К настоящему времени для многих россиян позитивными ориентирами состояния условий жизни и ряда других социокультурных параметров служат среднеевропейские стандарты (индексы), достигнутые на основе второй, информационной стадии модернизации³⁰. Для квалифицированных слоев россиян эти ориентиры служат мотивами эмиграции в западные страны, но если государство сделает их ориентирами развития России, то они вполне могут стать стимулами преобразования своей страны, модернизации условий и качества своей жизни.

Какая же имеется дистанция между российскими и среднеевропейскими индексами социокультурного благополучия населения в контексте модернизации? Европейское социальное исследование, в котором участвует автор настоящей статьи, позволяет фиксировать средние индексы относительного благополучия населения основных групп стран. Например, в 2006 году: 1) страны, начинающие модернизацию (Болгария, Украина, Россия), имели средний для этих стран индекс = 1,6; 2) страны, экстенсивно осуществляющие модернизацию (Латвия, Польша, Эстония), имели индекс = 2,7; 3) модернизационно развитые, но социокультурно среднеэффективные страны (Англия, Германия, Франция) имели индекс = 3,7; 4) высокоэффективные страны (Дания, Швейцария, Швеция) – 4,6. Россия имела индивидуальный индекс = 1,7, т. е. отставала от названных прибалтийских стран в 1,6 раза, от развитых среднеэффективных – в 2,2 раза, а от высокоэффективных – в 2,7 раза.

В 2000–2010 годах в России наблюдался сначала медленный инерционный рост числа регионов, повышающих состояние социоэкономической (не социокультурной) модернизированности, но с 2008 г. и этот рост прекра-

²⁹ См.: Богданов В.С. Город Белёв: исследование визуальной среды // Вестн. ин-та социологии РАН. 2013. № 7. Сайт ИС РАН. Впрочем, в этом же номере «Вестника ИС» продемонстрированы и благополучные случаи: города Плёс, Шуя Ивановской области.

³⁰ Вопреки распространенным среди гуманитариев представлениям, в современной модернизации участвуют не только отсталые, но и развитые западные страны: завершив индустриальную стадию модернизации, они лидируют и на второй, информационной ее стадии, которая обеспечивает им большую часть ВВП (40 % и больше).

тился. Если в 2014–2015 годах «нулевой рост» сменится тоже инерционно-медленным, но негативным (такая динамика уже наблюдается в некоторых регионах), то к 2030–2035 гг. Россия окажется внизу среднеразвитых стран мира; станут трудно терпимыми социокультурные контрасты между 3–6 высокоразвитыми и 40–50 отстающими регионами, а около 30 средних регионов будут стагнировать. По показателям социокультурного благополучия отставание от большинства стран Европы увеличится до 5–10 раз. Ускорится эмиграция квалифицированных страт россиян в другие страны и иммиграция малоквалифицированных групп из Китая и стран мусульманского мира, т. е. интенсифицируется качественное изменение этнокультурного состава населения страны.

Какие же *основные факторы* тормозят инновационно-модернизационное развитие России и ставят под вопрос ее историческое будущее? Их можно свести к двум. Первый, определяющий фактор является результатом незавершенности постсоветской трансформации России: коррупциогенная приватизация природных ресурсов и крупнейших промышленных комплексов привела к утверждению олигархо-бюрократического капитализма с компрадорской доминантой, обслуживающей интересы глобального бизнеса и препятствующей инвестированию доходов в инновационное развитие России. Вторым основным фактором служит фундаменталистско-либеральная экономическая политика правительства, которая стала главным условием длительного сохранения первого фактора.

Таким образом, первостепенное значение имеют две задачи. Во-первых, ориентировать экономическую и общую политику правительства на достижение стратегической национальной цели – действительно комплексной модернизации России. Во-вторых, завершить трансформацию российского общества в социокультурно сбалансированное, заблокировав компрадорскую доминанту капиталов и направив основные доходы на интенсивное осуществление комплексной модернизации страны и заинтересовав в этом большинство трудоспособного населения страны.

Если законодательная и исполнительная власти действительно будут ориентировать развитие экономики на достижение в ближайшие 10–20 лет среднеевропейских стандартов качества жизни, то такая ориентация станет реальным стимулом действий большинства экономически активного населения России, способствующих осуществлению *комплексной модернизации всей страны как основного способа преодоления отсталости и повышения качества жизни населения всех регионов до среднеевропейских стандартов*. Материальную основу модернизации составляет утверждение новых технологических укладов как основных источников ВВП, а социокультурной ее составляющей служит многообразная деятельность человека, социальных субъектов. Конструктивное ядро модернизации образуют инновации – технико-технологические, продуктные, институциональные и иные. Они и должны составить основу реиндустриализации материального производства и информатизации всей жизнедеятельности общества, основанной на приращении знаний и их использовании в экономике и других сферах жизни. Успех модернизации, ее устойчивость во многом зависят от сбалансированности материальной и социокультурной ее компонент.

Переход к решению задач модернизации возможен, поскольку из-за незавершенности трансформации возникшая в России социокультурная система является неравновесной и может войти в область неустойчивости, если удовлетворенность акторов станет меньше их неудовлетворенности. В пост-

советской России баланс этого соотношения уже неоднократно нарушался. Следовательно, он вновь может быть нарушен. Тем более, что в большинстве регионов и стране в целом наблюдается высокая несбалансированность основных составляющих модернизации.

Практические выводы

В заключение рискну сделать несколько практических выводов, адресованных специалистам в области общественных наук (гуманитарных и социально-экономических) и системных исследований.

В настоящее время отсутствует не только программа модернизации России, подготовка которой является компетенцией Правительства, но и концепция и общая стратегия модернизации, разработка которых должна стать прежде всего *делом научного сообщества страны*.

Не пытаясь предвосхитить результаты этого большого дела, на основе предварительных расчетов могу предположить, что если лишь в 2–2,5 раза увеличить тот темп повышения модернизированности регионов, который имел место в первой половине нулевых годов, а также осуществлять координированную, поэтапную модернизацию, с учетом ее стадий и состояний модернизированности регионов, то в исторически приемлемые сроки (к середине 30-х годов нашего столетия) почти все российские регионы на 100 % осуществят индустриальную модернизацию, а более 85 % регионов в широком масштабе развернут информационную модернизацию и заметно приблизят качество жизни населения к среднеевропейским стандартам. В итоге региональные сообщества обретут качество действительных субъектов развития своего человеческого потенциала, возникнет комплексная модернизированность как новое цивилизационное качество российского общества. Россия утвердится в составе развитых стран мира, повысит свою привлекательность в Европе и Азии.

От российских ученых, членов РАН и сотрудников институтов любого ведомства требуется: создать и в 2014–2016 гг. осуществить исследовательскую программу «Разработка концепции и стратегии поэтапной комплексной модернизации российского общества». Предпосылки такой программы имеются в виде результатов, полученных при реализации ряда программ фундаментальных исследований Президиума РАН. Назову лишь одну из них, о результатах которой я знаю, потому что участвую в ней: программа № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (руководитель – академик В.М.Котляков). Имеются и другие серьезные разработки. Например, итоговый документ Московского экономического форума (МГУ, март 2013 г.): «Экономика для человека – социально ориентированное развитие на основе реального сектора»³¹.

Промежуточные и итоговые результаты предложенной научной Программы должны обсуждаться в СМИ, сети Интернет, общественных палатах, в ведущих университетах, НИИ и на других публичных площадках в центре и регионах³². Вокруг идей и проектов Программы может возникнуть сеть сообществ «За модернизацию России», которая станет фактором, влияющим на обоснованный выбор в судьбоносной для России точке бифуркации.

³¹ См.: Мир перемен. 2013. № 3.

³² В Институте философии начинает работать междисциплинарный семинар «Проблемы формирования концепции и стратегии поэтапной модернизации российского общества». Приглашаются заинтересованные специалисты.

О НОВЫХ ИЗДАНИЯХ

Редакция журнала сердечно поздравляет нашего автора, крупнейшего отечественного историка философии и философа, главного научного сотрудника Института философии РАН, доктора философских наук, профессора Нелю Васильевну Мотрошилову с юбилеем!

Н.В. Мотрошилова

МИР МУДРЫХ МЫСЛЕЙ Т.И.ОЙЗЕРМАНА

В творческом наследии Теодора Ильича Ойзермана – поистине необозримом и в силу длительности жизни, и благодаря ее нарастающей, а не убывающей с годами научной продуктивности¹ – небольшая книжечка «Размышления. Изречения» (М., 2013), о коей далее и пойдет речь, занимает особое место. Ее специфика (которую надеюсь подробнее раскрыть в дальнейшем) состоит в нетипичном соединении сжатых теоретических философских выкладок (обобщающего характера) с афористическими, стилистически яркими изречениями. Последние – это запоминающиеся, подчас тонко остроумные, афористические высказывания-формулы и необычные для этого жанра откровенные «Стариковские размышления» (тем более интересные, что ими делится известный человек, который близится к своему 100-летнему юбилею), а также превосходный разделчик «Разные разности», где опять-таки кратко, афористично написано в самом деле о «разном».

Попутно отмечу: несомненный литературный талант Т.И.Ойзермана, нашедший немалочисленные проявления как в его художественных опытах² живых воспоминаниях, так и во всегда незаурядной стилистике его чисто теоретических работ, был бесспорно затребован как раз в этой сравнительно небольшой книге.

Хорошо известно, что популярный жанр афоризмов, представленный в истории мысли, в истории культуры, в литературе, в том числе философской, традиционно привлекал выдающихся литераторов, мыслителей, иными словами, авторов, умудренных достаточно длительным жизненным опытом и владеющих ярким пером. Впрочем, отдельные мысли, формулы, именно «изречения» тех, кто принадлежал к блистательным умам человечества, пусть они были выражены этими авторами также и вне жанра афоризмов, часто становились таковыми. Их выделили как достойные запечатления мыслительные формулы уже их современники и в этом же качестве восприняли потомки. Полагаю, Т.И.Ойзерману удалось включиться в сей ряд – далеко еще не заверченный и открытый для дальнейшего соревнования, во всяком случае в качестве достойного конкурента. Это жанровый

¹ Перу Т.И.Ойзермана принадлежит свыше 600 публикаций, из которых более 250 вышли на иностранных языках – 40 монографий и брошюр, а с 1999 по 2010 годы – 7 монографий и брошюр, все более свободных по мысли, по фундаментальным идеям.

² См.: *Ойзерман Т.И.* «Котельщики» – рассказ // *Философия и история философии. Актуальные проблемы*: Сб. ст. к 90-летию Т.И.Ойзермана. М., 2004. С. 159–172.

ряд, близкий к тому, что получил у нас популярное название «В мире мудрых мыслей». Я и посвящу свой анализ в этой статье соответствующим страницам книги, где приведены многообразные по темам афоризмы – изречения Теодора Ильича³. Надо предупредить еще об одной особенности нижеследующих рассуждений: благодаря импульсам, исходящим от новых работ неумолимого Т.И.Ойзермана, а в частности от обсуждаемой элегантной по мысли и слову книжечки, будут кратко введены некоторые мои размышления, предложения, идеи.

* * *

«Изречения» разбиты на смысловые подразделы. И то обстоятельство, что первый из них озаглавлен «Человек, человечество, человечность», имеет глубокий смысл, причем по содержанию он исторически новый, необычный как раз для современных условий. Изречений тут собрано много (№ 40–200). Понятно, что отозваться на каждое из них – и нереально, и вряд ли целесообразно. Ибо и реакции именно на афоризмы, как правило, сугубо индивидуальны, и обсуждения их не могут не иметь вкусового характера. Выборочно остановлюсь лишь на тех, которые – в моем понимании – обретают также и внеиндивидуальное актуальное звучание.

Мне по душе первое (№ 40) лаконичное, вполне ясное высказывание этого подраздела: «Человек – это звучит гордо? Однако без вопросительного знака это изречение остается не критическим заверением»⁴. Не только полностью согласна, но и считаю «вопросительный знак», поставленный Теодором Ильичем после знаменитой формулы (сжато воспроизведенной в хорошо известном отечественной культуре монологе Сатина из горьковской пьесы «На дне»), удачным обобщением множества сомнений или прямых возражений в адрес прекраснодушных заверений о величии самого звания «человек» и человеческих деяний. А ведь превращение таких противодействий в формулы, одна из которых – в более осторожной вопросительной форме – запечатлена в приведенном изречении Т.И.Ойзермана, заняло целую эпоху.

В России еще в начале XX века гордые утверждения о человеке, продекларированные, скажем, замечательным голосом В.И.Качалова в мхатовской постановке пьесы Горького, выслушивались публикой вполне сочувственно и принимались за чистую монету. Если сомнения и высказывались, то они как бы прятались в маргинальных «складках» мировой культуры и произносились разве тревожными голосами авторов, подобных Ницше. Его же в первые годы XX века дружно изображали – в том числе устами авторитетов российской философии – как «несчастливого» человека, безумием наказанного-де за свою хулу в адрес бога и человека.

Гул совсем уже близкой чудовищной человеческой истории тогда не был слышен. Но катастрофы скоро разразились, и они продолжались, множились... Человечеству потребовалось пережить две самые человекоубий-

³ Что касается историко-философских по своей проблематике изречений Т.И.Ойзермана – не просто крупного историка философии, но и известного теоретика и методолога историко-философского знания, то они требуют специального и специализированного отклика, который перенесен мною в особое эссе, подготовленное для очередного «Историко-философского ежегодника».

⁴ Ойзерман Т.И. Размышления. Изречения. М., 2013. С. 59. Далее номер афоризма и страницы книги указываются в тексте моей статьи.

ственные в истории мировые войны, наиболее разрушительные революции, чтобы возникла мысль по крайней мере о знаке вопроса после формулы, запечатленной Горьким в монологе Сатина.

А что философы? Подлинно великие гораздо раньше ставили под вопрос выпендренно-прекраснодушное человеческое самомнение. Но к началу XX века в философских сочинениях редко вспоминали о том, что уже Кант, создатель нового, совсем не прекраснодушного гуманизма, остроумно-афористично запечатлел его в таком рассуждении: человек (вообще-то) сделан из кривого дерева, и выточить из него нечто прямое вряд ли удастся...

Что касается конкретно идеологии советского времени, то ее лицемерие, восторжествовавшее после разрушительной революции, заключалось в контрасте между гордяческими и бодряческими обертонами (о человеке и человечестве неизменно говорилось высокими словами, в возвышенных тонах) и ежедневным, ежечасным недоверием к отдельным реальным людям, при котором гордость за них, уважение к ним не играли почти никакой роли даже тогда, когда они их все-таки заслуживали.

Существенный вклад в развенчание прекраснодушного, а часто лицемерного, лживого в своих истоках и, как правило, идеологизированного гуманизма сыграла культура, также и отечественная, в конкретных случаях – та же театральная культура, от которой поначалу исходило массовое влияние восхваляющих человека формул.

...Хорошо помню, каким потрясением для меня, моих близких, друзей, коллег была постановка «На дне», осуществленная в советские годы в театре «Современник» Галиной Волчек, выдающимся отечественным театральным режиссером. Контраст с мхатовской интерпретацией, которую мы, как и предшествующие поколения, хорошо знали, был разительным. Великий актер нашего времени Е.Евстигнеев появлялся на сцене, в исторически правдоподобно воссозданной ночлежке, тоже вполне достоверно: пьяный, в разорванной одежде... Этот опустившийся обитатель дна сбивающимся голосом, а в не в «восторженно-качаловском» тоне вел типично российскую пьяную речь о том, что «человек – это звучит гордо». И вообще-то верные слова монолога о том, что человека следует уважать, а не унижать, звучали в таком контексте иначе, чем мы к тому привыкли.

В те годы я и мой муж Ю.Замошкин иногда общались – у нашего общего друга В.Вульфа и (редко) у нас дома – с Г.Волчек. Помню из рассказа Галины Борисовны, что ее подтолкнул к новой трактовке как раз подлинно горьковский и правдивый по зарисовке контраст между «высокими» словами монолога, типичного для полуинтеллигентов-люмпенов, особенно российских, и их реальным – часто придонным – бытием. Еще вспоминаю рассказ Галины Борисовны о том, как советские чиновники-надзиратели от культуры стояли стеной, чтобы удержать прежнюю, а именно выпендренную, «гордую» трактовку и не пропустить неслыханную, неортодоксальную, снижающую пафос сценическую интерпретацию. Галина Борисовна, по ее словам, долго готовилась и на одно из минкультовских совещаний, решающее в вопросе «быть или не быть» спектаклю, притащила пару томов Сочинений В.И.Ленина, где речь весьма критически велась о люмпенах, обитателях «дна» и их «идеологии». Идеологические же надзиратели за культурой обычно не были сведущи по части знания «классиков», их идеологии – и оказались посрамленными. В результате таких боев спектакль состоялся! А ведь это была со стороны новой тогда театральной интеллигенции одна из успешных попыток тоже поставить знак вопроса после тезиса о несомненности-де утверждения: человек – это звучит гордо!

Прав Т.И.Ойзерман, и его правоту доказывают сама история, а также рефлексии над подобными формулами выдающихся мыслителей и талантов человечества: вопросительный знак, поставленный нашим коллегой, здесь вполне уместен. Ибо снижение пафоса в формулах, известных отнюдь не только из текста Горького, предполагает непростой спор. Именно о том, какими подлинными достижениями культуры, разума, науки, свершениями труда огромных масс отдельных людей, а в конечном счете и человечества как целого нельзя не гордиться. Но также и о том, что многие деяния, результаты истории применительно к прошлому, настоящему и будущему не только не оправдывают гордыню, но заставляют, в соответствии с исходными требованиями христианства, ее смирять, постоянно памятуя о чудовищности реальных результатов действий и отдельных людей и – увы! – всего человечества...

* * *

С начальным афоризмом хочу соотнести целую группу последующих изречений Теодора Ильича, общая тема которых – безоговорочная вера в прогресс знания, науки как залог неудержимого-де прогресса человечества. А с ними связаны и обсуждаемые в книге общие философские дискуссии о познаваемости – или непознаваемости? – мира. В жизненном мире человечества такие мудреные споры объединялись с распространенными еще «недавно» (и подчас усиленно насаждаемыми) прогрессистскими надеждами на то, что науке и разуму под силу – не сегодня, так в близком будущем – успешно решить чуть ли не все большие проблемы отдельных людей и человечества как целого.

Припоминая исторический процесс развития наук, а также параллельного становления философских учений о познании, включая познание научное, можно поставить вопрос: когда именно отдельные мыслители-идеологи почерпнули из глубин научного самоопределения и самопознания, а потом в немалой степени заразили саму науку и жизненный мир сциентистской гордыней; когда в науке и вне ее многие люди и целые поколения поверили в то, что через мощный прогресс науки будто бы удастся навсегда разрешить коренные социальные пороки – такие, как высокая смертность и болезни, бедность, нужда, социальное расслоение, раздоры и разрушительные войны и т. п.? Скорее всего, это еще не произошло в первые века Возрождения и Нового времени. Ведь возросшие надежды тех времен, смелые, иногда уже «сциентистские», т. е. возводимые к развитию науки, утопии постоянно соседствовали с критикой «призраков» и предрассудков, неминуемо порождаемых в ходе человеческого познания, в том числе научного. Возможно, всплеск познавательно-научного прогрессизма стал сильным и заметным в XIX веке, относительно «благополучном» в сравнении с предшествующими столетиями истории человечества, наполненными разрушительными катаклизмами.

К рассмотренной ранее проблематике примыкает один из наиболее убедительных и одновременно парадоксальных по мысли блоков изречений Т.И.Ойзермана – тот, что озаглавлен словами «Познание, наука, научно-технический прогресс», а также совсем небольшой разделчик «Антитеза пессимизма и оптимизма».

Не секрет, что идеология советского времени как бы по определению должна была препятствовать проникновению в комплекс ценностных устоев, рекомендуемых к общеобязательному усвоению, повторению и заучиванию

любых воззрений, сколько-нибудь зараженных пессимизмом, отчаянием, неверием в обеспеченный-де прогресс познания, особенно научного, а вследствие этого – и в якобы гарантированное светлое будущее. И ведь не только в советской России, но и в других странах, которые намеревались и обещали построить социализм, царила, а иной раз свирепствовала идеология, которой изначально полагалось быть бодряческой, сциентистской, прогрессистской.

В свете подобных социальных реалий и установок сознания (последние далеко еще не преодолены) названные выше блоки изречений Т.И.Ойзермана можно рассматривать как идейно-ценностный расчет с некоторыми решающими идеологическими «символами веры» не такого уж давнего, в масштабах истории, прошлого. Имеющиеся в этих блоках размежевания основаны и на современных теоретических рассуждениях нашего коллеги, высокопрофессионального философа, и на тех наблюдениях с позиций здравого смысла, которыми не может пренебрегать философский разум. (Видимо, имел место также и непростой пересмотр – на склоне лет – некоторых собственных формулировок, высказываний в духе «ритуальных формул», без коих были немислимы какие-либо самостоятельные теоретические действия для тех людей, что начинали свой философский путь при суровом идеологическом морозе, задолго до всяческих «оттепелей». Об этом пересмотре – в конце статьи.)

Общее содержание и главные акценты разбираемых блоков изречений Т.И.Ойзермана основаны, таким образом, уже на сегодняшнем объединении того более взвешенного, идеологически неконъюнктурного подхода к философским установкам и идеям прошлого, отдаленного и недавнего, с помощью которого ответственная современная мысль (и не только в нашей стране) практически выполняет вверенную ей новую миссию. Последняя заключается в выработке существенно обновленных совокупных установок, индивидуальных и коллективных, применительно к науке, научному познанию, познанию как таковому. А необходимые предварительные шаги на этом пути не могут не состоять в *критическом преодолении ряда еще недавно влиятельных убеждений, надежд, уверенностей, заблуждений* – например, веры в то, что может иметь место безудержное, не только прогрессирующее, но всегда заведомо прогрессивное для человека и человечества, чуть ли на автоматически благоприятное развитие знания и познания, особенно научного.

Не разбирая подробно подобные передержки, увлечения, как будто бы невинные или просто «высокие», Теодор Ильич считает их несостоятельными, а потому не оправдавшимися. Почему же?

Философ напоминает прежде всего о предупреждающих идеях, вовсе не новых для истории мысли, но как-то позабытых в имевших место еще недавно идеологемах безудержного и безоглядного прогрессизма, в том числе в его сциентистских выражениях. Им он противопоставляет достаточно простые соображения и размышления, справедливость которых может понять и подтвердить также и непредубежденный здравый смысл.

«История познания – непрерывное умножение знания и столь же непрерывное обнаружение неизвестного, непознанного и даже непознаваемого» (№ 212. С. 114).

И далее: «Если всякое знание есть лишь знание о некоторой части, фрагменте целого и его познание не полно, ограничено без познания целого, познание которого невозможно без познания составляющих его частей, то кто же осмелится утверждать, что *все* в принципе познаваемо» (№ 213. С. 114). Но ведь философы, естествоиспытатели прошлого и настоящего, напомню я,

на такие прогрессистские утверждения-постулаты как раз «осмеливались». И не в противовес ли этой издавна закрепившейся и не исчезающей сегодня «смелости» Иммануил Кант выдвинул сдерживающий эвристическую гордыню постулат о «вещи самой по себе» (*Ding an sich selbst*) – как идею о никогда не достигаемом «полном», «исчерпывающем» знании вообще обо всех «вещах», что существуют *сами по себе*, вне нас?

Нет возможности приводить или пересказывать все весьма любопытные, иногда неожиданные изречения Т.И.Ойзермана о существовании и сохранении *принципиально непознаваемого в ходе человеческого познания*. (Да в том и нет нужды: в конце концов, книга – в распоряжении читателей.) Но необходимо, думаю, подчеркнуть их непростое, неоднозначное общее теоретическое и практическое значение именно для современных условий.

Действительная современная ситуация противоречива, даже парадоксальна, чем и трудна для практического регулирования. С одной стороны, уверенность (и не только ученых) в том, что наука способна добывать истинное, достоверное, проверяемое, подтверждаемое, полезное для практики, для человечества знание, коренным образом необходима для развития и науки, и всего общества. Она нужна прежде всего науке и ученым, неотъемлема от их творческой, исследовательской деятельности и потому издавна внедрена в число главных норм науки. Нормы науки не случайно, оправданно и функционально для исследовательской деятельности нацеливают ученых на постоянное добывание тружениками науки всех специальностей и рангов (объединенных в научные сообщества в глобально-историческом, intersубъективном значении этих слов), а также на сообщение и обобщение проверяемых, доказуемых научных знаний, которые бывают положены в основу дальнейших научных исследований. Общая ориентация на то, что сумма этих знаний получена не просто для удовлетворения любознательности ученых, но во имя человека и человечества, что она обретает разные формы практической реализации, помогает разрешению жизненных проблем людей – такая ориентация тоже необходима как науке, так и обществу, потому она тоже закрепляется в научном этосе⁵. С другой стороны, оправдано множество горьких замечаний о значительных издержках всякого (якобы) основанного на науке высокомерия, как и относительно неисполненных, от имени науки провозглашенных обещаний и претензий. Их общим обозначением может служить модный в XX веке «сциентизм», критику которого в разбираемых текстах Т.И.Ойзермана, как и других авторов, сегодня нельзя не воспринимать – таково мое глубокое убеждение – как сигнал к пониманию того, сколь нужны современному обществу новые, взвешенные общеобязательные подходы к проблематике «прогресса» науки и техники. Это должны быть согласованные подходы, выведенные не только из реальных научных достижений, но и из печального опыта самых трагических событий, явлений XX и XXI веков (атомные бомбардировки, создание химического и биологического оружия, да и вообще начавшаяся гонка всех невиданно опасных видов новейших вооружений и поражающих средств, экологические и многие другие катастрофы). Если скажут: ведь все это не сама наука, а ее пагубное использование, можно в ответ привести, во-первых, немало аргументов и доказательств того, что многие лучшие ученые, научные коллективы и учреждения, и как раз из наиболее продвинутых областей, были и остаются вовлеченными в процессы и структуры создания технических средств, не просто опасных, но поистине

⁵ См.: Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М., 2012. С. 160–168.

губительных для человека, человечества, планеты Земля. А, во-вторых, подтвердить: да, в самой науке и вокруг нее, вокруг сфер познания и знания и в связи с ними завязываются узлы социально-исторических структур и отношений, которые все более глубоким образом и подчас негативно воздействуют на жизнь человека, на судьбу человечества.

Одной из линий кардинального пересмотра сложившейся практики отношений отдельных людей, объединений стран, союзов государств к развитию знаний, особенно научных, как раз и должен стать тот новый сдержанный, здравый, ответственный подход к пониманию (даже и современных) *возможностей* знания, науки, который учитывает также и некоторые кардинальные, *трансторические неспособности, постоянные ограниченности человеческого познания, включая познание научное*. Это также такие исходные ограниченности, которые связаны, по моему мнению, *не только и не столько* с различиями исторических периодов или социальных систем, а с *общебытийными характеристиками человеческого мира* и человеческого знания, сохраняющимися во все времена. В самом деле, ведь в поле науки тоже существуют бытийные (зависящие от бытия, значит, от ограниченных возможностей познания и отдельного человека, и человечества как целого) негативные определенности (The Human Condition, выражаясь словами Х.Арендт). И ведь они навсегда останутся таковыми. Даже самые мощные взлеты познания не меняют сути процессов научного познания с их неизбежными, ибо бытийными, ограниченностями.

Сделаю оговорку: Теодор Ильич не применяет этих (бытийных) терминов; тут я ввожу свои формулировки. Но по сути Т.И.Ойзерман, полагаю, говорит именно о них (хотя в иных словах и терминах), имея в виду, например, развитие науки как «целесообразный исследовательский процесс, результаты которого остаются неизвестными, пока они не достигнуты. Иначе говоря, исследователь стремится добыть новые знания, но каково их содержание и значение, он может постигнуть лишь после того, как эти знания уже приобретены» (№ 220. С. 120). И нередко, добавлю, после того, как они бывают опредмечены в технических средствах, нередко смертельно опасных.

Сказанное выше, полагаю, не просто верно, но элементарно, даже банально верно. Тем более, что сюда, в это поле осложнений и трудностей, надо отнести также эффекты немалого числа конкретных социальных механизмов, способствующих сокрытию от других ученых, от более широкого сообщества совокупного смысла, в том числе, даже прежде всего, опасности уже добытых знаний – приложенных и могущих быть приложенными к соответствующим губительным для человечества средствам и т. п. Здесь объединяются всегда и в принципе неполное знание самих ученых об «эффектах» добытых ими знаний и методов (о чем пишет Т.И.Ойзерман как о невозполнимой – бытийной в моем понимании – особенности развития науки) и уже имеющиеся знания о возможных угрозах, которыми вовлеченные в социально значимые решения правящие индивиды, группы, включая некоторых ангажированных ученых, повсеместно пренебрегают. Словом, механизмы реального сдерживания в случаях восприятия и тем более использования неполного, недостоверного, даже опасного знания человеческое общество пока не научилось отлаживать и приводить в действие – как применительно к воздействиям на природу, так и в отношении технических, а также социальных процессов самого разного рода. Отсюда – необходимость всего того, о чем часто и говорит, на языке афористики, Т.И.Ойзерман в рассматриваемой части его книги. Итак, настоятельно нужны новые разработки самого

разного характера, о которых в краткой книжечке афоризмов не могла идти речь сколько-нибудь подробно. Проблемы множатся, теснятся – они трудные и неотложные. Например, при формулированиях нормативного этоса науки до сих пор даже не ставилась и не ставится перед учеными такая задача – на основе интернационально-коллективных согласований не предпринимать развертывания тех новейших исследований (скажем, в области новейших вооружений, изменения генетики человека, роковых климатических изменений и т. п.), которые грозят гибелью человеческому роду и планете Земля. Подобных норм пока нет в нынешнем составе норм науки, хотя беспокойство ученых налицо⁶.

Вводить их настоятельно необходимо, и уже «сегодня».

* * *

Небезобидные «увлечения» идейного характера, связанные с переоценкой характера и роли прогресса знания, сказались не только в научных областях, имевших прямое отношение к самой разнообразной технике, создавание и создание которой отнюдь неоднозначно сказывалось на человеческой жизни и истории.

Не подтвердившиеся и не подтверждающиеся предположения-обещания о чудодейственных-де возможностях знания, прежде всего научного, питали столь характерный для человеческой истории *социальный утопизм*. Его оценивающее рассмотрение в афоризмах-изречениях Т.И.Ойзермана тоже представляет интерес.

Вот что он пишет об утопическом восприятии и использовании знаний: «Социалисты-утописты, так же как и коммунисты-утописты, не осознавали, что предвидение отдаленного будущего человечества принципиально невозможно» (№ 216. С. 117). Утверждение сильное, категорическое. Оно, обратите внимание, относится не к (иногда сбывающимся) суждениям о достаточно близких процессах, событиях, но именно к «отдаленному будущему человечества». И все-таки относительную пользу утопий Т.И.Ойзерман видит – и неожиданно – в том, что они «служат серьезнейшим предостережением против некритического, слепого поклонения научно-техническому прогрессу» (№ 215. С. 117). К тому же утопий вряд ли возможно избежать, да и не следует к этому стремиться, полагает Т.И.Ойзерман. Ибо через утопии выражается не некая правда о будущем, а «вековечные мечты», в том числе о ведущих только к счастью научно-технических достижениях (С. 116). А они имеют свое право на существование. Другое дело, что такого полного «счастья», и только счастья, не было, не будет нигде и никогда. Иными словами, вопреки «реализму» жизни утопии непреодолимы, о чем убедительно свидетельствует история человечества. Утопии рождаются даже в недрах строгой науки! «Науки также, – напоминает Теодор Ильич, – включают в себя утопическое видение» (№ 14. С. 30). Оно имело место, например, тогда, когда геометрию Эвклида считали единственно возможной геометрией. «А разве не было утопией стремление создать *perpetum mobile*?». Но едва сказав: «утопии вдохновляют людей на борьбу за лучшее будущее», Теодор Ильич мудро добавляет: «Но нет ничего худшего, чем реализованная, претворенная в жизнь утопия» (там же). Что же касается эвристически-служебного, так сказать, значения

⁶ См. там же раздел «Историческая потребность в “неклассической” социологии науки». С. 210–213.

утопий, то их полезно изучать, полагает Теодор Ильич, как проявление «разумных вымыслов», «изобретений разума», «проекций в отдаленное будущее человеческих способностей и потребностей» (там же).

Общий вывод Теодора Ильича о заблуждениях, иллюзиях, необоснованных надеждах, связанных с действительным усилением роли и значения познания, с разрастанием индустрии знаний состоит в правильных, мудрых предостережениях. А именно: необоснованные претензии, завышенные амбиции – и не столько самой науки, самих ученых, сколько «сциентистской» идеологии – будучи помноженными (здесь – парадокс!) «на бессилие человечества перед собственной грандиозной мощью», – эти претензии и амбиции отнюдь не безобидны. Они не могут быть просто расценены как вполне извинительные «высокие заблуждения». Ибо они причастны, по оценкам Т.И.Ойзермана, к страшным бедствиям человеческой истории, например к экологической катастрофе. «Не является ли одной из главных причин современного экологического кризиса, – пишет Теодор Ильич, – присущая человечеству *mania grandiosa*, которую иной раз называют фаустовским духом и прометеизмом?» (№ 283. С. 135). Приходится оставить в стороне очень интересные актуальные добавления Т.И.Ойзермана к современной философии природы, где он обоснованно призывает повысить уважение, внимание к самостоятельности, не просто к исходному значению природы для человеческих свершений, но и, скажем так, развить умение учитывать неизбежность ее «мести» человечеству за пренебрежение ее исходным статусом, за «насилие» над природой. Что это верно и что за безудержную человеческую агрессию по отношению к природе приходится расплачиваться уже сегодня, вполне ясно.

* * *

В заключение, как и было обещано, скажу о самопересмотре, который Т.И.Ойзерман в последнее десятилетие, и в действительно почтенном возрасте, осуществил столь масштабно, глубинно, содержательно, что у доброжелательных людей это вызвало удивление и уважение.

Одно признание Теодора Ильича из его «Стариковских размышлений» поражает своей честностью и ответственностью: «Вспоминая свое многолетнее прошлое, я часто осознаю, что многое из того, что было мною сделано, написано, опубликовано, было совсем не таким, как должно. И хотя я сейчас живу, пишу и печатаю то, что *перечеркивает* *прежнее, ошибочное, догматически марксистское*, оно все равно остается моим наследием. Прошлое неустранимо» (№ 388. С. 172. Курсив мой. – Н.М.). Поверим автору в его самооценке, тем более что многие люди его поколения и поколений следующих не торопились проделать столь фундаментальную самокорректировку и тем более решиться на подобные признания. А Т.И.Ойзерман, увенчанный высокими для ученого степенями, званиями, премиями и заслуживший широкое международное признание (более 250 международных публикаций!), – так вот, ученый, философ столь высокого ранга решился на упомянутую достаточно глубинную корректировку ряда линий, акцентов своих прежних, в советское время написанных работ.

Среди его исследований последних лет – удивительно четкие и, действительно, в существенной мере самокорректирующие книги и статьи, коих набралось достаточно много (это, например, объемные монографии «Марксизм и утопизм», «Оправдание ревизионизма», «Кант и Гегель» и т. д.).

Т.И.Ойзерман в самом деле пересмотрел некоторые линии, даже отдельные фундаментальные предпосылки и выводы своих прежних, советского времени, теоретических и критических усилий. Ему, конечно, повезло в том, что поразительными, завидно плодотворными оказались для него годы, наступившие уже после его 80-летия. Теодор Ильич пребывал в сравнительно неплохом для своего возраста здравии – и, главное, по-прежнему при ясном, твердом уме и хорошей памяти. К тому же это было время – хотя и неоднозначное, противоречивое (с тенденциями все более неблагоприятными для науки, в частности, для философии), но куда более свободное для отдельных личностей – свободное от идеологического и всякого другого принуждения. А для самого Теодора Ильича оно принесло свободу от каких-либо служебных, административных и т. п. обязанностей. Можно было целиком отдаться именно работе мысли. Об этих предпосылках сам Т.И.Ойзерман сказал в своей книге просто и ясно: «В 1986 г. я стал советником РАН, т. е. фактически освободился от всех обязанностей, кроме исследовательской работы. Это сделало мои исследования еще более интенсивными...» (С. 8). О чем и свидетельствуют новые книги, статьи – а именно их поворотные (в ряде случаев критичные по отношению к прежним взглядам) идеи и методы.

* * *

Когда в 2013 году я поздравляла Теодора Ильича с 99-летием, он с грустным остроумием заметил, что в тот год был последний шанс поздравить его с датой жизни, состоящей из двух цифр. Хочется пожелать ему и нам, чтобы были трехзначные цифры и чтобы мы сами смогли принести Теодору Ильичу поздравления уже по этому поводу. А вот тут уместно привести интересные и поучительные, как я думаю, афоризмы Т.И.Ойзермана из раздела «Стариковские размышления» – размышления именно о старости. Некоторые изречения могут показаться нестарым и тем более совсем молодым людям не просто неутешительными, но и вызывающими в лучшем случае сострадание, а в худшем – брезгливое отношение к старикам и старости. И все же обратите на них внимание. Ведь они – исповедальные признания старых людей, все еще способных и к творчеству, и к саморефлексии. «Люди, – пишет Т.И.Ойзерман, – стареют по-разному. Но и у тех, которые в порядке исключения достигли этой снежной вершины, каждый новый год равнозначен двум, а то и трем годам. В старости жить трудно. Сама старость – большая трудность и, конечно, непреодолимая» (№ 362. С. 165). Да, годы старости весьма нелегки.

И все же у старости есть свои преимущества, о которых тоже исповедально пишет Теодор Ильич: «Старость отличается от молодости не только тем, что она утратила, но и тем, что она приобрела, т. е. тем, что совершенно недоступно молодым» (№ 374. С. 168). Или: «Старость – прекрасная, но слишком краткая пора человеческой жизни» (№ 397. С. 175). В несколько других словах ту же мысль выразил классик немецкой философии Норберт Хинске в таком своем афоризме: «Старость, несмотря ни на что, в высшей степени интересная фаза жизни, полная поздних прозрений и тайных взлетов; жаль только, что сначала всего этого приходится так долго дожидаться; а потом жизнь, по-видимому, заканчивается слишком быстро»⁷. Подтверждаю: все верно...

⁷ Хинске Н. Между просвещением и критикой разума. Без примечаний: афоризмы. М., 2007. С. 208.

С.Н. Корсаков, М.Г. Деборин

БОРЬБА АКАДЕМИКА А.М.ДЕБОРИНА ЗА НАУЧНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ РЕАБИЛИТАЦИЮ: ПОВЕСТЬ В ДОКУМЕНТАХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

В 1931 г. в продиктованном Сталиным постановлении ЦК ВКП(б) директор Института философии академик А.М.Деборин был ошельмован как «меньшевиствующий идеалист», весь состав Института был смнен, а А.М.Деборину по личному распоряжению Сталина было запрещено писать по философским вопросам, и ему пришлось работать в Институте истории. Все ученики и соратники академика А.М.Деборина по Институту философии были репрессированы.

Сразу после смерти Сталина А.М.Деборин начал вести трудную борьбу за свою научную и общественную реабилитацию, за отмену постановления 1931 г. Частично это ему удалось, но лишь в небольшой степени. Его ученики были посмертно реабилитированы в уголовном и партийном отношении. О них после ареста нельзя было упоминать. После четверти века замалчивания имена некоторых из них попали в энциклопедии в качестве «советских философов» наряду с такими же «советскими философами», что писали на первых доносы. Но имя учеников А.М.Деборина не было теперь замаранным ложью и клеветой. А.М.Деборин оказался в принципиально иной ситуации. Его не арестовывали и не исключали из партии. Поэтому он не подлежал ни уголовной, ни партийной реабилитации. Он боролся за реабилитацию общественную и научную. Его имя систематически обливали грязью десятки и сотни философских пропагандистов Постановления ЦК «О журнале “Под знаменем марксизма”». Все эти люди сделали на проработках научную и партийную карьеру. Поэтому борьба А.М.Деборина за свое честное имя и за правдивое освещение деятельности уничтоженных Сталиным советских философов-марксистов была неравной борьбой за отмену постановления ЦК.

Предлагаем читателям своего рода «монтаж» из документов и воспоминаний, освещающих основные этапы этой борьбы. Документы сохранились в личном архиве А.М.Деборина и предоставлены его внуком Михаилом Гавриловичем. Воспоминания о событиях тех лет оставили А.М.Некрич¹, работавший референтом у академика А.М.Деборина, и сменивший его в этой должности Е.Г.Плимак².

В отличие от его учеников самого А.М.Деборина долгое время не трогали. По замыслу кровавого «режиссера» ему отводилась одна из главных ролей в готовившемся Сталиным в последние годы жизни антисемитском процессе. Академик А.М.Деборин был снят с должности заведующего сектором новейшей истории Института истории АН СССР. Сотрудники сектора – евреи – как «неправильно подобранные» А.М.Дебориным кадры бы-

¹ См.: Некрич А.М. Отрешись от страха. Лондон, 1979. С. 15, 17–18, 19–20, 37, 38, 44, 51, 58, 67–68, 71, 77–78, 103, 106–107, 108, 110–111, 114–115, 178–181.

² См.: Плимак Е.Г. На войне и после войны. М., 2005. С. 106–115, 121–123.

ли уволены из Института. Несколько человек, ранее работавших вместе с А.М.Дебориным в Президиуме АН СССР, были арестованы. Их обвиняли в том, что они участвовали в террористической группе, задачей которой было уничтожение руководителей Академии наук. А.М.Деборин же изображался следователями МГБ покровителем этой группы. Параллельно «разрабатывалось» другое дело с теми же участниками: о «еврейской националистической группе», якобы проводившей в Академии шпионскую деятельность, организовывавшей гонения и убийства русских ученых. Грандиозный процесс не состоялся по причине смерти «режиссера». В эти годы ударной силой преследователей философа были не только Митин и компания, но также партийные чиновники из Института истории и профессиональные «борцы с космополитизмом» из Управления кадров АН СССР.

Вспоминает А.М.Некрич:

«Атмосфера в секторе новейшей истории Института истории АН СССР, в котором я был аспирантом до мая 1949 года, была напряженной: коллектив раздирался групповыми интересами и склоками. Его руководитель академик А.М.Деборин был, несомненно, выдающимся ученым, но человеком необычайно мягким, не способным совладать со строптивыми сотрудниками, каждый из которых представлял собою индивидуальность. Кроме того, он был “бит” и не единожды, и это заставляло его проявлять осторожность и инертность там, где требовалось решительное и энергичное действие. А.М.Деборин был в те годы обременен многочисленными академическими обязанностями: зам. председателя редакционно-издательского совета АН СССР, фактический редактор “Вестника Академии наук СССР” и пр. Но “меньшевистствующего идеалиста” с 1931 года не подпускали к той науке, которую он любил и где проявил свой талант.

В МГУ, в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) собирались силы самой черной реакции, готовившие нападение и расправу над своими коллегами и конкурентами, занимавшими ключевые позиции в области истории СССР в московских учебных заведениях и научных учреждениях. Эти силы возглавлялись проректором Московского университета профессором А.Л.Сидоровым. Разумеется, все действия Сидорова и других партийных шовинистов санкционировались ЦК ВКП(б). Кампания против космополитов заставила меня глубоко и серьезно задуматься над тем, что происходит в нашей стране.

Был получен приказ провести общеинститутское собрание по вопросу о космополитизме. Заседание происходило в конце марта 1949 г. в малоприспособленных залах Отделения исторических наук, которые никак не могли вместить всех желающих. При помощи радиотрансляции дело было выправлено. Активнейшим “борцом” на этом собрании был Аркадий Лаврович Сидоров. Речь Сидорова была построена по лучшим “образцам” обвинительных речей прокурора Вышинского.

Несколькими днями позже распространился слух, что Деборин, как и ряд других сотрудников, увольняется из Института. И это действительно произошло. Однако Деборин был скоро восстановлен в Институте, но на этот раз уже не в качестве заведующего сектором, а лишь старшим научным сотрудником.

Положение в секторе новейшей истории изменилось довольно радикально. Руководителем сектора был назначен Федор Васильевич Потемкин, историк Франции первой половины XIX века. Потемкин был очень далек от проблем новейшей истории. Однако он усвоил твердо: сектором до него руководил академик А.М.Деборин, следовательно, в секторе готовилась порочная продукция. Новый руководитель сектора заявил, что у сектора не будет возможности взять аспирантов на работу после окончания срока аспирантуры.

Осенью того же года А.М.Деборин предложил мне работать у него частным образом референтом. С радостью и благодарностью я принял его предложение. Работа моя заключалась в реферировании и составлении кратких обзоров по зарубежной литературе в области современных политических учений. Сотрудничество

у А.М.Деборина было для меня очень полезным, так как значительно расширило мой кругозор. Кроме того, Абрам Моисеевич рассказывал мне много интересного из истории своей жизни. В начале 1950 г. Деборин получил от Президиума Академии наук половину ставки младшего научного сотрудника для своего референта. С 1 марта того же года я был зачислен на эту должность в штат Института истории. Еще спустя год мне была дана полная ставка. Началась самостоятельная научная работа. Я перестал быть референтом Деборина, но тесные дружеские отношения сохранились у нас до его кончины.

Летом 1951 года к нам пришла группа выпускников Академии общественных наук – человек шесть. Надо было подыскивать оканчивавшим Академию – этому “золотому фонду нашей партии” (Г.Маленков) – другое занятие. И оно нашлось – общественные науки. Следует тут же сказать, что введенные в 1947 году новые ставки оплаты научных сотрудников резко улучшили их материальное положение. Поэтому научно-исследовательские институты все чаще начали привлекать внимание тех, кто стремился к не очень обременительной (с их точки зрения), но материально обеспеченной жизни. Одним из них был Борис Николаевич Крылов: жестокий, честолюбивый и ничем не брезгающий ради достижения поставленной цели. Постепенно Крылов сколотил вокруг себя группу, так сказать, “истинных партийцев”, в которую он вовлек и некоторых других сотрудников. Их главная деятельность заключалась в том, что они постоянно “сигнализировали” во все вышестоящие инстанции о “неблагополучии” в секторе и в Институте, создавая тем самым атмосферу подозрительности и недоверия.

Еще более мрачным оказалось начало нового, 1953 года. Было опубликовано сообщение о врачах-отравителях. Руководство Института получило указание составить списки подлежащих увольнению.

Стало известным, что в скором времени Президиум Академии наук заслушает доклад нашей дирекции и что разгромное решение уже подготовлено. Пока в инстанциях уточнялся вопрос “кого куда” и готовилось постановление Президиума Академии наук, которое должно было придать видимость законности всему делу, произошло событие, которое круто изменило всю ситуацию. 5 марта 1953 года умер Сталин.

Не так-то просто застопорить машину, работающую на полную мощность. Давно готовившееся постановление Президиума Академии наук вынырнуло на свет божий спустя всего две недели после смерти вождя. И появилось в том самом виде, в котором готовилось в последние недели его жизни».

В марте 1953 г. А.М.Деборина исключили из членов ученого совета Института истории. 20 марта 1953 г. на специальном заседании Президиума АН СССР должна была обсуждаться его «враждебная деятельность». Зам. начальника Управления кадров АН СССР В.А.Виноградовым была подготовлена тенденциозная справка об А.М.Деборине, которая легла в основу проекта постановления Президиума АН СССР:

Справка зам. начальника Управления кадров АН СССР.

«А.М.Деборин с 1943 г. в Институте истории АН СССР зав. сектором, но за неудовлетворительное руководство научно-исследовательской работой сектора и неправильный подбор кадров в июне 1949 г. отстранен от этой должности и переведен в старшие научные сотрудники. Дирекция Института истории характеризует работу Деборина резко отрицательно. Многие работы Деборина содержат грубые политические ошибки меньшевиствующе-идеалистического толка. Подвергался критике как редактор I тома “Трудов” по новой и новейшей истории за содержащиеся в “Трудах” ошибки буржуазно-объективистского характера. До настоящего времени не выступил с критическим разбором своих ошибок в прошлом. За последние десять лет опубликовал восемь журнальных статей и три газетных и ни одной крупной работы».

20 марта 1953 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, посвященное разбору персонального дела А.М.Деборина. Директор Института истории АН СССР А.Л.Сидоров озвучил подготовленный проект постановления:

«В Институте истории имеется засоренность кадров. В Институте работает ряд лиц, привлекавшихся в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, примыкавших ранее к враждебным партиям и группам. К сожалению, я должен указать и имя тов. Деборина, длительное время ведшего пропаганду меньшевистствующего идеализма, который в своей научной продукции, опубликованной в последнее время, не показал, что он решительным образом преодолел старые недостатки».

А.М.Деборин выступил с резким протестом против подготовленного проекта постановления Президиума АН.

Выступление А.М.Деборина на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

«На странице шестой проекта постановления сказано: “В Институте работает ряд лиц, привлекавшихся в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, принадлежавших ранее к враждебным партиям и группам”. Деборин в их числе! Выходит, что академик Деборин привлекался в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность – по крайней мере, так построен этот абзац.

Я спрашиваю: откуда взяты такие сведения? Уже неоднократно аппарат Президиума ошибался, и в данном случае мне это совсем непонятно. Ведь это же прямо меня потрясло. Откуда взяты такие вещи?

Далее. Да, верно, я был меньшевиком. Но ЦК принял меня в члены партии без прохождения кандидатского стажа специальным постановлением. Значит, знали в ЦК, что я был меньшевиком.

Далее – меньшевистствующий идеализм. Неправильно говорили здесь тов. Сидоров и другие, что я не написал ничего, где бы я не раскрыл свои ошибки. Нет, после этого я написал книжку “Маркс и современность”, которая была выпущена со специальной санкции ЦК. После этого я написал другую работу о проблеме познания у Ленина и ряд других работ. Из последних моих работ, которые неизвестны, потому что не читают, а только ведутся разговоры чисто абстрактные – “Деборин, давай его критиковать!”, и в последнее время я напечатал ряд работ, не говоря уже о крупных работах, которые я подготовил к печати, как “Идеология германского империализма” в 1946 г.

Можно принять те или иные решения в отношении Деборина, но факты не должны быть фальсифицированы.

Кроме того. После того, как я сделал крупнейшие ошибки в области философии по части меньшевистствующего идеализма, я был избран членом Президиума АН и академиком-секретарем сначала целых трех Отделений, потом одного Отделения, в какой должности я пробыл с 1934 по 1942 г. И теперь на 25-м году пребывания моего в составе Академии, извольте видеть, мне преподносят подарочек: Вы такой, сякой и т. д., и т. д. Меня десятки лет знают академики и члены Президиума, сидящие за этим столом. Откуда же вдруг всплыли такие факты? Очевидно, здесь был другой умысел».

А.М.Деборин прозрачно намекал на соответствующие сценарные «заготовки» органов МГБ, по которым недавно уже был арестован его коллега по сектору академик И.И.Майский и Б.Е.Штейн.

После речи А.М. Деборина в наступление перешли Б.Н.Крылов и А.Л.Сидоров. Они обвиняли старого академика в том, что он всегда и везде вел себя как ученый, а не как интриган, который на проработках и страданиях других строит свою карьеру.

Выступление ст. н. с. Института истории Б.Н.Крылова на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

«Слабая борьба против буржуазных взглядов в исторической науке – центральный недостаток сектора новейшей истории Института истории. У нас в Институте иногда складывается такое мнение, что в области исторической науки, особенно новейшего периода, можно очень много спорить, как в области чистой науки, что может быть расхождение мнений по тому или иному вопросу, по тем или иным исто-

рическим фактам и событиям, что автор может согласиться, а может и не согласиться с той или иной точкой зрения оппонента. И в итоге имеют место выпуски работ, где остаются подвергшиеся суровой критике недостатки. Чем объяснить иначе, что в секторе новейшей истории вышла работа Штейна, были рекомендованы к печати работы Майского, Некрича. Объясняется это тем, что спор вокруг этих работ, критика недостатков шли на недостаточном политическом уровне. А некоторые наши старые ученые, надо сказать, к сожалению, смотрели на эту борьбу как на борьбу мнений в области чистой науки.

Вот, мне думается, один из пороков нашей деятельности состоит в том, что не поднимаем борьбы на научном фронте до уровня политической и идеологической борьбы. Иной раз не замечаем, что за этой борьбой мнений стоит серьезная идеологическая борьба, отражающая классовую борьбу на международной арене сегодня. И пока не переломим общественного мнения Института, что нужно научные споры рассматривать с точки зрения идеологической борьбы, пока не убедим общественного мнения, что всякое распространение буржуазных, антимарксистских взглядов есть враждебная деятельность скрытого характера. В сегодняшнем докладе этот вопрос был недостаточно подчеркнут. Майский оказался врагом, но наши выступления против его враждебных взглядов не поддерживались ни дирекцией, ни партбюро.

В этой связи я хотел сказать в адрес тов. Деборина. Я не читал Ваших ранних работ, но хочу говорить о Вашей практической деятельности в партийной организации сектора новейшей истории, в нашем коллективе. Где Вы были, когда спорили с Майским, с Некричем, где выступали против Турок-Попова, где Вы были, когда шел спор вокруг работ Штейна? Во всех этих спорах вскрывались серьезные политические ошибки; это серьезная форма идеологической борьбы. Занимали ли Вы правильную позицию, которая помогала бы нашим молодым коммунистам, молодым научным работникам разобраться в остроте этой политической борьбы? Вы были в нетях. И поэтому, несмотря на публикацию той или иной работы, Вы несете как коммунист и старый ученый прямую ответственность за то, что творилось в секторе. Мне думается, пора сказать это именно с этой высокой трибуны. Не может быть безответственных людей в нашей научной практике, а Вы все-таки остались таковым, тов. Деборин!».

Выступление А.Л.Сидорова на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

«Я должен ответить А.М.Деборину, я должен извиниться, что есть редакционная неточность, которая искажает смысл. Но ведь Ваши меньшевистские идеалистические взгляды причинили огромный вред не только у нас внутри страны, но и в международном рабочем движении. Об этом каждый прочтет, открыв книжку Мао Цзэ-дуна. Вы должны об этом помнить, Вы забывать об этом не должны. Ваше положение в Институте, в секторе должно быть совершенно другим. Вы должны быть воинствующим ленинцем и сталинцем в борьбе за линию партии. Почему бы Вам не найти общего языка с теми кадрами, которые взяли правильный политический курс в работе сектора, которые борются за подъем идеологической работы в секторе, а Вы становитесь к ним в оппозицию. А Вы рисуете теперь картину, что Вы всем недовольны, что против Вас ведется какая-то кампания. Вы обязаны, прежде всего, изменить Ваше отношение к тем задачам, которые стоят перед Институтом».

А.М.Деборин выслушал ожесточенные нападки и отверг все обвинения. Он заявил следующее: «Я действительно в качестве члена сектора не принимал или принимал мало участия в работе сектора. Почему? Сектор не признает меня своим членом; никаких работ, которые подлежат обсуждению, мне не посылают. Я предлагал взять на себя разоблачение идеологии империализма в тех трех томах, которые посвящены новейшей истории – это было отвергнуто³. Обратились в Институт философии. Представленная мной работа была отвергнута. Я обращался к руководителям сектора с предложением сделать на секторе несколько докладов по вопросам иде-

³ Имеется в виду план-проспект многотомной «Всемирной истории», подготовленный в 1953 г. в Институте истории.

ологии. Это было отвергнуто. Об этом я своевременно сообщал дирекции. Значит, нежелательно мое участие, не принимают моих работ. Так о чем же говорить? Зачем же выступать и жаловаться, что Деборин не принимает участия».

В итоге никакого решения не было принято. Особенность ситуации состояла в том, что заседание происходило в обстановке всеобщей неопределенности: уже после смерти Сталина, но еще до опубликования правительственного сообщения о реабилитации «врачей-вредителей» от 4 апреля 1953 г., в корне изменившего общественную атмосферу. Поэтому заседание, задуманное как первый акт расправы над старым академиком-марксистом, стало первым актом его долгой и трудной борьбы за научную и общественную реабилитацию.

Смерть Сталина открыла перед А.М.Дебориным возможность апеллировать в ЦК КПСС. Он написал возмущенное письмо зав. Отделом науки ЦК КПСС А.М.Румянцеву.

А.М.Деборин – А.М.Румянцеву. 2 апреля 1953 г.

«Зав. Отделом исторических и экономических наук ЦК КПСС

т. Румянцеву А.М.

Глубокоуважаемый Алексей Матвеевич!

Инцидент, имевший место на заседании Президиума Академии наук 20 марта так меня потряс, что я решил обратиться к Вам с настоящим заявлением в надежде, что Вы не оставите его без должного внимания.

В проекте Постановления Президиума АН о научной деятельности и состоянии кадров Института истории совершенно голословно утверждалось, что я, якобы, привлекался к судебной ответственности за антисоветскую деятельность.

Нет надобности доказывать, что я никогда не занимался антисоветской деятельностью и, следовательно, никогда не привлекался к судебной или иной ответственности. Подобное обвинение представляет собой сознательный подлог, вопиющую клевету, неслыханное надругательство над членом партии. Этот поход против меня имеет своей целью политически меня скомпрометировать, чтобы лишить меня возможности работать.

Не присутствуй я на Президиуме 20 марта, поднятая против меня ужасающая клевета была бы закреплена в ответственном документе АН. Как бы то ни было, меня опозорили, и так как от всякой клеветы что-нибудь да остается, то клеветники своей цели достигли. Казалось бы, за ложную информацию, при которой на карту поставлены доброе имя советского гражданина, политическая честь человека, следовало привлекать виновных к суровой ответственности. К сожалению, такие проступки остаются безнаказанными.

Неудовлетворительную работу Института истории в 1951–1952 гг. хотят оправдать ошибками Деборина, насчитывающими давность в четверть века, а то и в три с половиной десятка лет... Засоренность Института демонстрируется на примере Деборина.

Я работаю в Академии наук около 25 лет в качестве действительного члена, и на протяжении этого времени я занимал ряд ответственных руководящих постов. Я был членом Президиума АН и академиком-секретарем сначала Отделения общественных наук, куда входили все гуманитарные Институты, а позже – Отделения истории и философии, проработав на этих постах два срока – восемь лет. Я состоял ответственным редактором журнала «Вестник Академии наук СССР» в течение десяти лет, из них все военные годы. Журнал под моим руководством стал ярко выраженным патристическим органом. За эту мою работу я удостоился особой благодарности Президиума АН.

За последние годы я написал большую работу на очень актуальную тему. Работа эта посвящена политическим доктринам нового и новейшего времени и состоит из трех томов, общим объемом в сто десять печатных листов. Злостная клевета и ложь о том, что я, будто, не выполняю плана, сопровождаются фактами, но они нужны были для того, чтобы оправдать исключение меня из ученого совета Института и ряд других репрессивных мер.

В моей большой монографии, как и во всякой другой работе, имеются, разумеется, недостатки. Но надо принять во внимание, что это первая попытка дать в широком историческом плане критический обзор основных политических учений и показать, как надо всеми ими высоко поднимается социально-политическая философия наших гениальных учителей.

2.04.1953 г.

А.Деборин».

Вслед за тем А.М.Деборин обратился с письмом непосредственно к новому руководителю партии. Это первое письмо А.М.Деборина Н.С.Хрущеву по вопросу его научной и общественной реабилитации.

А.М.Деборин – Н.С.Хрущеву. 9 апреля 1953 г.

«Заявление

Пользуясь предоставленным членам партии правом обращаться с любым вопросом и заявлением в ЦК Коммунистической партии, я решил обратиться к Вам с настоящим заявлением по наболевшему и волнующему меня вопросу.

Я состою действительным членом АН СССР без малого четверть века. За время моего пребывания в АН я занимал ряд руководящих должностей. В должности члена Президиума АН я проработал два академических срока – восемь лет. В течение этого времени я состоял академиком-секретарем сначала Отделения общественных наук, в состав которого входили все гуманитарные институты, а затем, после разукрупнения этого Отделения, академиком-секретарем Отделения истории и философии. На протяжении двадцати лет я состоял членом Редакционно-издательского совета АН, выполняя в нем руководящие функции. В течение десяти лет я редактировал общенаучно-академический журнал “Вестник Академии наук СССР”. Журнал под моим руководством стал – особенно в годы Великой Отечественной войны – ярко выраженным патриотическим органом печати. За эту мою работу в качестве редактора журнала я удостоился особой благодарности Президиума АН.

В настоящее время я состою старшим научным сотрудником Института истории АН. В проекте постановления Президиума о научной деятельности и состоянии кадров Института совершенно голословно утверждалось, будто я привлекался к судебной ответственности за антисоветскую деятельность. Нет надобности доказывать, что я никогда не занимался антисоветской деятельностью и, следовательно, не привлекался к судебной или иной ответственности. Эта ложь и возмутительная клевета понадобилась определенной группе работников академического аппарата для того, чтобы меня скомпрометировать политически и тем самым лишить возможности работать на благо моей Родины. Выдвинутое против меня обвинение представляет собой сознательный подлог, вопиющую клевету, надругательство над честным и преданным всей душой и всеми помыслами священным идеалам нашей Великой партии советским гражданином. Не присутствуя я на заседании Президиума АН 20 марта, эта ужасная клевета была бы закреплена в ответственном документе АН. Хотя клевета эта в окончательном тексте постановления и была снята, тем не менее меня опозорили и, т. к. от всякой клеветы, как говорит пословица, что-нибудь да остается, то цель, которую преследовали клеветники, ими была достигнута.

Казалось бы, за ложную информацию и клевету, которые позорят доброе имя и политическую честь советского гражданина и к тому же члена партии, следует привлекать к суровой ответственности, однако, в Академии такие проступки остаются безнаказанными.

Эта клевета является одним из звеньев той кампании, которая ведется против меня в течение последних трех лет и которая привела к исключению меня из ряда учреждений, в которых я работал ряд лет.

Для иллюстрации унижительного положения, в которое я поставлен, я позволю себе следующий факт. Академик Б.Д.Греков в течение ряда лет был моим заместителем по руководству Отделением истории и философии. Когда в 1952 г. он праздновал свое семидесятилетие, то под адресом, поднесенным ему от имени Отделения, членом которого я состою, мне не дали поставить мою подпись.

В постановлении Президиума я фигурирую в числе сотрудников Института истории, которые, как там сказано, “в течение последних десяти лет не дали серьезных научных работ, а подготовленные ими некоторые рукописи при проверке оказались недоброкачественными и порочными”. Это утверждение в отношении меня является ложным. Во-первых, ни одна моя рукопись не была признана “недоброкачественной и порочной”. Во-вторых, неверно, будто я не дал серьезных научных работ. Не далее как в начале января текущего года я представил в Институт истории большую монографию в трех томах, общим объемом в сто десять печ. листов.

Но этот факт упорно замалчивается, дабы иметь возможность твердить о том, что я не выполнил плана и не дал работ. Я против этого замалчивания неоднократно протестовал. В начале января текущего года бывший зам. директора Института истории тов. Утченко письмом на имя Президента подтвердил факт сдачи мною рукописи. Но наши протесты ни к чему не привели.

Кроме этой большой работы, я в 1945–1946 гг. написал книгу на тему “Идеология германского империализма”, объемом в 25 печ. листов. Книга была набрана и даже сверстана, но в последний момент с производства по распоряжению неизвестных мне лиц снята. Книга никогда и никем не была признана “недоброкачественной и порочной”. “Секрет” снятия книги с производства мне до сих пор не известен.

Наряду с указанными работами мною напечатан ряд журнальных статей. Среди них: “Пангерманизм и гитлеризм”, “Ньютон в истории культуры”, “Франсуа-Мари Вольтер”, “Страх – основа идеологии империализма” и др.

Следовательно, решение Президиума и в этой части не соответствует действительности.

Кампания лжи, подтасовки фактов, злостной клеветы преследует определенную цель: сделать невозможным мое посильное участие в строительстве коммунизма, в работе на благо нашего народа. Ближайшая цель – это изгнание меня из последнего места моей работы – из Института истории. В этих целях меня исключили из состава Ученого совета Института, подготавливая условия для исключения меня из состава научных сотрудников Института.

На основании изложенного я обращаюсь к Вам, дорогой Никита Сергеевич, с просьбой: 1) о пересмотре постановления Президиума АН от 20 марта с. г. в части, касающейся меня, как не соответствующего объективным фактам; 2) о привлечении к ответственности работников академического аппарата, допустивших против меня злостную клевету, порочащую мою политическую честь.

Единственное мое желание – иметь возможность принести нашему народу ту долю пользы, на которую я способен.

9 апреля 1953 г.

А.Деборин».

На письмо А.М.Деборина была наложена стандартная резолюция.

Резолюция Г.М.Маленкова

«Считаю, что следует поручить тт. Суслову М.А., Поспелову П.Н. рассмотреть заявление т. Деборина и доложить свои предложения.

Г.Маленков».

Тем временем вопрос о Деборине был вынесен на общее собрание сотрудников Института истории АН СССР.

Вспоминает А.М.Некрич:

«Постановление Президиума Академии наук обсуждалось на общем собрании сотрудников Института 13 апреля 1953 года, т. е. спустя 10 дней после известного коммюнике, что дело врачей-отравителей было провокацией “бывшего руководства министерства государственной безопасности”. Естественно поэтому, что значение постановления в смысле непосредственной угрозы увольнения упомянутых в негативном плане сотрудников уменьшилось. Драматическим моментом во время заседания было выступление старика Деборина. Никогда до тех пор и никогда позднее я не слышал такого раскованного и резко выступления Абрама Моисеевича. Он, казалось, преобразился. Деборин стоял на трибуне взволнованный, нет, скорее гневный,

и отметал одно за другим все предъявленные ему обвинения. “Все это ложь!”, – воскликнул он с возмущением и, сойдя с трибуны, пошатываясь, прошел вдоль стены зала к выходу. Я боялся, что у него лопнет сердце или случится удар, но, по счастью, ни того, ни другого не произошло. Многие упомянутые в постановлении коллеги протестовали в Президиуме Академии, где была создана специальная комиссия по апелляциям. Ведь тоже знамение времени! В сталинские времена, еще месяц-другой назад, никакой комиссии бы не было».

Однако первая попытка А.М.Деборина восстановить свое доброе имя была отбита партийными чиновниками, не отступившими ни на шаг от сталинского постановления ЦК о «меньшевиствующем идеализме» 1931 г.

Отдел науки ЦК КПСС – Н.С.Хрущеву. 8 мая 1953 г.

«Акад. Деборин А.М. прислал в ЦК КПСС письмо, в котором он просит дать указание Президиуму АН СССР пересмотреть пункт постановления Президиума от 20 марта с.г., относящийся к оценке его научной работы, и привлечь к ответственности работников аппарата Президиума АН якобы за злостную клевету, позорящую его “доброе имя и политическую честь”.

А. Деборин пишет о своей плодотворной научной деятельности за последние годы и считает, что упоминание его фамилии в постановлении Президиума АН в числе работников, не дающих в течение многих лет доброкачественных научных работ, является одним из звеньев клеветнической кампании, ведущейся против него в течение последних лет.

Проведенная Отделом науки ЦК КПСС проверка фактов, изложенных в указанном письме, показала необоснованность требований Деборина об отмене пункта постановления Президиума АН, касающегося оценки его научной работы, а также наказания работников аппарата Президиума якобы за клевету.

Оценка научной деятельности акад. Деборина, данная в постановлении Президиума АН, соответствует действительности. Общеизвестно, что Деборин являлся одним из главных проповедников меньшевиствующего идеализма. Меньшеvistские “теории” Деборина нанесли вред не только Коммунистической партии Советского Союза, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, пишет тов. Мао Цзэ-дун: “Идеализм Деборина оказал крайне вредное влияние на некоторых членов Коммунистической партии Китая, и следует сказать, что догматические взгляды в нашей партии связаны с методологией этой школы” (Избр. соч. Т. 2. С. 409).

Акад. Деборин утверждает, что своей плодотворной организационно-научной и исследовательской работой он искупил свою вину перед партией. Однако это утверждение противоречит фактам. В течение шести лет (1943–1949 гг.) он возглавлял сектор новейшей истории Института истории. Но вследствие слабого руководства сектором и неправильного подбора кадров сектор все эти годы работал совершенно неудовлетворительно. Деборин был освобожден от руководства сектором как не справившийся со своими обязанностями. Он не справился также с работой зам. председателя Редакционно-издательского совета АН СССР (1937–1950 гг.). В деятельности Совета за эти годы (Деборин являлся его фактическим руководителем) наблюдались серьезные ошибки и крупные провалы. Не оправдал себя Деборин и как научный работник. За последние годы он опубликовал несколько легковесных журнальных статей; некоторые из них содержат серьезные недостатки. Например, в статье “Поход поджигателей войны против национального суверенитета” (Вопросы философии. 1951. № 6) ни слова не говорится о противоречиях между капиталистическими державами. Подготовленная Дебориным книга “Идеология германского империализма”, набранная уже в типографии в 1948 г., была снята с производства по предложению дирекции Института истории, а набор книги рассыпали ввиду ее недоброкачественности.

В 1952 г. А. Деборин представил в дирекцию Института истории рукопись “Политические доктрины нового и новейшего времени” (около 100 печ. л.). Рассмотрение этой рукописи с привлечением группы специалистов из Института философии АН СССР показало, что она содержит в себе серьезные ошибки и недостатки.

А.Деборин в своей рукописи пересказывает работы многих буржуазных социологов без обоснованной их критики и разоблачения, он часто скатывается на позиции буржуазного объективизма. В работе Деборина имеется ряд неправильных утверждений, множество неряшливых формулировок и т. д. Например, он утверждает, что взгляды Локка, Спинозы и французских просветителей XVIII в. Монтескье и Руссо, являющихся, как известно, идеалистами в объяснении общественных явлений, “вошли в преобразованном виде в политические воззрения марксизма-ленинизма”.

Автор отрывает теорию от практики в деятельности партии, отрывает марксизм от философии диалектического материализма, дает свое неверное определение ленинизма: “Ленинизм, – пишет Деборин, – есть продолжение марксизма, т. е. применение марксистских принципов к условиям новой эпохи”.

По общему мнению специалистов работа А.Деборина не является научным исследованием, а лишь наспех собранным сырым, необработанным материалом. В настоящее время она совершенно непригодна к печати.

Акад. Деборин вызывался для беседы в Отдел наук ЦК КПСС. Считаю возможным закончить на этом рассмотрение его письма.

А.Румянцев

А.Лихолат».

8.5.1953 г.

Партийные чиновники считали так, но не А.М.Деборин. Через год он направил свое второе письмо в Президиум ЦК КПСС.

А.М.Деборин – Президиуму ЦК КПСС. 14 октября 1954 г.

«Я считаю своим партийным и гражданским долгом поставить ЦК КПСС в известность относительно того тяжелого положения, в котором я нахожусь в течение ряда лет. Я подвергнут самому тяжелому наказанию – общественному ostrакизму.

Я фактически отрезан от советской общественности: меня вывели из всех учреждений, в которых работал много лет и которым принес немало пользы. Из Ученых советов Институты я исключен, даже из Института истории, научным сотрудником которого я состою. Мои работы (не считая мелких, которые время от времени с большим трудом удается поместить) не печатаются не потому, что они были ошибочны, а лишь потому, что я являюсь их автором. На каждом шагу мне приходится убеждаться в том, что я ограничен в правах советского гражданина, хотя я никакого преступления не совершил. Если у меня и были те или иные ошибки теоретического характера (у кого их не было?) четверть века тому назад, но эти ошибки во всяком случае не были более тяжелыми, чем ошибки многих и многих товарищей, занимающих ответственные посты и награжденных орденами за выслугу лет и безупречную работу.

Ввиду сложившихся обстоятельств я считаю необходимым сказать о себе несколько слов, чтобы хоть отчасти устранить те превратные представления, которые под влиянием клеветы бродят в некоторых умах.

Я вступил в революционное и рабочее движение еще в конце прошлого столетия. Начиная с 1898 г. я вел социал-демократическую пропаганду в различных городах России, за что в 1901 г. был выслан в административном порядке. В 1902 г. я был арестован в г. Ковно и отдан под надзор полиции. В 1903 г. вынужден был выехать за границу. В 1906 г. начинается моя научно-литературная деятельность. В 1907–1908 гг. я написал большой труд под названием “Введение в философию диалектического материализма”.

Я горжусь тем, что Ленин в 1909 г. счел возможным остановить свое внимание на моей юношеской работе “Диалектический материализм” и конспектировать ее⁴. Ленин совершенно правильно критикует меня за тяжеловесный язык и неудачную философскую терминологию. Но никакого отступления от марксизма или материализма он у меня не нашел. Напротив того, по основным вопросам он находит мою позицию правильной.

⁴ Имеется в виду известный конспект Ленина из «Философских тетрадей».

В 1931 г. мои взгляды были квалифицированы как “меньшевиствующий идеализм”, и все мои многочисленные работы были, без всякого разбора, изъяты из обращения. Несмотря на признание мною ошибок, я был лишен права преподавания, меня перестали печатать. Это фактически продолжается до настоящего времени, т. е. двадцать три года. Какие только перевороты не произошли за это время!

В январе 1953 г. я сдал в Институт истории обширную монографию в трех томах под названием “Социально-политические доктрины нового и новейшего времени”. Труд мой не был даже зарегистрирован в качестве выполненной по плану работы. Но это не помешало руководству Академии наук и Институту истории замолчать факт представления работы и подвергнуть меня острой критике... за непредставление работ.

С первого дня моего вступления на общественную арену и до сегодняшнего дня у меня было лишь одно стремление – пропагандировать и популяризировать учение марксизма в области теории и отдать свои силы борьбе за победу коммунизма, в чем я видел смысл своей жизни. Беспристрастное изучение моих работ свидетельствует об этих моих целях.

Вышедшие при жизни Владимира Ильича мои работы ему были хорошо известны. По его указанию в 1921 г. было переиздано мое “Введение в философию диалектического материализма”, которое также было изъято из обращения в 1931 г.

Мною было напечатано также много работ по вопросам материалистической диалектики, ее защите от возможных извращений. Я – первый в советской литературе выступил с пропагандой ленинского учения о так называемом кризисе физики. Этому вопросу был посвящен мой первый доклад в АН (причем это был в стенах АН вообще первый марксистский теоретический доклад), а также доклад на Второй Все-союзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений в апреле 1929 г. на тему “Современные проблемы философии марксизма”. Доклад был в основном посвящен вопросам естествознания в свете материалистической диалектики. Мне нечего стыдиться всех этих работ.

Новая глава в моей работе начинается с появления на исторической арене фашизма. В марте 1933 г. я выступил в Коммунистической академии с разоблачением разбойничьей идеологии фашизма. В предвоенное время я опубликовал в газетах и журналах ряд статей, в которых клеймил фашизм.

На протяжении четверти века я состою членом АН СССР. Я принимал активное участие во всей работе АН, вложив немало труда в дело преобразования старой Академии в советскую. За время моей деятельности я не подвергался никаким партийным взысканиям. Я проработал членом Президиума Коммунистической академии в течение ряда лет, членом Президиума АН СССР я состоял в течение восьми лет, возглавляя Отделение общественных наук.

Меня обесславили идеалистом и гегельянцем. Ирония судьбы! Следуя за Марксом, Энгельсом и Лениным, именно я подверг идеализм и гегельянство наиболее острой критике. Никто никогда не подвергал мои работы научной критике, ограничиваясь огульным обвинением всего того, что написано мною, идеалистическим. По-видимому, на этом основании запрещена даже моя “История материализма XVII–XVIII вв.”.

Обстановка в последние годы сложилась для меня крайне тяжелая. 20 марта 1953 г. на заседании Президиума АН был роздан проект постановления, в котором я был оклеветан как человек, якобы привлекавшийся к судебной ответственности за антисоветскую деятельность. В проекте постановления было также сказано, что я не дал работ. И это в то время, когда я сдал три тома монографии, и в то время, когда меня не печатают сознательно и преднамеренно.

9 апреля 1953 г. я обратился с жалобой к Первому секретарю ЦК КПСС т. Н.С.Хрущеву. Но, судя по всему, мое заявление не дошло до т. Хрущева.

Примерно через месяц после подачи заявления я был вызван в ЦК, где был принят тт. Хрустовым⁵ и Лихолатом. Мне было заявлено, что к моему заявлению отнеслись с вниманием, что были проверены факты клеветы и что представленная мною работа была прорецензирована несколькими товарищами, от которых поступили якобы неблагоприятные отзывы.

⁵ *Хрустов Федор Дмитриевич* (1906–1994), полковник, кандидат философских наук, первый зам. зав. Отделом науки ЦК КПСС.

По вопросу о клевете т. Хрустов “признал”, что это де была “ошибка” машинистки, иначе говоря, он взял под защиту клеветников.

На мои настоятельные просьбы дать мне для ознакомления полученные на мою работу рецензии, мне даны были обещания, но никаких рецензий я не получил до сего дня... за отсутствием таковых. Только недавно я узнал от директора Института истории тов. А.Л.Сидорова, что рукопись никому на рецензию послана не была, что она лежит по сей день (год и десять месяцев!) без движения. Следовательно, мне была дана ложная информация, и вся беседа носила лицемерный характер. Такое обращение я считаю издевательством над человеком и членом партии, тем более недопустимым, что тов. Хрустов действовал не от своего имени (я к нему не обращался), а от имени самого высокого партийного учреждения.

Я подвергаюсь бойкоту со всех сторон. Каждый старается ущемить, унижить, оскорбить меня. Любопытный факт! Редакция “Большой советской энциклопедии” (второе издание) вычеркнула меня из списка лиц, отмечаемых в энциклопедии. Это тем более “странно”, что я фигурировал во всех прежних справочниках и что я фигурирую издавна во многих иностранных справочниках. Следует иметь в виду, что в “Большой советской энциклопедии” “увековечиваются” имена провокаторов (например, Азефа), иностранных разведчиков (английского разведчика Лоуренса), идеалистов и мистиков (например, Лосского – эмигранта и врага Советского Союза). Таких примеров можно привести много. Но для советского ученого, имеющего множество научных работ, переведенных на многие иностранные языки, члена партии, академика – в Советской энциклопедии места не нашлось⁶.

К величайшему моему сожалению, настоящее заявление содержит в себе некий оттенок самовосхваления. Но это неизбежно, когда речь идет о необходимости самозащиты. Все мои утверждения могут быть при желании проверены.

Мною подготовлены к печати два тома моего труда “Социально-политические доктрины Нового времени”. Основная идея этого труда сводится к истории приготовления, возникновения и формирования научного социализма. Автор стремился показать, что марксизм представляет собой необходимый результат всего предшествующего хода исторического развития.

Ввиду моего преклонного возраста и плохого здоровья у меня нет надежды, что мне удастся опубликовать работу при жизни или вообще издать ее без помощи ЦК.

Итак, после полувековой литературно-научной деятельности и четвертивековой беспорочной работы в Академии наук СССР я фактически отрезан, изолирован от советской научной и всякой другой общественности, являясь объектом бойкота.

И если я все еще работоспособен и не пал окончательно духом, то это объясняется тем, что меня поддерживает горячая любовь и преданность моей социалистической Родине, несокрушимая вера в истинность марксизма-ленинизма, которому я предан с юношеских лет, вера в неминуемое торжество коммунизма во всем мире, вера в высокую мудрость партии, к которой я имею счастье принадлежать.

А.Деборин».

А.Румянцеву и А.Лихолату, которые были уверены, что рассмотрение вопроса о Деборине закончено, пришлось писать новую докладную записку в ЦК с оправданием занятой Отделом науки негативной позиции в отношении академика, повторяя в очередной раз ложь из старой «заготовки» Управления кадров АН СССР.

Отдел науки ЦК КПСС – секретарю ЦК КПСС П.Н.Поспелову. 30 декабря 1954 г.

«В своем повторном письме в ЦК КПСС ак. Деборин А.М. жалуется на то, что он якобы ограничен в правах советского гражданина и “подвергнут общественному ostrакизму”, что не печатают его работ и не признают его заслуг в развитии марк-

⁶ Символично, что биография А.М.Деборина была включена в 51-й, дополнительный том второго издания БСЭ, выпущенный в 1958 г., главным образом, чтобы поместить справки о репрессированных и реабилитированных военачальниках, министрах, ученых, артистах и т. д.

систско-ленинской теории. При этом т. Деборин пытается умалить и даже совсем отрицать допускаявшиеся им ошибки, которые квалифицировались в известном постановлении ЦК ВКП(б) от 25.01.1931 г. “О журнале ‘Под знаменем марксизма’” как проявление меньшевистствующего идеализма.

Ак. Деборин, требуя, по существу, пересмотра этого решения ЦК партии, отрицает тот большой вред, который нанес меньшевистствующий идеализм не только идеологической работе нашей партии, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, писал т. Мао Цзэ-дун. Постановка этого вопроса т. Дебориным тем более странна, что до сих пор он никогда не отрицал своей вины перед партией и правильной оценки его ошибок.

Не имея никакой скромности, т. Деборин пишет о том, будто В.И. Ленин изучал и конспектировал его юношеские работы и что после Маркса, Энгельса и Ленина якобы только он, Деборин, “подверг идеализм и гегельянство наиболее острой критике”. Ак. Деборин утверждает, что якобы он первый в советской литературе выступил с пропагандой ленинского учения о кризисе физики, раньше всех выступил с разоблачением разбойничьей идеологии фашизма и т. д. Необъективно, в духе беззастенчивого самовосхваления, изображает т. Деборин и свою деятельность в Академии наук СССР. Он считает себя одним из главных преобразователей “старой Академии в советскую”, крупнейшим ее деятелем, несправедливо лишенным руководящих постов.

Однако факты говорят не в пользу ак. Деборина. Он не справился ни с руководством Отделения общественных наук, которое возглавлял с 1935 по 1942 год, ни с руководством сектором новейшей истории Института истории АН СССР (1943–1949 г.). За неудовлетворительное руководство работой сектора и неправильный подбор кадров т. Деборин в июне 1949 г. решением Президиума АН СССР был освобожден от этой должности и переведен в ст. н. с. Тов. Деборин не справился также с работой по редактированию журнала “Вестник Академии наук СССР” и по руководству деятельностью Редакционно-издательского совета (РИСО) Академии. В деятельности РИСО наблюдались серьезные ошибки и провалы, в результате чего т. Деборин в 1950 г. был освобожден от этой последней руководящей должности в Академии.

В начале 1953 г. т. Деборин представил в дирекцию Института истории АН СССР рукопись своей книги “Политические доктрины нового и новейшего времени” (около 100 авт. листов), являющуюся результатом его многолетней работы. Рецензирование этой рукописи группой научных сотрудников Института философии показало, что она содержит серьезные ошибки и недостатки.

Во время беседы с т. Дебориным в Отделе науки ЦК КПСС в мае 1953 г., в которой участвовал также зам. директора Института истории АН СССР т. Филиппов, т. Деборин согласился с предложением о необходимости серьезной доработки указанной рукописи и обсуждения ее после этого в секторе или на ученом совете Института истории.

В ноябре с. г. ак. Деборин представил в Институт истории новый вариант своего труда, существенно переработанный. Он называется теперь “Социально-политические доктрины Нового времени” и в отличие от первого варианта, где изложение доводилось до **XX века, охватывает лишь период до возникновения марксизма**. Работа еще не обсуждалась в Институте истории, но как показывает предварительное ознакомление с ней, она по-прежнему не отвечает требованиям, которые необходимо предъявить к столь ответственной теме.

Жалоба Деборина на неправильное к нему отношение со стороны научной общестственности и на то, что он якобы ограничен в правах советского гражданина, является необоснованной.

Считали бы целесообразным пригласить т. Деборина в Отдел науки ЦК КПСС для беседы по существу вопросов, поставленных им в письме в ЦК КПСС.

А. Румянцев
А. Лихолат».

30.12.1954 г.

В 1955 г. в связи с юбилеем Академии наук были составлены списки на получение правительственных наград. А.М.Деборин был включен в список от Института истории и представлялся к награждению орденом Ленина. Списки были завизированы дирекцией Института, Президиумом Академии, кураторами науки из ЦК. Но руководители Управления кадров АН СССР Косиков и Виноградов посчитали себя главнее академиков и по старой памяти вычеркнули Деборина из списка. 75-летний академик был потрясен тем, что с ним проделали. Он обратился за помощью к академикам А.М.Панкратовой и Л.А.Орбели. А.М.Панкратова и Л.А.Орбели были всецело на стороне А.М.Деборина. Старые академики очень уважали и ценили А.М.Деборина. Л.А.Орбели даже писал А.М.Панкратовой: «Следовало бы войти в Президиум АН с предложением о создании юбилейной комиссии к 75-летию А.М.Деборина. Многолетнее участие Абрама Моисеевича в руководстве Президиума, Отделения и особенно Редакционно-издательского отдела памятно его товарищам по работе и особенно нам, его друзьям, постоянно пользовавшимся его поддержкой и заботой в трудные годы войны и послевоенный период». Но реально повлиять на ситуацию А.М.Панкратова и Л.А.Орбели не могли. А.М.Панкратова написала письмо главному ученому секретарю Президиума АН СССР А.В.Топчиеву.

А.М.Панкратова – А.В.Топчиеву. 6 апреля 1955 г.

«Посылаю Вам записку академика Деборина, т. к. хотела бы поставить Вас в известность о его чрезвычайно тяжелом моральном состоянии. Он оказался вычеркнутым из списков академиков, представленных на награждение орденом Ленина за выслугу лет. Кто и почему это сделал, я не знаю. Когда я спрашивала в Отделе науки ЦК КПСС, мне сказали, что там никого не вычеркивали. В Институте истории тоже говорят, что академик Деборин был в списках. Очень прошу Вас заинтересоваться этим вопросом».

А.В.Топчиев запросил Управление кадров АН СССР. Зам. начальника Управления В.А.Виноградов представил объяснительную записку.

Зам. начальника Управления кадров АН СССР – А.В.Топчиеву. 23 апреля 1955 г.

«Представление академика Деборина к награждению орденом Ленина за выслугу лет и безупречную работу было задержано Академией наук в 1951 г. в связи с наличием данных, отрицательно характеризующих его научную деятельность: в 1949 г. освобожден от обязанностей зав. сектором за развал научной работы и неправильный подбор кадров. Научных трудов за последние годы не имеет. В 1954 и 1955 гг. Институт истории воздержался от представления Деборина к высшей награде – ордену Ленина».

А.В.Топчиеву, которого еще Сталин назначил на пост главного ученого секретаря, чтоб приструнить Академию, ближе оказались аргументы кадровиков, чем аргументы ученых. Ордена Ленина Деборин не получил. Орден Ленина имел в данном случае символическое значение. Деборин лично знал Ленина с 1904 г. и неоднократно с ним общался. Как вспоминает Е.Г.Плимак: «К Ленину академик сохранял огромный пиетет и был в этом отношении вполне искренен, он считал его выдающимся философом – в отличие от прославляемого Сталина». Митин и компания были наняты, чтобы прославить Сталина, отодвинув в его тень Ленина, но в качестве идеологической отмычки использовали эвфемизм «ленинский этап». Дубиной «партийности» и наступившего «ленинского этапа» они побивали Деборина и других советских марксистов. О том, насколько этот этап был «ленинским», свидетельствует следующий факт. В учебнике «Диалектический и исторический материализм», вышедшем в 1933 г. под редакцией Митина, в параграфе «Ленинизм –

новая и высшая ступень в развитии марксизма» нет ни одной ссылки на произведения Ленина, а из сделанных авторами шести ссылок все шесть приходится на работы Сталина. Для сталинистов вообще было немислимо, чтобы А.М.Деборин получил орден Ленина. Сам факт награждения А.М.Деборина орденом Ленина раскрывал бы совершенный идеологический подлог. Поэтому в двух других случаях, когда решался вопрос о награждении академика А.М.Деборина орденом – в 1945 г. и в 1961 г., – оба раза он представлялся к ордену Ленина и оба раза награда была «снижена» до ордена Трудового Красного Знамени.

В 1955–1956 гг. новый вариант рукописи А.М.Деборина о социально-политических учениях Нового времени был отдан на ознакомление сотрудникам Института истории и Института философии (Т.И.Ойзерман, Е.Ф.Помогаева, Г.Л.Епископосов, М.В.Белов, А.И.Демиденко, Ж.Туленов, И.С.Нарский, А.И.Тер-Захарян, О.Н.Трубицын, М.М.Мороз, А.Г.Спиркин) и получил по большей части отрицательные рецензии. Иного нельзя было ожидать, если сопоставить знание иностранных языков и европейскую образованность автора и научный уровень основной массы тогдашних сотрудников этих Институты. Последнее утверждение требовало бы особого обоснования, но если дотошный читатель обратится к темам диссертаций некоторых авторов рецензий⁷, то найдет, например, такие: «Партия Ленина–Сталина – руководящая и направляющая сила советского общества», «Функция советского государства по охране социалистической собственности в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму», «“Атомная социология” – идеологическое оружие американского империализма», «Современный англо-саксонский расизм на службе британской колониальной империи», «Социальные преобразования в деревне в условиях развитого социализма». И эти темы были еще не самыми нефилософскими.

Заслуживает внимания только отзыв М.М.Мороза и А.Г.Спиркина, в котором правда о том, что случилось с А.М.Дебориным, была высказана без обиняков: «Прежде всего, необходимо внести ясность в вопрос о так называемом “меньшевистствующем идеализме”. Как известно, главным обвинением Деборина и его учеников было утверждение об игнорировании ими ленинского этапа в развитии марксистской философии. Между тем фактически об игнорировании Дебориным значения Ленина как философа не может быть и речи; Дебориным не признавалось философское значение трудов не Ленина, а Сталина. Не кто иной, как Деборин, первый в истории марксистской литературы написал и опубликовал труд “Ленин как мыслитель”, который был переведен на многие языки и издан в различных странах. Не кто иной, как Деборин, выполняя прямые указания Ленина, организовал и возглавил Общество материалистов-диалектиков. Но Деборин не написал ни одной статьи или книги, восхваляющей философский гений Сталина. Деборина обвинили в том, что он игнорировал Ленина, а книгу Деборина о Ленине с советского книжного рынка изъяли. В течение почти четверти века Деборин находился в опале, но он ни разу не поступился своей научной принципиальностью, чтобы снискать благоволение Сталина. С этого времени, по сути дела, и начался культ личности Сталина в философском отношении, на дрожжах которого пошли в гору Митин, Каммари и другие. Весьма характерно, что в самих этих выступлениях против “меньшевистствующего идеализма” говорилось не

⁷ См.: Диссертации, защищенные в Институте философии АН СССР (1939–1980 гг.): Библиогр. Указ. / Сост.: Л.С.Давыдова, И.И.Стрекаловская; Отв. ред. В.А.Лекторский. М., 1983.

столько о Ленине, сколько о Сталине. Так называемые защитники ленинского этапа в философии за четверть века не написали ни одной серьезной работы, специально посвященной Ленину, но зато успешно опубликовали великое множество трескучих и бессодержательных восхвалений Сталина. С разгромом группы Деборина наступила полоса безотраднo серой, начетнической литературы в нашей философии. Ссылки на авторитет Сталина превратились в единственное доказательство истины».

XX съезд КПСС, официальное разоблачение культа личности Сталина открыли А.М.Деборину возможность прямо потребовать своей научной и общественной реабилитации и отмены постановления ЦК 1931 г. В своем третьем письме в Президиум ЦК КПСС А.М.Деборин полностью отбросил вынужденную до сих пор ритуальную фразу о своих «крупнейших ошибках в области философии», якобы допущенных им «по линии меньшевистствующего идеализма», и назвал все вещи своими именами. В качестве причины многолетних преследований его и его учеников он назвал защиту ими идей Гегеля, Маркса и Ленина и противодействие сталинизации философии.

А.М.Деборин – Президиуму ЦК КПСС. 12 октября 1956 г.

«В третьей книге журнала “Под знаменем марксизма” за 1922 г. была напечатана знаменитая статья Ленина под названием “О значении воинствующего материализма”, в которой была изложена программа только что основанного журнала и которая стала именоваться философским завещанием Ленина. Владимир Ильич рекомендовал редакции журнала совместно с его сотрудниками образовать Общество материалистических друзей гегелевской диалектики в целях пропаганды и переработки гегелевской диалектики в материалистическом духе. Во исполнение воли Ленина редакция журнала и создала Общество воинствующих материалистов-диалектиков, которое вело весьма активную и успешную деятельность не только в Москве, но и в ряде городов, где имелись отделения Общества. Основная задача Общества состояла в пропаганде марксизма-ленинизма, в снабжении наших кадров научной литературой в области философии марксизма.

В начале двадцатых годов мы были очень бедны марксистской литературой, и в особенности учебной литературой. Для восполнения этого пробела мною была организована “Библиотека материализма” (было издано десять томов английских, французских и немецких классиков материализма) и “Библиотека атеизма”, а также моя “Книга для чтения по истории философии” в двух томах и по прямому указанию Ленина переиздано мое “Введение в философию диалектического материализма”.

В конце 1930 года началась критика Общества воинствующих материалистов-диалектиков: обвинение меня в недооценке Ленина, “гегельянстве”, идеализме и пр. В то же время ко мне на квартиру явились М.Б.Митин и П.Ф.Юдин, которые передали мне ультиматум публично отмежеваться от членов Общества, разоблачить их как врагов народа и признать Сталина корифеем философской науки. Ультиматум был мною отвергнут.

Как ясно теперь из доклада Н.С.Хрущева и из выступлений членов Президиума ЦК на XX съезде партии, вся эта критика сводилась фактически к утверждению культа личности.

25 января 1931 г. было принято по предложению Сталина постановление ЦК о журнале “Под знаменем марксизма” с квалификацией членов Общества как “меньшевистствующих идеалистов”. Через короткое время большая группа молодых талантливых работников, пламенных ленинцев была арестована и сурово наказана.

Что касается меня, то я был снят со всех постов, было запрещено печатать мои работы и последовало распоряжение об изъятии всех моих трудов из обращения, в том числе и книги “Введение в философию диалектического материализма”, переизданной по прямому распоряжению Ленина. Книга выдержала до 1931 г. пять изданий.

Обвинение в “меньшевиствующем идеализме” является необоснованным вымыслом, которое никем никогда не было доказано, да и не может быть доказано не только потому, что я являлся и являюсь убежденным марксистом-ленинцем, в чем легко убедиться, ознакомившись с моими работами, но также и потому, что сам термин “меньшевиствующий идеализм” является плодом механического соединения двух одиозных понятий, и смысл его так и не был никем объяснен.

После ликвидации Общества воинствующих материалистов ничего серьезного взамен создано не было.

Выключенный из научных учреждений, я тем не менее продолжал свою научную работу. За эти годы я вчерне закончил пятитомный труд “Социально-политические доктрины нового и новейшего времени”. Цель этой работы – раскрыть историческое подготавливание марксизма, его развитие и неизбежность победы коммунизма во всем мире. Последний завершающий том посвящен ленинизму.

С 1948 г. у меня на письменном столе лежит уже набранная в типографии работа “Идеология германского империализма”, которая была утверждена к печати РИСО Академии наук, набрана, сверстана и в последний момент по чьему-то произволу снята с производства без всякого объяснения причин.

Кроме указанных работ, я написал труд “Ленин и материалистическая диалектика”, в котором я пытаюсь раскрыть истинное величие Ленина как мыслителя, показывая вместе с тем, что Ленин представляет собою вершину философской науки. Положив в основу истории мысли ленинское учение о кругах, я показываю, что Ленин замыкает и завершает круг: Гегель – Фейербах – Маркс – Энгельс – Ленин.

Таким образом, за эти годы мною написано не менее 300 авторских листов научных работ в области марксизма-ленинизма, которые так и не увидели свет.

Начиная с 1953 г. я добивался разрешения напечатать мои работы. Но я не только не мог добиться, а со мною сыграли совершенно недопустимую “шутку”. Было объявлено на академическом активе, будто Деборин вообще не работает теоретически. И это было сказано в то время, когда я представил в Институт истории три тома моей монографии. Один том затребовал Отдел науки ЦК два года тому назад, и он продолжает там лежать до сих пор; другой том “пропал” в Институте философии. В целях дискредитации меня 20 марта 1953 г. на заседании Президиума Академии наук в докладе директора Института истории было вновь безответственно объявлено, что Деборин не дает продукции. Одновременно им было сказано и в проекте постановления Президиума АН зафиксировано, что я будто привлекался к судебной ответственности за антисоветскую деятельность. Только после моего энергичного протеста эта клевета была снята. Таким образом, мои труды лежат уже более четырех лет замороженными.

Было все сделано, чтобы меня морально уничтожить. Мое имя исключили из БСЭ, меня исключили из членов ученых советов Института философии и Института истории.

Недавно мне исполнилось 75 лет и 50 лет моей научной деятельности. Я продолжаю надеяться, что еще при своей жизни увижу напечатанными мои работы последних лет, а мое имя – очищенным от ярлыка меньшевиствующего идеалиста.

Обращаюсь к Вам, многоуважаемые товарищи, с просьбой снять с меня клеймо меньшевиствующего идеалиста, снять запрет с моих сочинений, из которых многие было бы и сейчас полезно переиздать, напечатать мои труды последних лет, восстановить меня в правах члена ученых советов Института истории и Института философии.

А.Деборин».

Третье письмо А.М.Деборина, наконец, возымело действие. Старого академика было поручено принять не чиновнику из Отдела науки, а ближайшему соратнику Н.С.Хрущева А.И.Микояну.

Вспоминает А.М.Некрнич:

«Я прекрасно помню все эти дни волнений перед тем, как Абрам Моисеевич должен был поехать на встречу с Микояном в Кремль. Он очень волновался – ведь речь шла о всей его жизни ученого. Деборин жил в доме Академии наук по Ленин-

скому проспекту, д. 13. Ехать в Кремль нужно было, минуя Октябрьскую площадь, и затем по улице Димитрова. Когда машина проезжала площадь, она внезапно испортилась. До назначенного времени оставалось буквально 7–8 минут, но тут на помощь пришла милиция, и Абрам Моисеевич попал на свидание к Микояну вовремя.

Вернулся он чрезвычайно возбужденный, но довольный. Он рассказал, что Микоян принял его по-дружески и все расспрашивал, что такое «меньшевистствующий идеализм». «Я, – смеялся Деборин, – сказал Анастасу Ивановичу, что вот уже 25 лет стараюсь понять, что это такое, да так и не понял». Микоян качал головой, смеялся и обещал, что поддержит просьбу Деборина о снятии с него этого нелепого обвинения. Деборин был окрылен. Но дело повернулось далеко не так, как того ожидали.

18 октября 1956 г. А.И.Микоян внес в Президиум ЦК КПСС проект постановления «Об академике Деборине А.М.». Микоян не решился включить в проект пункт об отмене постановления ЦК 1931 г. о меньшевистствующем идеализме. Он предлагал лишь ряд послаблений лично А.М.Деборину. В частности, предлагалось восстановить его в правах члена ученых советов Института истории и Института философии, дать разрешение на издание сборника избранных работ Деборина и вернуть из спецхранов библиотек его книги.

Все, кто был причастен к репрессиям в отношении советских философов, с большой заинтересованностью следили за исходом поездки А.М.Деборина в ЦК КПСС. Перед глазами был пример того, что недавно случилось с палачами в красивых мундирах МГБ. Главных расстреляли, а большую группу остальных исключили из партии, лишили орденов и званий и, главное – генеральских пенсий. Военного прокурора, который вел «ленинградское дело», Н.С.Хрущев вообще разжаловал в рядовые. Сотням привыкших к комфорту партийных философов было чего бояться.

Вот лишь один пример. А.П.Гагарин, хотя и в ерническом тоне, делился опасениями с М.Б.Митиным⁸.

А.П.Гагарин – М.Б.Митину. 5 ноября 1956 г.

«Как Вы, очевидно, знаете, старик Деборин специально “плакался” у тов. Микояна за то, что вот ему навязали незаслуженно кличку меньшевистствующего идеалиста, а он ни душой, ни телом неповинен во всех философских извращениях, какие ему приписывали. Я же считаю, что при всех ошибках, относящихся к культу личности Сталина, борьба против меньшевистствующего идеализма является вкладом в историю советской философии в борьбе за ленинский этап».

А.П.Гагарину, как и многим, было чего опасаться в своем прошлом. В 1937 г. он был деканом философского факультета МИФЛИ. В докладах и выступлениях он предъявлял политические обвинения преподавателям факультета, подводя их к исключению из партии, увольнению с работы и аресту по «расстрельным» статьям о терроризме. В 1937 г. в первом томе «Ученых записок» МИФЛИ А.П.Гагарин выступил со статьей о положении дел на факультете, в которой, по существу, была обоснована программа репрессий в отношении советских философов вообще и преподавателей факультета в частности. В первую очередь досталось деборинцам. «Меньшевистствующий идеализм, – писал Гагарин, – был в рядах партии агентурой контрреволюционного троцкизма: целый ряд изменников Родины, подлых террористов и предателей, окапывался за оградой меньшевистствующего идеализма»⁹. Гагарин пошел даже дальше этой стандартной для 1937 г. обвинительной формулы, заявив, что деборинская школа – «меньшевистствующий идеализм» – была «тем каналом, по которому просачивались» в советскую философию

⁸ Архив РАН. Фонд 1992. Оп. 1. Д. 385.

⁹ Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит. им. Н.Г.Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 266.

фашистские течения. Выдающиеся советские философы оказывались не только вредителями и террористами, но и изменниками и агентами гестапо. Он приветствовал в статье уже произошедшие аресты и расстрелы преподавателей факультета, после чего «вскрыл крупные политические и философские ошибки в работах Тележникова, Фурщика, Вандека, Серёжникова и др.»¹⁰. Все названные Гагариным философы после публикации статьи были арестованы. Никто из них не выжил. Работы их были запрещены.

22 ноября 1956 г. вопрос о А.М.Деборине и его требованиях обсуждался на заседании Президиума ЦК. Принятое постановление состояло из одной фразы¹¹.

Постановление Президиума ЦК КПСС «Об академике Деборине А.М.» 22 ноября 1956 г.

«Строго секретно

Ограничиться обменом мнениями по этому вопросу на заседании Президиума ЦК КПСС».

И все!

Вспоминает А.М.Некрич:

«Когда Микоян предложил отменить постановление ЦК о “меньшевиствующем идеализме”, резко против него выступил в то время еще влиятельный партийный идеолог, занимавший посты секретаря ЦК КПСС и одновременно директора Института марксизма-ленинизма П.Н.Поспелов. На заседании секретариата ЦК Поспелов воспротивился политической реабилитации Деборина, отмене решения ЦК от 1931 года, утверждая, что это повело бы к размыванию идеологического фундамента партии. При этом Поспелов опирался на довольно влиятельную когорту сталинских обществоведов, поднявшихся на разгроме Деборина и его “школки”. Среди них были Павел Юдин и Марк Митин, оба академики, оба члены ЦК КПСС, пользовавшиеся репутацией партийных интеллектуалов».

Десятки, сотни людей сделали себе в 1930-е–1940-е гг. научную и партийную карьеру на травле и уничтожении своих коллег-философов в качестве «меньшевиствующих идеалистов». Все они были повязаны кровью погибших. Теперь эти люди заседали в ЦК и Академии наук, заведовали идеологическими отделами партийных комитетов и кафедрами философии, были идеологической опорой власти. Правда о прошлом была не нужна. Ее место на долгие годы заняли мифы. Показательный факт. В 1955 г. были защищены сразу три диссертации, «научно» закреплявшие разоблачение А.М.Деборина и его школы советской философии марксизма – В МГУ, в ИПК при МГУ и в АОН при ЦК КПСС¹².

С мерами, облегчавшими существование А.М.Деборина, которые предлагал А.И.Микоян, члены Президиума ЦК согласились, но послабления эти проводились негласно, на основе устных указаний. А.М.Деборина восстановили в правах члена ученого совета Института истории и ввели в состав ученого совета Института философии АН СССР. Были возвращены в общий доступ читателей его книги. А.М.Деборин начал работать над сборником своих старых статей.

¹⁰ Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ. С. 269.

¹¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК КПСС. 1952–1958. М., 2010. С. 628.

¹² Шишкин Н.С. Борьба Коммунистической Партии Советского Союза за философские основы марксизма-ленинизма против меньшевиствующего идеализма: Дис... кандидата филос. наук. М., 1955; Шендрик Н.И. Борьба Коммунистической Партии Советского Союза против механицизма и меньшевиствующего идеализма (1920–1932 гг.): Дис... кандидата филос. наук. М., 1955; Чудинов Э.М. Разгром Коммунистической Партией Советского Союза механицизма и меньшевиствующего идеализма и его историческое значение: Дис... кандидата филос. наук. М., 1955.

Об этом периоде жизни и борьбы А.М.Деборина за свое доброе имя рассказывает в своих воспоминаниях Е.Г.Плимак, ставший после А.М.Некрича референтом академика.

Вспоминает Е.Г.Плимак:

«Я не вел никаких дневников, не записывал свои разговоры с Абрамом Моисеевичем Дебориным и вообще не могу привязать к точным хронологическим датам этапы той борьбы, которую он вел при мне за восстановление своего доброго «марксистско-ленинского» имени. Картина этой борьбы приобрела для меня ясные контуры только в последующие годы и десятилетия. Но очертить эти контуры и результат я, наверно, смогу и без хронологии, отметив главное: письмо А.М.Деборина Н.С.Хрущеву с просьбой об отмене постановления ЦК о «меньшевистствующем идеализме», беседа А.М.Деборина с А.И.Микояном, вызов А.М.Деборина к Генеральному прокурору СССР в связи с реабилитацией его учеников и соратников.

Боролся тогда академик против постановления 1931 г. и ставил (через А.И.Микояна) вопрос об его отмене. Боролся и проиграл, несмотря на поддержку Н.С.Хрущева и А.И.Микояна. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. тогда не было отменено – для этого, видимо, не было условий в то половинчатое и противоречивое время. Но все же А.М.Деборину разрешили сначала заняться научной работой, затем – публиковать свои труды. А раз академик приступил к работе, ему по штатам Академии наук был положен референт. В качестве такового я и появился у него на квартире где-то в конце 1957 года.

Дверь академической квартиры на Ленинском проспекте мне открыл плотный, крепкого сложения, невысокого роста пожилой человек лет 75, проводивший меня в расположенный направо от входа свой кабинет. У него как-то странно было припущено одно веко, как я узнал позже – след инсульта, перенесенного в годы погрома Сталиным и его прихвостнями «меньшевистствующего идеализма». В кабинете на столе стояла портативная пишущая машинка – главное орудие производства академика – и высилась солидная стопа книг.

«Будем издавать труд о социальных учениях, – сказал Деборин, усадив меня. – Часть рукописей готова у меня, а теперь вот приходится восполнять пробелы. Вам придется читать и редактировать тексты вслед за мной. Надолго откладывать окончание работы нельзя – возраст не позволяет».

Работа моя оказалась нелегкой, учитывая гигантскую эрудицию академика и его огромную работоспособность; он весь день и часть ночи читал сочинения классиков политической мысли, а также труды о них. Писал он без каких-либо «прикидок» и «черновиков», сразу набело – и тут же передавал мне тексты, которые мне казались лишёнными логики, что, очевидно, и было на самом деле. Работая ежедневно, без выходных, академик мог за пару недель «осилить» любого мыслителя – будь то Марксов, Локк, Руссо или Марат. Первый том «Социально-политических учений Нового времени», который мы собрали, освещал идеи до сорока мыслителей-политиков; вышел он год спустя после моего появления у академика (М., 1958)¹³.

Куда интереснее была параллельная работа над трудом «Философия и политика», издание которого тоже разрешили академику. Кстати, в своем письме в ЦК академик просил разрешения дать сводному труду боевое заглавие, помнится, – «В борьбе за диалектический материализм». Но это ему не разрешили, учитывая его «непартийные» прегрешения; пришлось ему ограничиться заглавием явно обывательским¹⁴. Кто заглянет в книгу «Философия и политика», тот без труда об-

¹³ Второй том вышел уже после смерти академика в 1967 г. под редакцией Э.В.Ильенкова. «Нелогичность» изложения, которую отметил Е.Г.Плимак, объясняется задачами труда: это не детальное исследование первоисточников, а их обзор в просветительских и учебных целях.

¹⁴ Позволю себе не согласиться с автором воспоминаний. А.М.Деборина как «меньшевистствующего идеалиста» постоянно обвиняли в «отрыве» философии от политики. Поэтому данное название скрыто полемично.

наружит большой пробел в сводном материале. Здесь нет ни одного выступления Деборина в защиту своего философского направления в 1929–1930 гг., когда развертывалась его полемика с Митиным, Юдиным, Ем.Ярославским и другими. На все выступления Деборина тех лет было теперь, в конце 1950-х годов (!), наложено табу; лежали они в спецхране.

При моем приходе Абрам Моисеевич давал себе передышку, обычно завязывалась беседа о прошлых временах. Академик был расположен ко мне и откровенен, но вот об избиении “меньшевиствующих идеалистов” и постановлении ЦК ВКП(б), признаться, говорил неохотно и редко, чаще обращаясь к временам дореволюционным или рассказывая о своей работе в Академии наук, где он в свое время был, если не ошибаюсь, членом Президиума. Неоднократно я слышал рассказ о встрече Деборина с Лениным, кажется, в Швейцарии. Но постепенно я приобщился все-таки и к ходу той борьбы Деборина, которую он вел за свое “доброе имя”.

О главном – своем письме Н.С.Хрущеву – академик мне ничего не говорил: оно было конфиденциальным. В разговоре со мной А.М.Деборин передал мне более точно содержание своего отказа Митину и компании. Ответ его гласил: “Я не предаю своих учеников и друзей!”. Как-то рассказал мне Деборин о только что состоявшемся своем визите к Генеральному прокурору СССР. Академика познакомили с целым “делом”, в котором он значился главой “террористического центра”, и сказали, что по этому делу после XX съезда КПСС произведена реабилитация¹⁵ всех расстрелянных соратников Деборина и его самого, которого Сталин оставил в живых!».

Никакого официального решения о научной и общественной реабилитации А.М.Деборина принято не было, не говоря уже об отмене постановления ЦК 1931 г. Это показывает, что сталинский режим после смерти Сталина в своей сущности не изменился и просуществовал далее в этом качестве вплоть до своего крушения. Члены Президиума ЦК прекрасно поняли, к чему может привести официальная реабилитация А.М.Деборина, тем более отмена постановления 1931 г.

Когда в 1965 г. на редколлегии многотомной «Истории философии» возник вопрос о включении в нее параграфа о «меньшевиствующем идеализме», М.Б.Митин выступил со страстной речью¹⁶.

Выступление М.Б.Митина на заседании редколлегии «Истории философии» 22 декабря 1965 г.

«У нас в последнее время такое мнение, что все, что относится к имени Сталина – все берется под сомнение и опровергается, а отсюда переходят к полному очернению. Тот же вопрос о меньшевиствующем идеализме. Нет оснований отказываться от этого. Постановление ЦК о меньшевиствующем идеализме – для нас, членов партии, если мы дисциплинированы, каждое партийное решение является законом. Деборин после XX съезда написал большое письмо в ЦК. Была создана комиссия, на Президиуме ЦК этот вопрос обсуждали, и было признано, что отказаться от постановления ЦК нет никаких оснований».

¹⁵ Здесь требуется уточнение. В данном случае речь идет не о реабилитации расстрелянных учеников и коллег Деборина по Институту философии, которая также проводилась и в которой Деборин принимал участие тем, что давал «положительные отзывы», необходимые для процедуры реабилитации. «Террористический центр» под «руководством» Деборина, состряпанный органами МГБ в период антисемитской кампании, включал в себя евреев – сотрудников Деборина по аппарату Президиума АН СССР. Первым фигурантом по этому «делу» проходил аспирант Института философии Владимир Моисеевич Гальперин, получивший за участие в «террористическом центре» 25 лет лагерей. Он и его товарищи также были реабилитированы. Сам же Деборин был постоянно «на крючке» у органов МГБ как глава «центра» и не был арестован только потому, что вождь из каких-то своих соображений медлил отдать соответствующую команду.

¹⁶ Архив РАН. Фонд 1992. Опись 1. Дело 83.

«Никто не позволит это сделать!», – завершил свою тираду М.Б.Митин. В шестой том «Истории философии» и третий том «Философской энциклопедии» за подписью Митина были включены статьи о «меньшевистствующем идеализме», пересказывающие в который уже раз сталинское постановление 1931 г.

Поставить под сомнение постановление 1931 г. – это значило фактически поставить под сомнение социалистический, марксистский характер всей той политики, которая проводилась в стране после установления единовластия Сталина начиная с 1927 г. Все это члены Президиума ЦК если и не понимали разумом, то чуяли «классовым чутьем». Поэтому Митин, Юдин, Константинов, Каммари, Максимов, Федосеев, Ильичев, Чагин, Иовчук, увенчанные академическими регалиями, продолжали паразитировать на советской философии еще в течение нескольких десятилетий.

Даже в период перестройки постановление ЦК о «меньшевистствующем идеализме» не было отменено. Но это уже другой вопрос: о развитости самосознания нашего философского сообщества. Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» было отменено в 1988 г. под давлением литературной общественности, и в тот момент эта отмена имела важное символическое значение. Философы же и по сей день продолжают жить в беспамятстве об относительно недавнем прошлом, рискуя воспроизвести его вновь.

Не нарушая законов жанра, мы подведем итог нашему повествованию в документах и свидетельствах, процитировав слова участника событий тех лет.

Вспоминает Е.Г.Плимак:

«Главным в деятельности сметенной Сталиным и его прихвостнями “группы Деборина” (это была, действительно, группа единомышленников) может считаться пропаганда и утверждение в нашей стране учения Маркса, Энгельса, Ленина, его развитие в свете новейших достижений естествознания и обществоведения. Подвести итог этой работе трудно – она была прервана еще на самой начальной стадии сталинским вторжением в философию; дело свелось в конечном счете к физическому уничтожению всех “деборинцев” за исключением их “главаря” – его Сталин пощадил для работы в Академии наук.

Суть “установок” постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года объективно сводилась к тому, чтобы растворить сам предмет философии в разного рода экономических, политических, тактических работах Ленина, но прежде всего Сталина, который никаким философом не был.

Поскольку надо было утвердить великим философом Сталина, который философией вообще не занимался, то решили ликвидировать философию как особую науку – она попросту отождествлялась со всем (!) политическим наследием Ленина и особенно Сталина!

Погром “меньшевистствующих идеалистов” в 1930-х годах привел к засилью в философии карьеристов-сталинцев, абсолютно неспособных к какому-либо творчеству. Где мы видим хотя бы один фундаментальный труд, созданный персональными усилиями академиков Митина, Юдина, Константинова, того же Иовчука? Погромщики так и остались погромщиками. Если марксистская философия и развивалась в СССР, то вопреки нападкам этих “руководителей” – развивалась Э.Ильенковым, М.Мамардашвили, Ю.Давыдовым, В.Келле, В.Тюхтиным, Ю.Бородаем и другими, писавшими о диалектике абстрактного и конкретного, диалектической логике, проблеме отчуждения, уточненном формационном членении исторического процесса, превращенных формах, генезисе сознания. Немалое влияние оказали молодые тогда философы на развитие исторической науки в СССР, психологии, литературы.

Но, вообще говоря, философии марксизма-ленинизма – одной из самых содержательных форм теоретического мышления в XIX–XX веках – не повезло в нашей стране. Еще не были разорваны вполне пути догматического мышления на “фило-

софском фронте”, как резко изменилась у нас вся идеологическая обстановка, появилась (после Беловежской пущи) целая когорта “демократических” философов и обществоведов (в основном “марксистов”-перевертышей); главным для них стала не корректировка, а устранение марксизма из нашего общественного сознания. О реальных проблемах погрязшей в коррупции страны, о вымирании ее населения, о гигантской пропасти нищеты и богатства, созданной “реформами”, они молчали раньше и теперь помалкивают.

Тяга к обновленному марксизму в **XXI веке вполне объяснима. Марксизм** обоживал великую мысль: гуманный “обобществленный” человек должен стать господином отношений между людьми и отношений человека с природой. Эту истину в общем-то знали и пропагандировали деборинцы. Наше время прибавило к ней властный императив – иначе гибель человеческого рода».

В.Н. Шевченко

Зачем нужна обществу публичная философия?

В статье раскрывается природа публичной философии, ее роль как медиатора, посредствующего звена в современном обществе между академической, профессиональной философией и идеологическими позициями различных политических движений и партий. Подчеркивается рост значимости публичной философии в современной России для достижения общенационального согласия по вопросам государственного устройства, формирования приемлемой для всего общества идеологии и нахождения оптимального вектора дальнейшего развития России.

Ключевые слова: публика, академическая философия, назначение философии, практическая философия, публичная философия, политология, политическая партия, национальное согласие, идеология.

Б. Массуми

Воображая виртуальное

В статье обсуждается роль виртуального в опыте и восприятии. Виртуальное понимается как потенциальное, а значит, недоступное чувственному восприятию. В этом смысле оно абстрактно. Однако рассматривая три примера из опыта – оптическую иллюзию, зрительный опыт глубины и переживание нагруженной ситуации, – автор показывает, что во всех этих случаях виртуальное включено в опыт и воспринимается нечувственным образом. Демонстрируется взаимодополнительность виртуального и актуального. Виртуальное трактуется как «переживаемая абстракция». Анализ конститутивных для опыта отношений, обуславливающих восприятие виртуального и одновременно зависящих от него, позволяет автору рассматривать теорию виртуального как фундамент для ситуационной этики.

Ключевые слова: потенциальное, виртуальное, прагматизм.

А.В. Смирнов

Сознание как смыслополагание

Предложен нередукционистский подход к пониманию сознания как смыслосозидающей деятельности. Смыслополагание понимается не как «придание смысла» тому, что имеется до и независимо от такого «осмысления», а как деятельность, имеющая свои основания в себе самой, благодаря которой и становится возможным представление о предзаданности подобной («объективной») реальности, неважно, верим ли мы в оправданность этого представления или нет. Исследована параллель между базовой архитектурой чувственного восприятия, изначально включающего в себя концептуализацию (конституирование «вещи»), и базовой архитектурой мысли, предполагающей форму субъект-предикатного высказывания.

Ключевые слова: сознание, смысл, смыслополагание, предикация, Я.

Ю.В. Синюкая

Путешествие как философский проект

Феномен путешествия рассматривается как форма осуществления человеком себя. Опираясь на тексты о путешествии по собственной комнате Ксавьера де Местра, Альбера Камю, Германа Гессе, Иосифа Бродского, Василия Бетак и др., автор рассказывает об энтелехии путешествия как опыте самоидентификации.

Ключевые слова: путешествие, экзистенциализм, самоидентификация, архетипы внутреннего пространства, энтелехия, путешествие вокруг моей комнаты.

Р.Г. Апресян

К базовому определению морали

Смысл морали – в согласии частных интересов во имя блага индивидов и социума. Морально положительными являются действия, подтверждающие чужое благо и способствующие ему. Обобщенный опыт таких действий отражен в ценностях – невреждении, признании, солидарности, заботе. Чувствительность личности к этим ценностям, готовность их практиковать выражаются в добродетелях и стремлении к совершенству, которые как идеи также представляют собой ценности. Моральные ценности императивны и нередко воспринимаются в первую очередь как императивы. В статье анализируются специфические особенности моральных представлений в их ценностной и императивной модальности, в частности предпринимается попытка переосмысления таких характеристик, как абсолютность и универсальность.

Ключевые слова: мораль, этика, ценности, императивы, добродетели, совершенство, коммуникативность, перфекционизм, санкция, абсолютность, универсальность, общественная мораль.

Н.И. Лапин

Смена парадигм системного мышления и антропо-деятельностное понимание неравновесных социокультурных систем

Показано, что В.Н.Садовский (1934–2012) обосновал становление нового, современного этапа системных исследований, особенность которого составляет переход от первой ко второй парадигме системного мышления – от исследования условий равновесия открытых систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных систем. При этом он самокритично подтвердил обоснованность понимания И.В.Блаубергом и Э.Г.Юдиным главного вклада системных исследований в науку, технику и практическую деятельность во внедрении в эти сферы специфически системного мировоззрения и системной методологии, а не в попытках создания общей теории систем. Автор статьи показывает, что предложенный им антропный (антропосоциетальный) подход (одновременно социально-философский и общесоциологический) разработан в русле второй системной парадигмы. Этот подход применен к пониманию неравновесных социокультурных систем (российское общество, его регионы) и процессов их модернизации.

Ключевые слова: парадигмы системного мышления, неравновесная социокультурная система, антропный (антропосоциетальный) подход, факторы торможения модернизации, стратегия интегрированной модернизации.

Н.В. Мотрошилова

Мир мудрых мыслей Т.И.Ойзермана

Статья, посвященная книге Т.И.Ойзермана «Размышления. Изречения», концентрирует внимание на актуальных афоризмах и кратких обобщающих выводах ученого, в центре внимания которых – новые подходы к анализу сущности и достоинства человека, возможностей и ограниченностей познания, науки в их воздействии на человеческую историю и на природу. В противовес гордыческим формулам, завышенным ожиданиям и обещаниям, касающимся познания, особенно научного, якобы способного в ближайшем будущем разрешить чуть ли не все сложные проблемы индивидов и общества, Т.И.Ойзерман инициирует исследования и дискуссии во имя формули-

рования нового, взвешенного философского подхода к оценке возможностей и принципиальных, неснимаемых ограниченностей, трудностей познания, в том числе в его форме научного познания и исследования.

Ключевые слова: познание, наука, прогресс науки, непознанное, «принципиально непознаваемое», сциентизм, социальный утопизм, неведомые результаты научно-исследовательского процесса, *mania grandiosa*, фаустовский дух, экологический кризис.

С.Н. Корсаков, М.Г. Деборин

Борьба академика А.М.Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах

В статье на основе исторических документов показана борьба, которую основатель Института философии академик А.М.Деборин вел за отмену постановления ЦК ВКП(б) 1931 г., в котором советская школа марксистской диалектической философии была объявлена «меньшевистствующим идеализмом». Приводятся три письма по этому вопросу, которые в 1953–1956 гг. А.М.Деборин направлял Н.С.Хрущеву, а также документы, отражающие сопротивление, которое оказывали борьбе академика за десталинизацию философии философы-сталинисты и партийные чиновники. Малоизвестные страницы событий тех лет раскрываются благодаря воспоминаниям А.М.Некрича и Е.Г.Плимака, бывших в те годы референтами А.М.Деборина.

Ключевые слова: А.М.Деборин, сталинизм, советская философия, Н.С.Хрущев, «оттепель».

V.N. Shevchenko

Why does a society need public philosophy?

The present paper explores the nature of public philosophy and its mediatory role in contemporary society between academic professional philosophy and the ideologies professed by various political movements and parties. So, the importance of political philosophy in today's Russia keeps growing in view of vital goals, such as reaching the national consensus on issues of polity and government system, formulating an ideology that would be acceptable to the society as a whole, and finding an optimal trend of further development.

Keywords: public, academic philosophy, the purpose of philosophy, practical philosophy, public philosophy, political science, political party, national consensus

Brian Massumi

Envisioning the Virtual

The author discusses the role played by the virtual in human experience and perception. The virtual is perceived as potential and, therefore, as inaccessible to sensual perception. In this sense it can be said to be abstract. There are, however, examples, drawn from the empirical sphere, such as the optical illusion, the visual perception of depth and the experience of a situation as value-laden, which demonstrate that the virtual can be included in experience and be perceived in a non-sensual mode. Thus complementarity of the virtual and the actual is proved. The virtual can be regarded as an "abstraction being experienced". The analysis of the relations which constitute experience and, while being dependent on the virtual, at the same time determine it allows the author to consider the theory of the virtual as a foundation of some kind of situational ethics.

Keywords: the virtual, potential, pragmatism

A.V. Smirnov

Mind as a sense generating vehicle

"Sense" is treated here not as a meaning-value of something which, as we say, "makes sense" for us, but rather as a constituent of any such "some-thing". Perception of "external reality" is impossible without apprehension of "things" which, however, are constructed by our consciousness and not "reflected" in it. This approach does not reduce consciousness to any external independent reality but argues that its basics should and can be discovered in itself. The striking parallel between sense perception which structures the scattered plurality of perceptions around "things", and the deep structure of our thought which is based on subject-predicate link, is further explored.

Keywords: mind, consciousness, meaning, sense, Ego, subject, predicate

J.V. Sineokaya

Travel as a philosophical project

The paper investigates the phenomenon of travel as an experience of self-identification. The author analyzes the texts about journey around one's room by Xavier de Maistre, Albert Camus, Hermann Hesse, Joseph Brodsky, Vasili Betaki and others.

Keywords: travel, existentialism, self-identification, archetypes of internal space, entelecheia, journey around one's room

R.G. Apressyan

Towards a core understanding of morality

The meaning of morality consists in the coordination of one's private interests with common/public good. Actions recognizing and promoting the good of others are considered as morally positive. The generalized experience of such actions is reflected in the values of non-harming, of recognition, solidarity and care. One's sensitivity regarding these values and one's readiness to implement them are manifested in personal virtues and determination towards personal excellence. As ideas, virtues and excellence also belong to moral values. Moral values are imperative by their nature and for this reason are often considered as merely imperative. The author analyzes the specific way the value and imperative modalities of moral propositions operate and attempts to rethink such significant features of morality as its absolute and universal character.

Keywords: morality, ethics, values, imperatives, virtues, excellence, communicativity, perfectionism, sanction, absoluteness, universality, public morality

N.I. Lapin

The change of paradigms of system thinking and the anthropic understanding of non-equilibrium sociocultural systems

The author attempts to show that V.N. Sadovsky (1934-2012) laid the foundation of a new contemporary phase of systems research which consists in the transition from the first to the second paradigm of system thinking, i.e., from the study of open systems in equilibrium to the analysis of the non-equilibrium and irreversible state of complex systems. He was self-critical enough to recognize that I. Blauberg and E. Yudin had been right in asserting that the main contribution of systems research to science, technology and practice had been the implementation of specific system worldview and system methodology in these areas rather than any attempts made to create a general theory of systems. The paper shows that the anthropic (or rather antroposocietal, that is, combining the methods of social philosophy with those of general sociology) approach he proposes has been developed according to the second paradigm of systems thinking. He applies the said approach to the study of non-equilibrium sociocultural systems (such as the Russian society or its regions) and modernization processes inside them.

Keywords: paradigms of system thinking, a non-equilibrium sociocultural system, anthropic (antroposocietal) approach, factors inhibiting modernization, strategy of integrated modernization

N.V. Motroshilova

The world of Theodor Oisermann's wise thoughts

The present paper is a commentary to Theodor Oisermann's latest book *Reflections and Aphorisms*. Oisermann's succinct statements and terse formulations are shown to contain some novel approaches to the analysis of the essence of human experience, the limits of knowledge and the effects of science on human history and nature. To the arrogant formulas, overrated expectations and promises that concern scientific knowledge, allegedly capable of solving nearly all social and individual problems in the near future, Oisermann opposes the idea of patient search for a new and balanced philosophical approach to evaluating the real possibilities and the inherent limitations and difficulties of cognition, scientific cognition in particular, that are insurmountable in principle.

Keywords: knowledge, science, the progress of science, the unknown, «unrecognizable in principle», scientism, social utopia, unpredictable results of scientific research, mania grandiosa, Faustian spirit, ecological crisis

S.N. Korsakov, M.G. Deborin

The struggle of A.M. Deborin, FRAS, for scientific and social rehabilitation: the story told via documents and testimonies

The article offers a reconstruction, based on documents and historical evidence, of the struggle to abolish the decree of the CPSU Central Committee from the year 1931 declaring the Soviet school of Marxist dialectic philosophy a «men-shevik-like idealism», led by the founder of the Institute of Philosophy, Fellow of the Russian Academy of Sciences A.M. Deborin. The authors publish three letters which Deborin wrote on the subject to Khrushchev from 1953 to 1956, through the years of Khrushchev's «Thaw», as well as documents reflecting the resistance with which Stalinist-minded philosophers and party officials met Deborin's attempts to destalinize philosophy. Particularly valuable is the testimony from little-known memoirs of A.M. Necritch and E.G. Plimak who served as Deborin's secretaries during that period.

Keywords: A.M. Deborin, Stalinism, Soviet philosophy, N.S. Khrushchev, the «Thaw».

Апресян Рубен Грантович – заведующий сектором этики Института философии РАН, доктор филос. наук; ethics2004@mail.ru

Аронсон Даниил Олегович – аспирант философского факультета НИУ-ВШЭ; phljrnl@yandex.ru

Корсаков Сергей Николаевич – старший научный сотрудник Института философии РАН, доктор филос. наук; snkorsakov@yandex.ru

Ларин Николай Иванович – главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, член-корреспондент РАН, советник РАН; lapin@iph.ras.ru, lapini31@mail.ru

Мотрошилова Неля Васильевна – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор филос. наук; motroshilova@yandex.ru

Массуми Брайан – профессор отделения коммуникационных технологий Университета Монреаля (Канада), философ, переводчик, политический теоретик, экспериментатор, автор книг *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation* (Durham: Duke University Press, 2002; 2003), *A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992; 2003), *Semblance and Event: Activist Philosophy and the Occurrent Arts* (MIT Press, 2011); phljrnl@yandex.ru

Шевченко Владимир Николаевич – и.о. ведущего научного сотрудника Института философии РАН; доктор филос. наук phljrnl@yandex.ru

Смирнов Андрей Вадимович – заведующий сектором философии исламского мира Института философии РАН, доктор филос. наук, член-корреспондент РАН; islamphil@mail.ru

Синеокая Юлия Вадимовна — заведующая сектором истории западной философии Института философии РАН, доктор филос. наук; juliasineokaya@yahoo.com

Редакция приносит свои извинения за допущенную ошибку. В предыдущем выпуске журнала № 2(11) 2013 в русском написании имени Yvon Brès была допущена ошибка. Вместо «Ивон Бре» следует читать «Ивон Брес».

Научно-теоретический журнал

Философский журнал № 1(12)

Художники: *Я.В. Быстрова, Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *И.А. Мальцева*

Свидетельство ПИ № ФС77-32885 от 15.08.2008 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 13.05.14.

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 9,25. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 1 000 экз. Заказ № 11.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5

Информацию о «Философском журнале» см. на сайте Института философии:

http://iph.ras.ru/ph_j.htm

Памятка для авторов «Философского журнала»

- Философский журнал открыт для всех авторов независимо от их ведомственной принадлежности и социального статуса.
- Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не сдан в другое издание. Ссылка на «Философский журнал» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.
- Рукописи принимаются редакцией в распечатке в 1 экз. вместе с электронной версией, записанной на диске или отправленной по электронной почте. Формат – Word, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, междустрочный интервал – 1,5. Сноски постраничные, со сквозной нумерацией.
- Объем статьи – от 0,5 до 1,5 а.л., включая ссылки, примечания, литературу. Рецензия – до 0,7 а.л.
- К рукописям прилагаются:
 - а) резюме статьи объемом до 600 знаков на русском и (желательно) английском языках,
 - б) ключевые слова,
 - в) сведения об авторе:
 - фамилия, имя отчество полностью;
 - место работы;
 - ученые степени и звания;
 - контактный телефон, e-mail;
 - заполненная доверенность на передачу авторского права.
- Редакция принимает решение о публикации текста в соответствии с решениями редколлегии и главного редактора. Решение о публикации принимается в течение двух месяцев с момента предоставления рукописи.
- Рукописи не возвращаются.
- С аспирантов не взимается плата за опубликование рукописей.
- Рисунки, формулы, специфические значки и неевропейские шрифты должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом.
- Адрес редакции: 119991, Москва, Волхонка 14, стр. 5, Институт философии РАН, «Философский журнал».
Адрес электронной почты: phljrnl@yandex.ru
тел.: (495) 697-66-01
- Общие правила оформления рукописей и работы над версткой см. на сайте Института философии РАН <http://iph.ras.ru/uplfile/print/Pamyatka.pdf>

**Подписка на «Философский журнал» открыта в отделениях связи России.
Подписной индекс 41951 Объединенного каталога «Пресса России»
или по Интернет-каталогу: <http://www.arpk.org/magaz.php?in=41951>**